

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Институт иностранных языков

STUDIA LINGUISTICA

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

XXVII

1797

Санкт-Петербург
Политехника-принт
2018

Печатается по рекомендации Ученого совета Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Т.А. Казакова** (СПбГУ)
доктор филологических наук, профессор **И.А. Каргаполова** (РГПУ им. А.И. Герцена)

Ответственный редактор:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова**

Редактор:

кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Редактор английских текстов:

доктор филологических наук, профессор **В.Ю. Клейменова**

Члены редколлегии:

профессор **И.П. Шишкина** (РГПУ им. А.И. Герцена)
кандидат филологических наук, доцент **В.В. Меняйло** (НИУ ВШЭ)

Технический редактор:

инженер II категории **Л. Евстигнеева**

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVII. Язык и познание в современной науке. Сб. научных трудов. СПб.: Политехника-принт, 2018. 184 с.

ISBN

В очередном сборнике STUDIA LINGUISTICA XXVII особое внимание уделяется вопросам языка и познания, которые находят отражение в исследованиях по семантике и лексикологии, фразеологии и лексикографии, теории текста и дискурса. Язык и познание включаются в современный общенаучный и социо-культурный контекст, акцентирующий значимость человеческого фактора.

Как всегда, одна из рубрик сборника посвящена филологам-герценовцам, чьи судьбы тесно связаны с Институтом (факультетом) иностранных языков, и чьи юбилеи мы рады отметить: профессорам Ирине Владимировне Арнольд и Инне Павловне Шишкиной. Статья доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.И. Шаховского, написанная им к юбилею профессора И.В. Арнольд, занимает в сборнике особое место. Завершает сборник рецензия доктора филологических наук, профессора Е.А. Гончаровой на книгу профессора Михаэля Гофмана (в русском переводе «Стиль и текст»).

Сборник представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов языковых вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся актуальными проблемами и тенденциями развития современного языкознания.

ISBN 978-5-906

Чествуя филологов:

Юбилеры института иностранных языков

7 августа 2018 года исполняется 110 лет со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии Ирины Владимировны Арнольд (1908–2010) – выдающегося учёного, основателя российской школы стилистики декодирования, автора программных трудов по стилистике, теории и интерпретации текста, герменевтике, семантике и лексикологии

ИМЯ В НАУКЕ: Ирина Владимировна АРНОЛЬД

«Память – одно из важнейших свойств бытия. Благодаря памяти прошлое входит в настоящее. Память продлевает время», – эти слова из статьи Ирины Владимировны Арнольд [Арнольд, 2002, с. 9] справедливы и по отношению к ней самой. Память о крупном ученом-филологе, авторе многочисленных трудов, составляющих золотой фонд отечественной и мировой науки,

научном руководителе, выпустившем в научную жизнь свыше 70 аспирантов, несомненно, заставляет оценивать личность и научные достижения Ирины Владимировны как принадлежащие современности.

Судьба Ирины Владимировны неразрывно связана с судьбой Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда, а Герценовский университет всегда занимал в ней особое место. Окончив университет в 1928 году, Ирина Владимировна работала переводчицей и преподавателем английского языка в НИИ Комбината Гражданского Воздушного флота, который в 1941 году был преобразован в Военно-воздушную академию. Здесь, в годы Великой Отечественной войны (уже в Йошкар-Оле), она готовила квалифицированных инженеров для нужд фронта, обучая их иностранным языкам. За самоотверженный труд в эти годы Ирина Владимировна Арнольд была награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и памятными юбилейными медалями.

Профессор Арнольд изучала сложные проблемы интерпретации и герменевтики, семасиологии и теории значения, импликации как основы построения текста, отстаивала идею языка как кода, разработала оригинальную стилистику декодирования, идеи которой, вот уже в течение многих десятилетий, воспроизводятся в одноименных учебниках. В воспоминаниях своих учеников и коллег по педагогической и научной деятельности она запомнилась масштабностью научных выводов, гибкостью научных подходов, трепетным отношением к языковому материалу, стремлением к сочетанию в научных поисках новаторства и уважения к традициям. «Лингвисты часто тянутся к цивилизации», – писала она, – «и ищут новое в работах последних лет, выполненных американцами. Подлинные филологи находят много интересного в работах Поттебни, Трубецкого, Бодуэна де Куртене и других отечественных ученых прошлого, и в этом видится ретроспективная трансформация опыта. Получается некоторое столкновение приоритета и новизны. Культура уважает приоритет, а цивилизация – новизну» [Арнольд, 2002, с. 13].

Судьбы отечественных филологов, представителей просвещенной интеллигенции, со многими из которых переплеталась и судьба членов её семьи, занимали в научном творчестве Ири-

ны Владимировны особое место. В своих мемуарах «Моя семья – XX век в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, Петербурге»¹ Ирина Владимировна с гордостью рассказывала о своих родных, связанных общим делом с выдающимися отечественными учеными И.А. Бодуэном де Куртене и Л.В. Щербой, а родственными отношениями – с потомками Ф.М. Достоевского.

Память поколений – вот, что искренне волновало профессора Арнольд, которая стала свидетелем многочисленных гонений на ученых, запретов публикации их трудов, их высылки из страны. В статье «Наше наследие: о судьбах русской филологии XX века» Ирина Владимировна называет целую плеяду блестящих ученых от М.В. Ломоносова до Л.С. Выготского достойным примером для подражания. Долг современного поколения исследователей она видит в расширении знания о трудах русских ученых прошлого в мировой науке и восстановлении памяти о них в наших работах [Арнольд, 2009, с. 24].

Ещё одно достояние, которым так гордилась и которое ценила в окружающих Ирина Владимировна – это особая национально-социальная идентичность петербуржцев. Эта идентичность может быть врожденной или может формироваться со временем, ведь всё, «что окружает человека в Петербурге – красота и сложность города, отражающая его историю, хранится в сознании как множество образов. Петербуржец ощущает себя частью этого целого и чувствует свою личную ответственность за его будущее.<...> Петербуржцы-ленинградцы ощущают себя как часть города и его истории, поскольку знают, какие высокие требования предъявляет к ним историческое и духовное величие города» [Арнольд, 2003, с. 10]. Столь высокие требования предъявляла к себе и окружающим сама профессор Арнольд.

Ученый-энциклопедист и профессионал высокого класса, И.В. Арнольд посвятила многие годы своей научной жизни работе с молодыми поколениями, щедро делилась с ними мощным

¹ Отрывки из мемуаров Ирины Владимировны Арнольд «Моя семья – XX век в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, Петербурге» были напечатаны в 2008 году в специальном выпуске серии *Studia Linguistica*, посвященном 100-летию со дня рождения профессора И.В. Арнольд – см. *STUDIA LINGUISTICA XVII*. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук./Отв. редакторы д.филол. наук, проф. И.А. Щирова; к.ф.н., доц. Ю.В. Сергаева — СПб.: Политехника-сервис, 2008. — 420 с.

научным потенциалом, заряжала исключительной самоотдачей и трудолюбием, воспитывала в них чуткость и способность к сопереживанию. Истинный университетский профессор, она всегда оставалась высоким образцом нравственного служения идеалам науки. Возглавляя кафедру английской филологии с 1966 по 1975 гг., Ирина Владимировна Арнольд создала на ней творческую и нравственную среду, гуманистическую по своим целям и направленности. Сегодня эта особая атмосфера воспроизводится её коллегами, учениками и последователями в многочисленных вузах России.

Арнольд И.В. Память // Чествуя филолога. Орел, 2002. С. 9–15.

Арнольд И.В. Идентичность петербуржцев // Ученые Записки. Том IX. Вопросы германской и романской филологии. Выпуск 2. СПб., 2003. С. 3–10.

Арнольд И.В. Моя семья – XX век в Петербурге, Петрограде, Ленинграде, Петербурге // STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. СПб., 2008. С. 6–16.

Арнольд И.В. Наше наследие: о судьбах русской филологии XX века // STUDIA LINGUISTICA XVIII. Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник статей. Отв. редакторы д.филол. наук, проф. И.А.Щирова; к.ф.н., доц. Ю.В.Сергаева. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 18–24.

И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева

В 2017 году исполнилось 90 лет со дня рождения Почетного работника Высшего Профессионального Образования Российской Федерации, Почетного профессора Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена, профессора кафедры немецкой филологии Инны Павловны Шишкиной – выдающегося специалиста в области германской филологии, лексикологии и лексикографии немецкого языка

УЧЕНЫЙ. УЧИТЕЛЬ. НАСТАВНИК:
Инна Павловна ШИШКИНА

В декабре 2017 года Почетный профессор РГПУ им. А.И. Герцена, профессор кафедры немецкой филологии Инна Павловна Шишкина отмечала юбилей. Научная и трудовая деятельность И.П. Шишкиной на протяжении более 60 лет связана с РГПУ им. А.И. Герцена, с кафедрой немецкой (до 2009 г. – германской) филологии.

За это время она внесла неоценимый вклад в воспитание и подготовку квалифицированных научных и научно-педагогических кадров, в разработку новейших методик и методологий преподавания теории и практики немецкого языка, в привлечение студентов и аспирантов к активной научно-практической деятельности.

И.П. Шишкина стояла у истоков формирования научной школы германистики в РГПУ им. А.И. Герцена и в настоящее время

развивает лучшие научные и педагогические традиции кафедры германской (немецкой) филологии и передает свой бесценный опыт молодому поколению. Она воспитала 35 кандидатов наук, многие из которых в настоящее время составляют ядро преподавательского состава кафедры немецкой филологии.

И.П. Шишкина является автором более 100 научных трудов, многочисленных учебников и учебных пособий, широко известных и востребованных не только в РГПУ им. А.И. Герцена, но и во многих вузах страны, по праву принадлежа к ведущим специалистам в области лексикологии, лексикографии и интерпретации текста.

И.П. Шишкина является эталоном преподавателя высочайшего уровня, неизменно сочетающего в своей деятельности профессионально-исследовательские позиции педагога и ученого, который не останавливается на достигнутом и продолжает постоянный научный поиск в решении сложных проблем подготовки высокообразованных учителей-филологов для разных типов современных образовательных учреждений.

За многолетнюю научную и педагогическую деятельность Инна Павловна награждена медалями РГПУ им. А.И. Герцена «Знак почета РГПУ» и «За заслуги в образовании и науке», нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования», ей присвоено звание Почетный профессор РГПУ им. А.И. Герцена.

Для всего коллектива преподавателей, студентов и аспирантов Института иностранных языков Инна Павловна является образцом глубочайшего профессионализма и беззаветного трудолюбия, принципиальности, отзывчивости, душевной щедрости.

В.А. Эрман

110-летию со дня рождения Ирины Владимировны Арнольд посвящается

УДК 81.0

В.И. Шаховский (Волгоград, Россия)

КОННОТАЦИЯ: ИСТОРИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Проводится краткий экскурс в историю разработки различных концепций коннотации и формирования её теории. Подчёркивается значительная роль проф. И.В. Арнольд в этом процессе. Сопоставляются различные модели коннотации и её семантические структуры. Приводится оригинальная теория коннотации (авторская). Вводится в научный обиход термин «эмотивность». Все положения статьи широко иллюстрируются. Подводятся основные итоги новых знаний о коннотации и намечаются перспективы новых исследований.

Ключевые слова: *коннотация, эмотивность, лингвистика эмоций, И.В. Арнольд, рематичность коннотации, знаковая сущность коннотации, контекстная / ассоциативная коннотация.*

1. Коннотация в стилистике / Краткий экскурс в историю теории коннотации

Проблема семантической коннотации в лексическом значении слова имеет очень длительную историю. Но самое начало истории уходит своими корнями в XIX в., когда слово «коннотация» ещё не связывалось с языковой структурой. Я не буду касаться этого далёкого вопроса. Поскольку имманентная лингвистика исключала всякую возможность изучения семантики языковых единиц и грамматической семантики, то, естественно, и слово «коннотация» не использовалось в лингвистических штудиях. Соответственно его не было ни в каких учебниках по лексиколо-

гии и стилистике языка, высказывания и текста. Не функционировало это слово и в переводоведении.

Так, например, В.Н. Комиссаров ещё не использовал термин «коннотация». До 80-х гг. коннотация считалась периферийной сферой языковой картины мира [Шаховский, 1989, с. 76]. Он считал, что эмоциональное слово можно передать при переводе «как правило полностью», оттенки же перевести сложно. В.Н. Комиссаров ещё не понимал, что коннотация – не украшение текста. Она рематична, т.е. коммуникативно значима. Но он уже понимал, что эмоция – культурно значима и специфична [Комиссаров, 1973, с. 107–108].

На это указывает такой факт, что практически во всех текстах перевода беллетристики наблюдаются эмотивные лакуны [Шаховский, 1995, с. 45]. Текст перевода всегда менее выразителен, прагматичен, эстетически обеднён (почему и существует много переводов). Так, например, В.Я. Задорнова проанализировала более десяти переводов на русский язык текстов драм Шекспира «Отелло» и «Гамлет» и установила, что ни один из переводов не является и не может быть аутентичным и, прежде всего, за счёт национально-специфических особенностей ТИ (текст-источник) и ТП (текст-перевод), влияющих на их различное восприятие и прагматику [Задорнова, 1984].

Известнейший отечественный учёный, специалист по стилистике английского языка, И.Р. Гальперин только в 1981 г. использовал в своём учебнике слово «коннотация» и всего лишь вскользь и только один-единственный раз. Приведу цитату из этого учебника. Описывая структуру лексического значения слова, он использует термины «денотация» и «сигнификация»: «...These aspects are also called „reference“ and „signification“ or „denotation“ and „connotation“» [Гальперин, 1981, с. 68].

И.В. Арнольд была первым ученым, которая при написании учебника по лексикологии для студентов высшей школы признала состоявшимся знание о том, что язык должен изучать эмоции, что язык содержит эмоциональную лексику, грамматику, тем самым она отошла от традиции [Блумфилд, 1930; Звегинцев, 1967] отрицания всякой связи языка и эмоций, исключения изучения эмоций из языкознания. Впервые в её учебнике по лексикологии появился раздел «The opposition of emotionally

coloured and emotionally neutral vocabulary» [Арнольд, 1973, с. 213–219]. В этом же разделе в постраничной сноске впервые в отечественной лингвистике названы три работы по начинающей свою жизнь лингвистике эмоций [Михайловская, 1966; Мальцев, 1963; Шаховский, 1969].

Но несмотря на процитированные ею работы, И.В. Арнольд все же еще нерешительно заключает: «Concluding the paragraph it is necessary to stress that as a rule emotional and emphatic words do not render emotions by themselves but impart these to the whole utterance in co-ordination with syntactic and international means. **Only context** (выделено мною – В.Ш.) permits one to judge whether the word serves as a mere intensifier or expresses emotion, and if so, to particularize the type of emotion» [Арнольд, 1973, с. 219].

В следующем издании этого учебника И.В. Арнольд по-прежнему придерживается мнения, что эмоциональная семантика добавляется к словарной лексической единице только в контексте, и вместе с тем и в данном издании она раздел называется «The opposition of emotionally coloured and emotionally neutral vocabulary». Тем самым, в этом заголовке фактически признается наличие двух типов лексики в английском словаре, т.е. признается как ситуативное, так и словарное состояние эмоциональной семантики [Арнольд, 1986]. Нетрудно заметить некоторое противоречие: с одной стороны, признаётся наличие нейтральной и эмоциональной лексики в словарном составе языка, а с другой, утверждается, что эмоциональная семантика (напомню, что И.В. Арнольд не говорит ещё прямо об эмоциональной коннотации в лексическом значении слова как лексикографического факта) выявляется, возникает только в контексте, т.е. она адгерентна.

В своём учебном пособии для студентов, аспирантов, всех филологов, интересующихся проблемами лингвистики [Арнольд, 1991], автор знакомит читателей с основами и процедурами современных лингвистических исследований, развивает у них навыки самостоятельной творческой работы.

В пособии рассматриваются методические, методологические и коммуникативные проблемы лингвистических исследований. Оно знакомит с базовыми терминопонятиями современной лингвистики, библиографическим аппаратом, методикой сбора фак-

тического материала, его анализа и приёмами описания результатов этого анализа. В нём среди списка работ, рекомендуемых для использования в своих исследованиях, И.В. Арнольд называет несколько работ о становящейся на ноги лингвистике эмоций, в которой уже предлагается не только концепция, но и теория коннотации вообще и эмотивной, в частности.

В своём учебнике «Стилистика. Современный английский язык» (2004) И.В. Арнольд продолжает поддерживать теперь уже развитие новой научной парадигмы – лингвистики эмоций, цитируя, например, мою работу [Шаховский, 1988].

Впервые значительное место в ее учебнике посвящено денотативному и коннотативному значению, эмоциональной, оценочной, экспрессивной и стилистической составляющим коннотации [Арнольд, 2004, с. 153] и совмещению эмоциональной, экспрессивной, оценочной и стилистической коннотации [Арнольд, 2004, с. 162].

Этот учебник является последним, исправленным и существенно дополненным изданием, которое подготовила И.В. Арнольд для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных вузов. Он обобщил все ее предыдущие учебники по стилистике и лексикологии английского языка, написанные ею на протяжении всей ее научной жизни. Это – самое полное новое знание по данной научной дисциплине, своего рода стилистическая энциклопедия.

К этому времени сам термин «коннотация» как компонент лексического значения слова уже получил всеобщее признание, и ему начинают уделять внимание всё более и более крупные лингвисты как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Совершенно неожиданно этой проблемой заинтересовалась известнейшая фразеолог русского языка проф. В.Н. Телия. Прервав на некоторое время свои исследования по фразеологии, она подготавливает и издаёт фундаментальнейший труд по лексической коннотации [Телия, 1986].

В этой работе В.Н. Телия рассматривает коннотативный аспект семантики слова, связанный с выражением эмотивно-оценочного отношения говорящего к обозначаемому и со стилистической окраской языкового выражения, вместе создающими экспрессивную его окраску. В.Н. Телия пытается описать структуру конно-

тации как особого макрокомпонента значения, а также раскрыть механизмы, обуславливающие эмотивность и стилистические функции коннотации. Особое внимание автор обращает на модальную природу коннотативного макрокомпонента и на его взаимодействие со значением высказывания.

Обращу внимание читателей на то, что в данной книге в качестве полноправного и активного научно-лингвистического термина используется слово «эмотивность» и словосочетание «эмотивная коннотация». До этого момента муки рождения коннотативной концепции языка длились довольно долго (см., например, труды [Говердовский, 1989; Gowerdowskij, 2002; Комлев, 1969]).

Такую попытку сформулировать собственную концепцию феномена коннотации можно найти и в специальной работе проф. В.Н. Телия, в которой разводятся широкое и узкое понимание коннотации, а эмотивность называется её вершинным компонентом. Цитата довольно пространна, но зато даёт читателю наиболее полное представление не только о признаке «коннотация», но и о её многочисленных семантических конкретизаторах: «... в широком смысле коннотация – это любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное), а также грамматическое содержание языковой единицы и придаёт ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, сферу языковой деятельности, социальные отношения участников речи, её форму и т.п. В узком смысле – это компонент значения, смысла языковой единицы, выступающий во вторичной для неё функции наименования, который дополняет при употреблении в речи её объективное значение ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования, т.е. признаков, соотносимых с буквальным смыслом тропа или фигуры речи, мотивировавших переосмысление данного выражения» [Телия, 1998, с. 236].

Несмотря на большое обилие и специальных, и попутных работ по семантической коннотации, единой теории коннотации

ещё не выработано. Собран уже значительный объём знаний, но продолжает оставаться спорным и само определение коннотации, и классификация / типология её разновидностей, набор / комбинация признаков конкретной коннотации, способы её лексикографической фиксации, переводческие закономерности в межкультурном общении разных видов, закрытие коннотативных лакун при переводе художественного произведения с одного языка на другой, семантический дифференциал коннотаций и мн. др. (см. ниже).

Отмечу только, что точно уже известно огромное многообразие коннотаций: идеологические, культурные, конфессиональные, гендерные, профессиональные, этнические, территориальные, словарные.

II. На пути к обобщению концепций коннотации и созданию её лингвистической теории

В 80-е гг. проблема коннотации ещё не имела своей теории, но уже утверждалось, что коннотация является смысловым содержанием слова и что без её учёта перевод невозможен. Было признано, что коннотация является частью эмоциональной, экспрессивной оценки [Шаховский, 1980, с. 25–26]. Некоторыми учёными утверждалось, что коннотация – это то же самое, что национальные стереотипы, гештальты [там же, с. 30]. Уже не было сомнения в том, что коннотация всегда вторична, что она дополнительна к денотативной информации, что денотат является материнским плато для коннотации, что денотации и коннотации в разных культурах различны. Последний факт дал основания для появления исследований по эмотивным лакунам (см., напр., [Шаховский, 1995] и др. раб.).

Вот почему во многих переводных текстах вместо национально-специфичной коннотации любого типа (культурного, идеологического, конфессионального и т.п.) или в постраничной сноске, или в конце книги делаются постраничные развёрнутые комментарии – пояснения появления специфического для данной культуры смысла слова / ФЕ и др.

Учёные уже осознали, что феномен коннотации изучаем, познаваем, классифицируем, дифференцируем и что коннотация –

семантический параметр языка и речи, текста. В 80-е гг. то, что было непереводаемо на другой язык, называлось коннотативным остатком, а в 90-е – эмотивной лакуной.

Мнение некоторых учёных о всепереводимости коннотативного смысла, полагаю, ошибочно из-за национально-культурной специфики.

В современной семасиологии существует несколько подходов к проблеме коннотации. Некоторые из них признают структурную природу коннотации. Традиционный и современный подходы к коннотации (Арнольд и др.) выделяют в её структуре *эмоциональный компонент (эмотивность)*, *экспрессивность*, *оценочность* и *стилистический компонент*. Каждый компонент представляет особый когнитивный пласт: *оценочный* компонент задаёт ценность указанного понятия; *эмоциональный (эмотивный)* раскрывает эмоциональный пласт когниции и восприятия; *экспрессивный* выполняет функцию интенсификации денотативных признаков значения и создания образа предмета речи; *стилистический компонент* указывает на регистр общения или коммуникативную ситуацию. Последний также может указывать на сферу человеческой деятельности, в которой данное слово употребляется конвенционально и адекватно, т.е. соответственно ситуации общения.

Эмоциональный (эмотивный – В.Ш.) компонент коннотации

Термин «эмотивность» всё чаще в лингвистических работах заменяет термин «эмоциональность», когда речь идёт о семантике слова, текста, языка. Термин «эмоциональность» я оставил за пределами лингвистики, поскольку эмоция является категорией физиологии, психологии, философии, т.е. долингвистики. Термин «эмотивность» является уже термином чисто лингвистическим.

Эмотивная коннотация вербальных знаков указывает на эмоциональное состояние говорящего или его эмоциональное отношение к объекту номинации (например, *girl – girly; father – daddy; poet – rhymester, poetaster; womanish (womanlike); softling; sugarpie; stinking; smashing blonde; damn! Hell! Oh! Alas! Bloody, fuck, shit*, включая все обценные слова). Ср. с русс. яз.: *чудесный, сногшибательный, мерзкий, вонючий* и т.п. Таким образом, напрашивается очень важный вывод о том, что эмотивный

компонент не индивидуален, а коллективен (т.е. кодирован), он является частью лексического значения, общим для всех говорящих на одном языке в конкретной лингвокультуре.

Эмотивность – это скорее системное языковое явление, нежели собственно речевое. Она стабильна и регулярно воспроизводима во многих словах и не ограничивается одним-двумя отдельными контекстами употребления. Поэтому мы можем назвать такие знаки эмотивными знаками, кодирующими эмоции в теле языка. Например, *When will this filthy weather break? The rains are late* (Gr. Green. *The Heart of the Matter*).

Оценочный компонент коннотации

Ценность обозначаемого объекта или понятия для говорящего может быть проиллюстрирована существованием синонимичных языковых средств, репрезентирующих одно и то же понятие и его разнооценочные варианты. Например, понятие «dwelling» (жилище) может быть репрезентировано такими языковыми примерами, как *slum, house, building, barrack, hut, mansion* и др. Данные примеры наглядно демонстрируют различие между языковым значением и понятием, репрезентированным в словах *slum, hovel*, в противопоставлении таким словам, как *palace, mansion*. Семантика приведенных слов сложнее семантики слова *house*: данные слова не только выражают денотативные признаки дома, но также содержат закодированную информацию об оценке того или иного вида жилья (отрицательную или положительную).

Оценка в структуре языкового значения может быть рациональной или эмоциональной (эмотивной), что можно наблюдать на примере следующих качественных прилагательных – *marvellous, unparalleled, great, fantastic, terrific* и др. Объективный оценочный компонент может вытесняться субъективным оценочным компонентом, который может доминировать в семантике слова.

Лексическое значение включает также экспрессивность. Это прослеживается в таких примерах, как *pig-headed, alive and kicking*, в их сопоставлении с нейтральными вариантами – *very stubborn and obstinate, healthy, in good condition*. Приведу примеры на русском языке из новейших креатив СМИ: *ряженные лжеказаки с нагайками, думачи, домик с уточкой, шуткоин, космонавты (ОМОН)* и др.

Экспрессивный компонент коннотации

Экспрессивность является более широким понятием, чем эмотивность. Ее основная функция – интенсификация значения, как эмоционального, так и логического. Будучи семантическим компонентом, она часто сопровождается определенными оттенками эмотивности. Например, *contemptuous, humorous, ironical, vulgar, diminutive*. Благодаря интенсификации некоторых денотативных признаков усиливается эффект, производимый экспрессивным словом. Так, *to adore* значит «to love + greatly», *to snatch* – «to seize + quickly + eagerly», *huge* – «large + extremely + enormous».

Особым типом экспрессивности является образность. Образность – это двойная актуализация, т.е. одновременная реализация двух значений (лексическое значение₁ и лексическое значение₂), соотносимых с двумя референтами, один из которых характеризуется посредством другого с помощью переноса типичных черт одного референта на другого. Например, *мафиозный = «криминальный спрут все более запускает свои щупальца в духовные кладовые нашей страны» (о перепродаже художественных ценностей за рубежом)*.

В случае, когда имеет место образность, форма слова₂ коррелирует со значением₁. Такое соотношение звуковой формы₂ слова₂ с лексическим значением₁ слова₁ создает образ, поскольку лексическое значение₂ полностью не нивелируется. Оно служит основой сложного коннотативного значения таким образом, что оба значения одинаково актуализированы в сознании отправителя и реципиента информации.

Следующие примеры подтверждают высказанный тезис: *a) skeleton (1a) the internal structure composed of bone and cartilage that protects and supports the soft organs, tissues, and other parts of a vertebrate organism; 1b) the hard external supporting and protecting structure in many invertebrates, such as mollusks and crustaceans, and certain vertebrates, such as turtles; 2) a supporting structure or framework, as of a building; 3) an outline or sketch; 4) something reduced to its basic or minimal parts; 5) one that is very thin or emaciated); b) to peacock (to strut about like a peacock; exhibit oneself vainly; from a male peafowl, distinguished by its crested head, brilliant blue or green plumage, and long modified back feathers that are marked with iridescent eyelike spots and that*

can be spread in a fanlike form); *c) to pussycat (about the behavior of a person; from: 1) a cat; 2) one who is regarded as easygoing, mild-mannered, or amiable); to knife (1) to use a knife on, especially to stab; wound with a knife; 2) (informal) to betray or attempt to defeat by underhand means).*

Вышеперечисленные значения классифицируются как коннотативные не просто потому, что они сообщают дополнительную информацию, но также потому, что в большинстве своем они не проявляются все сразу и не во всех словах. Некоторые из них более важны для определенного коммуникативного акта, чем другие. Они могут перемещаться в вершину семантики слова, и очень часто они могут пересекаться. Это означает, что, если у слова есть эмотивное значение, оно также включает оценочность. Она может быть положительной или отрицательной, а также экспрессивной. Этот тезис может быть наиболее ярко проиллюстрирован названиями животных, употребляемыми в переносном смысле при описании людей: *cat* – a spiteful woman; *snake* – a treacherous person, dangerous, unpredictable; *lion* – a courageous person; *tiger* – a fierce or energetic person; *pig* – a greedy, dirty, sulky and annoying person; *ass* – an obstinate or stupid person. Но это правило не имеет обратной силы, т.к. встречается не эмотивная, рациональная оценочность (*good, bad*).

Коннотация связана с ассоциациями, которые имеет слово или выражение. Например, слово *ковбой*, как в выражениях, *как ковбой-строители* или *сантехники*, имеет ассоциации нечестности и неблагонадежности. Коннотации, которые имеют слова, часто используются в рекламе. Например, реклама для индийской фирмы строителей взяла слоган: *Вы пробовали ковбоев. Теперь попробуйте индейцев*. Этот лозунг опирается на два набора коннотаций-ковбойская ассоциация, упомянутая выше, и ассоциация ковбоев и индейцев, как из фильмов о Диком Западе. Это аккуратно говорит о том, что индейцы, как традиционные противники ковбоев, воплощают в качестве строителей противоположную характеристику честности и надежности.

В английском языке цвета имеют следующие коннотации: *синий* – несчастный, *зеленый* – неопытный, *желтый* – трус, *красный* – опасность, *белый* – чистота, *черный* – зло; *голубой* и *розовый* – сексуальные коннотации.

Иногда коннотации не одинаковы для всех носителей одного и того же языка (представленная выше сексуальная коннотация одинаково значима для русской и английской лингвокультуры), но могут варьироваться от одного географического района к другому. Черные кошки, например, имеют ассоциации с удачей в Великобритании, но с неудачей в США (примеры из [English Vocabulary..., 2002, p. 18–19]).

Естественно, в первом случае коннотация специфична, а для других лингвокультур они требуют комментариев. Второй пример характеризует *widely shared connotations*, т.е. не узко-национально-культурно-специфичные. Так, для русской лингвокультуры данные слова имеют те же самые коннотации. А теперь сравним коннотацию у слова, например, *кошка*, в русском языке и *cat* в английском языке. Особенно в его варианте *cat spite* (злючка). Сравним также *змея* и *snake* для русского, англичанина и индийца. В индийской лингвокультуре слово «змея» коннотатирует изящество, мудрость, целебность. Вспомним символ медицины со змеей, обвивающей чашу на тонкой ножке, в которую змея собирает свой целебный яд. А в русском языке это слово коннотатирует опасность, зло и даже возможную смерть. Для русских слово *слон* обозначает неповоротливость и источник неприятностей («как слон в посудной лавке»), а для индийцев слово коннотатирует грациозность и изящество.

Многочисленные креатемы современных отечественных СМИ тоже коннотативны, поскольку, по прямой или косвенной ассоциации, непосредственно связаны с определённым фактом, событием: *психоактивисты, непечатные СМИ, майнить, флешмоб*.

Исключительно ассоциативны коннотации таких, например, названий, как «Курск», «Норд-Ост», «Беслан», «Хромая лошадь», «Зимняя вишня». Эти скорбные события коннотатируют «кривое горе» [Эткинд, 2018]. Другие примеры провоцируются самими негативными событиями, номинация которых становится новозначными креатемами: *зеленка, кислота, моча, новичок, пожары в торгово-развлекательных центрах, в домах престарелых, в детских домах, посадки (Русь Сидящая), православные активисты, психоактивисты, мусорные бароны, Майдан, монстрация* и др.

Следующий тезис заключается в том, что все эмотивные слова также экспрессивны, поскольку они усиливают некоторые семантические признаки, в то время как существуют сотни экспрессивных слов, которые нельзя назвать эмотивными. Например, так называемые экспрессивные глаголы, которые обозначают не только некое действие или процесс, но также создают образ:

to gulp = to swallow in big lumps, in a hurry;

to sprint = to run fast; to stride = to walk with long steps, especially in a hasty or vigorous way;

to lame = to cause to become lame; cripple;

to redpencil = to italicize, to underline, emphasize;

to elbow one's way = to push through; to crab = to move sideways, etc.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что английские слова могут иметь только оценочную коннотацию, как, например, в словах *fame*, *notoriety*, *reputation*, или только экспрессивную коннотацию без эмотивности, но когда слова имеют эмотивную коннотацию, она облигаторно сопровождается оценочным и экспрессивным компонентами. Это соотношение представлено в следующей таблице:

	оценочность	экспрессивность	эмотивность
Оценочность	+	+/0	+/0
Экспрессивность	+/0	+	+/0
Эмотивность	+	+	+

Важно упомянуть тот факт, что в большинстве случаев коннотативные компоненты тесно связаны друг с другом и могут анализироваться по отдельности только в научных целях. Например, слово *an ass* («осел») применительно к человеку имеет: оценочный компонент «плохой» (*foolish, stupid, obstinate, which is bad*);

интенсификацию качества – образность / экспрессивный компонент + явный базовый образ (*very stupid / obstinate / like an ass*);

эмотивный компонент (*disparagement*).

Таким образом, во многих словах коннотация образует некое семантическое единство, нежели легко распадающиеся компоненты в семантике слова:

$K = [\text{Эмотивность} + \text{Оценочность} + \text{Экспрессивность}] + \text{Стиль}$
 Каждый из них, безусловно, стилистически маркирован, что предопределяет стилистическую функцию коннотации.

Стилистический компонент коннотации

Помимо всех коннотативных компонентов, которые не являются обязательными для каждого слова английской лексики, выделяется стилистический компонент, который представляет собой семантический конститuent каждого слова в английском языке. Эта составляющая значения слова указывает на сферу применения, в чем и состоит основная функция стилистической коннотации слова.

Например, слова *hence*, *aforsaid* имеют характеристики книжных слов и употребляются только в официальных документах. Такой коннотативный компонент лексического значения часто определяется как стилистическая референция слова. Иногда его также дефинируют как социальное значение или прагматическое значение. Но как бы оно не называлось, суть этого аспекта лексического значения состоит в том, что оно относит слово к определенной сфере его применения – к неформальной беседе, разговорной речи или формальному общению – дипломатическому, научному, деловому и т.д.

Стилистическая коннотация эксплицирована посредством специальных помет в словаре: *busn.*, *poet.*, *prof.*, *milit.*, *colloq.*, *dial.*, *book.*, *publ.*, *relig.*, *offic.* Набор стилистических помет далеко не полон. Так, не все эмоции представляется возможным маркировать – их более 5000. Аналогично и с видами экспрессии. Невозможно маркировать и этические детали смысла. А экологические маркеры вообще отсутствуют. В этом отношении можно говорить и об отсутствии в теории коннотации соответствующих разработок по ее стилистическому дифференциалу. Некоторые слова маркированы знаком (!), что означает, что они табуированы. Их употребление ограничивается ситуациями, когда говорящий желает выругаться, ведет себя непристойно или оскорбительно. Эти слова способны вызвать смущение или злость, если они используются в неподходящих ситуациях. Таким образом, большинство слов разделены на стилистические группы в соответствии с тем,

с какими сферами употребления они соотносятся: 1) сферы общения (например, разговорная, официальная, профессиональная, научная и др.); 2) функциональные стили языка (литературный, газетный, деловой, научный и др.); 3) гендеролекты, социолекты, (сленг, диалекты, жаргон); 4) темпоральные лексические группы (архаизмы, историзмы, неологизмы, окказионализмы); 5) лингвистический паспорт говорящего (его возраст, культурный и образовательный уровень, социальные роли, профессия); 6) эмоциональное состояние говорящего.

Очень важен правильный выбор стилистически маркированных слов в процессе коммуникации и в переводе, а также соответствующей ситуации общения тональности для адекватной передачи эстетического и прагматического эффекта. Например, как можно наиболее адекватно перевести следующие фразы: *Главварь университета*; *Графиня хлебала щи, а граф глушил водку*; *Wie geht es Ihrer Birne?*; *Meigen Sie Ihr Haupt / Birne / Kopf*; *He began / commenced to scratch his back*; *This honorable gentleman should be kicked out.*, а также слова, относящиеся к особым сферам употребления: *Steed* (poet.)= horse; *Bint* (sl.,derog.) = girl; *Paukie* (scottish) = sly; *Egg* (milit.) = bomb; *Dish* (sl., endear) = girl, sex appealing).

Нейтральность, по моему мнению, также является стилистической коннотацией, поскольку она указывает на сферу применения слова. Таким образом, все слова в английском языке стилистически маркированы, даже так называемые нейтральные слова (иначе говоря, слова с нулевым стилистическим маркером), и когда у слов есть эмотивный заряд (окраска или коннотация / дымка, ореол, призма – каких только образных номенов ни придумали лингвисты для коннотации), все коннотативные компоненты пересекаются и формируют очень важную добавку к денотации слова.

В итоге, образец семантической структуры слова может быть представлен как комбинация денотативного, коннотативного (эмотивный + экспрессивный + оценочный) компонентов, во главе которых находится стилистическая коннотация. Однако, значение – это не просто сумма этих компонентов, это их переплетение, создающее, так называемую *суммативную* коннотативность.

III. Контекстуальные и ассоциативные коннотации

Как уже отмечалось выше, эмотивная коннотация представляет собой системное языковое явление, нежели характеристику речи или контекста. Однако едва ли необходимо утверждать, что в отдельных речевых ситуациях и контекстах мы можем столкнуться с индивидуальными эмотивными ассоциациями, которые не регистрируются в системе английского языка. Любое слово, даже самое обыкновенное, нейтральное и прозаичное, может в определенных ситуациях обрастать эмотивными смыслами. Так, слово *wall* употребляется в бесчисленных нейтральных и обиходных ситуациях, тем не менее, и оно способно транслировать эмотивные смыслы, как в следующем примере, когда стена становится символом заточения, препятствия, как физическое, так и морального: *O sweet, o lovely wall // Oh, wicked wall (Shakespeare)*.

В произведении «Дождь» (С. Моэм) невозможно не почувствовать контекстуально обусловленный эмотивный заряд слов. Он обуславливает такие эмоции, как *отчаяние, негодование, паника, ужас и злоба* – все они заряжают слово «дождь» отрицательными эмоциями. Этот эмотивный заряд наводится на нейтральное слово с эпитетов и других эмотивных слов, употребляемых в данном контексте, а также из эмотивной ситуации, описанной в произведении:

And Mr. Macphail watched the rain. It was beginning to get on his nerves. It was not like our soft English rain, that drops gently on the earth, it was unmerciful and somewhat terrific. You felt in it the malignancy of the primitive powers of the nature. It didn't pour, it flowed. It was like deluge from heaven, and it rattled on the roof of corrugated iron with a steady persistence that was maddening. And sometimes you felt that you must scream if it didn't stop, and then suddenly you felt powerless, as though your bones had suddenly become soft, and you were miserable and hopeless.

Данный пример иллюстрирует индивидуальную эмотивную ассоциацию, которая зависит от говорящего (автора) и может варьироваться; она не наделяет слово «дождь» таким эмотивным зарядом, который будет свойствен любому употреблению данного слова любым носителем английского языка.

Специфика и набор коннотаций различается в многообразных лингвистических школах и в интерпретации отдельных ученых, и включает помимо вышеперечисленных компонентов такие аспекты, как прагматический (направленный на достижение определенного эффекта высказывания), ассоциативный (связанный посредством психологических или лингвистических ассоциаций с соотносимыми или несоотносимыми понятиями), гендерный, культурный, идеологический, или концептуальный (раскрывающий политические, социальные, идеологические предпочтения пользователя словом) [Говердовский 1989; Gowerdowski 2002; Комлев 1969; Телия 1986]. Следующие слова содержат ассоциативные коннотации в своей семантике: *nazi*, *comi*, *wigwam*, *jolly Roger* (the flag of pirates), *oak* (symbol of England), *Phoenix* (symbol of Greece); другие слова коннотируют идеологические предпочтения: *disquiet* (strike); *soviet zone* (DDR); *fanatism* (faith); *conflict* (war); *Thatcherism*, *reagonomics*, *оптимизация*, *враги*, *пиар на горе* (Кемерово), *ложная фальшь* (Панфилова); *задвоение бюллетеней*; *заорганизованная явка на выборы* и др.

Количество, значимость и взаимообусловленный характер коннотативных компонентов (сем, инкорпорированных в семантической структуре слова) обуславливаются контекстом, т.е. конкретным речевым актом, который определяет и актуализирует каждый из них в большей степени, чем любой другой компонент: каждый контекст не только уточняет существующие семантические потенции слова (как денотативные, так и коннотативные), но также способен добавлять новые смысловые оттенки или отклоняться в значительной мере от тех значений, которые зарегистрированы в словаре. Именно по этой причине все контекстуальные коннотации неисчислимы.

Таким образом, понятие контекстуальной коннотации может быть определено как коннотация, обнаруживаемая в речи, обусловленная ситуацией, зависящая от контекста; такому типу коннотации свойственны непостоянство и изменчивость, например: *Ah! Money, money, money! What a thing it is to have it!* (Th. Dreiser); *Come night! Come Romeo! Come, thou day in night ... // Come 'gentle night; come, loving black-brow'd night* (W. Shakespeare). Приведу пример из современных печатных и непечатных СМИ:

качественный православный христианин; верующий зародыш; верующий сперматозоид и др. (А. Минкин).

В семантике слова контекст играет двойственную роль: с одной стороны, он отбрасывает все значения, нерелевантные для заданной коммуникативной ситуации; с другой стороны, он выводит на передний план потенциальные смысловые значения, зависящие от смысловых акцентов, расставляемых коммуникантами, и актуализирующих тот или иной денотативный или коннотативный компонент в семантической структуре слова.

Итак, в этом состоит суть традиционного подхода к проблеме коннотации.

IV. Современная концепция коннотации

Существует несколько различных концепций коннотации. Например, подход В.Н. Телия к пониманию коннотации [Телия 1986; Телия 1998] и среди них – подход, сформулированный автором. В упрощенном виде данная концепция может быть представлена как следующая формула:

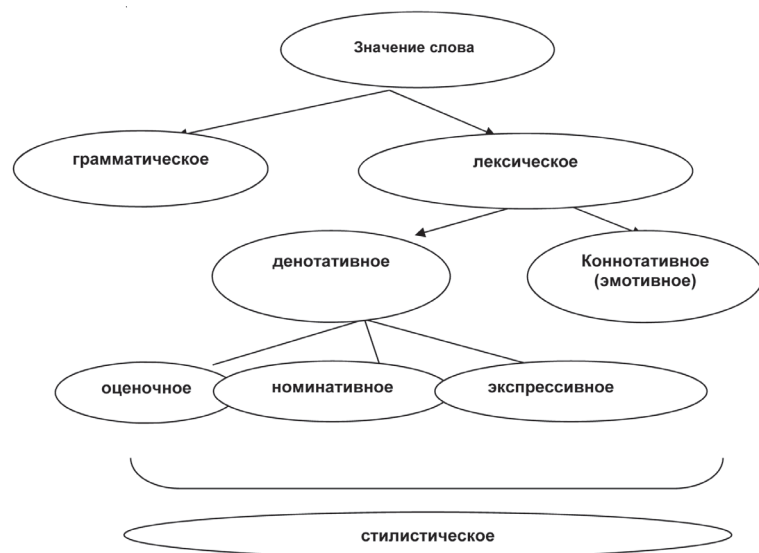
$ССС = \{[Д+К (эм. + экс. + оц.)] + Ст\}$, где

Коннотативный компонент лексического значения включает только эмотивность;

Экспрессивный и оценочный компоненты являются когнитивными, дескриптивными компонентами денотативного значения слова, его логическими и сигнификативными признаками, которые могут быть эмоционально окрашены посредством эмотивной коннотации;

Стилистический компонент имеет семантическую природу, но он связан как с денотативным, так и коннотативным аспектами лексического значения, следовательно, это самостоятельный макрокомпонент лексического значения. Его основная функция состоит в информировании носителей языка о сфере употребления слова; коннотативные и неконнотативные компоненты наделены своим собственным стилистическим кодом, поэтому стилистический компонент лексического значения не может рассматриваться как составная часть коннотации.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что 1) все слова потенциально коннотативно заряжены; 2) частично эмотивны,

экспрессивны или оценочны; 3) коннотация может быть полиструктурной и моноструктурной; 4) стилистический компонент лексического значения является дополнительной информацией, которая сопутствует как денотативному, так и коннотативному компонентам лексического значения. Понятия эмотивности и стилистического компонента зависят от особого прагматического эффекта, производимого на коммуникантов в определенных речевых ситуациях с учетом целей общения.

Такова в общих чертах суть лингвистической теории эмоций, которую формирует данный новый подход к содержанию коннотации, ее структуре и набору ее функций, семантически и прагматически значимых (т.е. речевых) для успешной коммуникации всех видов, типов и разновидностей.

Список литературы

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка (на английском языке). М., 1973.
 Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М., 2012.

Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1986.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: Учеб. пособие. М., 1991.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 6-е изд. М., 2004.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. Учебник. 3-е изд. М., 1981.

Говердовский В.И. Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.

Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. М., 1984.

Комиссаров В.Н. Коммуникативная функция языка и осмысленность слова // Коммуникативные единицы языка. Сб. науч. труд. МГИИЯ М. Тореза. Вып. 252. М., 1985. С. 32–38.

Комиссаров В.К. Коммуникативная функция языка и осмысленность слова: сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 262. М., 1990. С. 112–123.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.

Мальцева В.А. К вопросу о выявлении эмоциональной лексики в английском языке // Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск, 1963.

Михайловская В.Н. Некоторые лексические средства выражения эмоциональности в современном английском языке, кан. дис. Л., 1966.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Телия В.Н. Коннотация. / Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

Шаховский В.И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала. Тетради переводчика. Вып. 17. М., 1980. С. 25–36.

Шаховский В.И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и её отражение в языке перевода. Тетради переводчика: Научно-теоретический сборник. Вып. 23. Под ред. С.Ф. Гончаренко. М., 1989. С. 74–83.

- Шаховский В.И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка, дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Шаховский В.И. Эмотивные лакуны в тексте перевода (тезисы) Сб.: Тез. Всерос. конф.: Теоретические, методологические и практические проблемы перевода. Пятигорск, 1995. С. 44–45.
- Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания, Волгоград, 1983.
- Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребённых. Новое литературное обозрение. М., 2018.
- English Vocabulary In Use. Advanced. by Michael McCarthy, Felicity O'Dell. Cambridge, 2002.
- Gowerdowskij W. Affixale Konnotation im Deutschen und im Russischen: Vergleichende Typologie (Ukrainische Beitrage zur Germanistik; Bd. 4). Aachen, 2002.
- Shakhovskiy V.I. Lexikalische Bedeutung und Konnotation (на нем. яз.) // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. №. 6. Berlin, 1987. S. 80–91.
- Shakhovskiy V.I. Zur linguistischen Analyse von Konnotationen (на нем. яз.) // Wissenschaftliche Zeitschrift. Heft 1. Zwickau, 1982. – S. 82–90.

Shakhovskiy Viktor Ivanovich (Volgograd, Russia)

CONNOTATION: HISTORY, RESULTS, PROSPECTS

Reviewed the short excursion into the history of concepts and theory of connotation. Underlined prof. I.V. Arnold's significant contribution to this process. Compared different connotation models and its semantic structures. Proposed the original theory of connotation (author's). Introduced the term "emotiveness" into scientific usage. Illustrated widely all the article's provisions. Summarized new knowledge about connotation and skimmed the new problem researches.

Keywords: *connotation, emotiveness, linguistics of emotions, I.V. Arnold, rematical connotation, coded essence of connotation, contextual / associative connotation.*

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 802.0-25

О.А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

СЕМАНТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СУБСТРАТ ПРОНОМИНАЛЬНОГО СУБЪЕКТА БЕЗЛИЧНОЙ СТРУКТУРЫ

В статье анализируется концептуальный субстрат, актуализируемый в семантике инициального прономинального субъекта безличной синтаксической структуры. Также исследуются пути деривации при формировании многозначности английского местоимения *it* и выявляется исходный ЛСВ данной лексемы, а также семантический инвариант.

Ключевые слова: *семантический инвариант, ментальная репрезентация, конфигурация, безличная синтаксическая структура, реляционный профиль.*

Говоря о формировании значения любого слова в речи, И.К. Архипов утверждает, что говорящий задумывает некоторый смысл, выбирает слово для его выражения, затем выдаёт форму слова и выстраивает соответствующий языковой контекст, на основании которого слушающий выстраивает смысл, (как правило) идентичный замыслу говорящего [Архипов, 2005, с. 202]. Соответственно, при исследовании любого полисеманта необходим учёт многомерного коммуникативного контекста при примате системного значения (семантического инварианта в традиционном понимании). Таким образом, говоря о значимом или незначимом характере инициального прономинала в безличной структуре английского предложения, мы будем отталкиваться от базовой предпосылки о том, что ничего абсолютно «пустого» в общей, кумулятивной, семантике высказывания быть не может.

В зависимости от типа предложения местоимению *it* в позиции подлежащего традиционно и единодушно приписываются следующие функции:

анафорическая функция (*I came to the window. It faced the park; There were crowds of people, smoke hang under the ceiling, all were talking loudly – suddenly I felt sick of it all*);

катафорическая функция (*It's really fascinating, this book*);

дейктическая функция (*It is my husband*);

Эти три функции (анафорическая, катафорическая и дейктическая) признаются всеми исследователями и отражены в словарных статьях, посвящённых этому местоимению. К названным функциям многие исследователи добавляют также следующие, приписывая им нереперентный статус различного толкования:

предваряющее *it* – местоимение, замещающее настоящее подлежащее (*It is clear that we'll go*), как правило, рассматривается как средство введения оценочности или характеристики [Кобрина, 2005, с. 15];

безличное *it*, то есть формальный элемент, служащий лишь приметой синтаксической конструкции предложения, характеризующегося в английском языке двусоставностью, или синтаксически обусловленный маркер безличности [там же, с. 16].

Рассматривая функциональные типы *it* в их взаимосвязи, некоторые лингвисты приходят к выводу, что все эти функциональные типы суть лексико-семантические варианты (ЛСВ) полисеманта [Smith, 2005; Hamilton, 2011]. Таким образом, устанавливая пути семантической деривации, выявляется исходный ЛСВ, который является отправной точкой последующих путей полисемии. Традиционно в качестве этого варианта рассматривают т.н. анафорический *it* [Hamilton, 2011, с. 29; Smith, 2005]. Дальнейшие векторы семантической деривации эти исследователи, однако, видят по-разному. М. Смит рассматривает ось «анафорическое/катафорическое *it* → предваряющее *it* → безличное *it*» как этапы процесса семантической деривации, в то время как К. Гамильтон разводит анафору и катафору, в его исследовании вектор семантического развития следующий: «анафорическое *it* → безличное *it* → катафорическое /предваряющее *it*» [Smith, 2005; Hamilton, 2011, с. 31]. Анализируя статью, посвящённую *it* в Оксфордском словаре, можно увидеть, что ЛСВ данной языковой единицы расположены линейно в следующем порядке: анафорическое *it* (1.a – 1.g) → указательное *it* (2.a – 2.c) → «безличное» *it* (3.a – 3.g) → предваряющее *it* (4.a – 4.d). Если обра-

титься к хронологии зафиксированных в данной статье ЛСВ *it*, то обращает на себя внимание тот факт, что данные ЛСВ, выделенные авторами статьи, фиксируются с IX века («безличное» *it*) и с X века (анафорическое *it*, указательное *it*, предваряющее *it*) и по сей день в письменных памятниках, т.е., по всей видимости, ни одному из выявленных ЛСВ данной языковой единицы не принадлежит очевидный примат в деривационном плане. Таким образом, мы не можем с уверенностью утверждать, что «безличное» *it* с обязательностью восходит генетически к «личному» *it* (анафорическому – в большинстве исследований).

При рассмотрении репертуара потенциальных референтов данного прономинала, можно также увидеть, что все эти референты сводятся к единому семантическому инварианту – «предмет речи». Причем, речь в данном случае понимается нами вслед за А.В. Кравченко как «...собственно речевая деятельность вне зависимости от конкретных условий её осуществления...» [Кравченко, 1992, с. 104]. Таким образом, семантический инвариант, объединяющий все выявляемые ЛСВ местоимения *it*, можно рассматривать как «...предмет речевой деятельности, которую не следует отождествлять с речью в сосюрловском понимании (*la parole*) или с речевым актом как таковым» [там же, с. 104]. При таком толковании семантики *it* его «личные» и «безличные» функциональные типы, а также любое число «промежуточных» функциональных типов получают связи в деривационном плане как ЛСВ полисеманта, где механизмом семантической деривации является метонимический перенос по модели «общее – частное», или «частное – общее». Основным вопросом, который в данном случае требует решения – это вопрос об исходном ЛСВ с установлением дальнейших путей семантической деривации. Однако, если принять во внимание, что основой всей речемыслительной деятельности является восприятие, то, на наш взгляд, непосредственно воспринимаемое окружение субъекта речемыслительной деятельности («общее», в данном случае, как «предмет речевой деятельности») воспринимается исходно как целостный образ в границах перцептуального пространства, что, собственно и актуализируется в семантике данной языковой единицы. Фокусировка внимания и выявление элементов профиля, происходят несколько позже. Таким образом, как рабочую гипотезу можно

принять тезис о том, что «безличное» *it*, как ЛСВ данной языковой единицы, может являться деривационной базой для формирования всех остальных рассматриваемых ЛСВ.

В этой связи представляется необходимым уточнить семантику «безличного» *it* как одного из ЛСВ рассматриваемого прономинала, т.е. каким образом и в каких границах конкретизируется предмет речевой деятельности в контекстах «безличных» структур. Для решения данной задачи необходимо выявить концептуальный субстрат, актуализирующийся в формах безличности.

Ключевое понятие в когнитивной грамматике – это «образность» (*imagey*), которое трактуется как способность говорящего конструировать объективное событие или ситуацию различным образом для целей грамматического кодирования, или выстраивать «ментальное построение воображаемой ситуации альтернативными способами» [Лангаккер, 1992, с. 11]. Из этого следует, что значение грамматической структуры включает в себя не только объективное содержание, но и способ ментального конструирования. В этой связи в концепции когнитивной грамматики Р. Лангаккера особое значение получает понятие фокуса внимания. В его трактовке внимание теснейшим образом связано с интенсивностью или «уровнем энергии» когнитивных процессов, что проецируется в виде большей выделенности (*prominence* or *salience*) определенного сегмента ментальной репрезентации: [Langacker, 1987, с. 115]. В основе процесса «фокусировки», или «настройки» фокуса внимания, лежит фундаментальная дихотомия, заимствованная когнитивной грамматикой из гештальтпсихологии – дихотомия фигуры-фона (*figure-ground*), которая обозначает «когнитивную и психическую структуру (гештальт), характеризующую человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводится к совокупности ее частей. В теории гештальтов различие фигура-фон рассматривается как наиболее простая форма перцептуальной организации. Суть этого различия заключается в следующем: при восприятии любого дифференцированного поля одна из его частей инвариантно выделяется четко различным образом; эта часть называется фигурой, а все остальное – фоном, основой фигуры. Фигура представляется лежащей впереди или расположенной на основе, которая

воспринимается как непрерывный континуум за/под фигурой. В любом случае выделение фигуры на фоне всего остального является автоматическим и обязательным» [Кубрякова и др., 1996, с. 184–185]. Для исследуемого материала – а именно, безличных конструкций, ключевое значение имеют два параметра – селекция и перспектива (см. об этом подробно в [Березина, 2013]).

Параметр селекция, или выбор (*selection*) – определяет те аспекты воспринимаемой ситуации, на которые направлено внимание субъекта, степень их выделенности в перцептуальном пространстве, и тесно связан с понятием концептуальной области. На этом уровне конструирования ментальной репрезентации события происходит выделение определенного фрагмента концептуальной области [Evans, Green, 2006, p. 538], или его «профилирование» (*profiling*). Профилирование заключается в выборе определенного аспекта базы, или основания, который является концептуальной сущностью (*entity*), необходимой для адекватного понимания значения языковой единицы [там же]. Таким образом, формируется некая ментальная репрезентация воспринимаемого фрагмента действительности, в которой выявляются две взаимообуславливающие зоны – профиль и база. На следующем уровне ментального конструирования события происходит настройка перспективы, т.е. построение иерархии участников события, находящихся в зоне профиля. Таким образом, формируется реляционный профиль, или профиль отношения (*relational profile* – см. в [Smith, 2005, p. 92]). В таком, реляционном, профиле прототипически выделяются партиципаны с различным иерархическим статусом – в терминологии Р. Лангаккера – ТРАЕКТОР (*trajector* – TR) и ОРИЕНТИР (*landmark* – LM), соответственно. Траектор – это наиболее выделенный, находящийся в фокусе внимания партиципант, в то время как Ориентир – это второй в иерархии партиципант, так же выделенный, но иной, нежели Траектор. Оба элемента данной когнитивной модели, как уже было сказано, входят в зону профиля, также как и отношение между ними, в случае их эксплицитного выражения языковыми средствами. Если партиципант не эксплицитирован в языковых формах, то это означает его «невыведенность» – он рассматривается как составляющая зоны основания, или базы. Все элементы профиля (TR, LM и отношение между ними) поме-

щены в т.н. «окружение», или *setting*, в профиль не входящее. Также данная схема включает в себя независимого наблюдателя (*viewer*), располагающегося за рамками прямоугольника, включающего в себя реляционный профиль. Разумеется, нельзя считать эту модель, собственно, моделью предложения. Более того, эта модель служит концептуальной базой только для предложений переходного характера, активных с точки зрения залоговых отношений.

Безличные структуры зачастую рассматриваются как «нарушения» прототипической модели профиля при актуализации, трансформации этой модели. Однако, «нарушения» канонической модели репрезентации ситуации всегда значимы – они сигнализируют об акцентировании определенных сегментов в процессе концептуализации. Что касается семантики данных структур, то, по всей видимости, они являются одним из способов языкового кодирования события, в котором партиципant с агентивными признаками выводится из фокуса внимания, т.е. дефокусируется (*defocused* – термин, широко используемый в [Smith, 2005]), наличие же иных партиципantов возможно (например, ЭКСПЕРИЕНЦЕРА).

Признавая семантическую наполненность инициального прономинального элемента английской безличной структуры (см. [Smith, 2005; Bolinger, 1973; Березина, 2012, 2011]), необходимо выявить в концептуальной модели события тот элемент, который вербализуется в форме инициального прономинала. Несомненно, что, получая языковое выражение в форме лексической единицы, причем в субъектной позиции и форме, это концептуальное значение должно находиться в зоне профиля. При анализе компонентов ментальной репрезентации ситуации, события или отношения (*TR, LM, relation, setting, viewer*) можно прийти к выводу, что единственным кандидатом на роль фигуры – профилируемого элемента концептуальной модели безличной структуры, отвечающим также и всем семантическим требованиям, в данной ситуации, является уже упомянутое выше «окружение», или *setting*, как это ни парадоксально. Оно же является и Траектором (на материале немецкого языка см. [Smith, 2005, с. 102–122]; также в [Langacker, 2008, с. 462] находим: “...*it profiles an abstract setting*”). Следовательно, мы можем также рассматри-

вать этот элемент когнитивной модели как вполне полноценный субъект безличного предложения – как на уровне содержания, так и на уровне формы.

Вопрос возникает в общем определении данного понятия – «окружение», или *setting*. Англоязычный термин обладает гораздо более широким спектром признаков, нежели русское слово «окружение», ибо сюда включаются признаки не только пространственные, но и параметры темпоральные, общий ситуативный контекст, пресуппозиции и т.д. На наш взгляд, наиболее близким вариантом трактовки англоязычного термина *setting* является термин, широко употребляемый в психологии восприятия – конфигурация. В «Оксфордском толковом словаре по психологии» под редакцией А. Ребера находим следующее определение: «**КОНФИГУРАЦИЯ** 1. Обычно, определенное расположение объектов, машин, людей, стимулов и т.д. 2. В исследованиях восприятия этот термин употребляется почти наравне с термином гештальт. Основной смысл здесь – то, что существенной характеристикой такого набора является его скоординированность и целостность, а не свойства отдельных объектов, людей и т.д., из которых оно составлено. Иногда фраза «конфигурационная тенденция» используется для обозначения тенденции реагировать на полный, организованный набор объектов» [URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/slova-konfiguracija>]. Таким образом, в психологии восприятия выделяются следующие признаки в понятии «конфигурация»: целостность (недискретность), скоординированность, пространственная соположенность объектов.

Опираясь на трактовку понятия «конфигурация» в психологии восприятия, можно сделать вывод о том, что общим когнитивным субстратом, получающим вербальное отражение в семантике инициального прономинального элемента безличных структур в английском языке, является «общая конфигурация ментальной репрезентации события» – некая «данность» признаков ситуации в их целостности, скоординированности, как отражение пространственной соположенности объектов и их признаков, возможно, на стадии когнитивной обработки, когда зона профиля еще не сформирована четко, и партиципantы не выявлены сознанием в процессе восприятия. Однако, необходимо

заметить, что различные типы безличных структур вербализуют различное концептуальное содержание. Следовательно, и общая конфигурация ментальной репрезентации события будет различна в соответственно различных структурах.

Список литературы

- Архипов И.К. О соотношении лексического и грамматического. Попытка когнитивного анализа развития английских артиклей // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. СПб., 2005. С. 198–206.
- Березина О.А. К вопросу о концептуальном субстрате безличных структур // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2013, т. 1, № 2. С. 104–111.
- Березина О.А. Семантика и функциональный потенциал инициального прономинала *it* в английских безличных предложениях // Studia Linguistica XXI. Антропоцентрическая лингвистика: проблемы и решения. СПб., 2012. С. 62–72.
- Березина О.А. Статус семантики инициального *it* в формировании категории безличности (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2012. №3(2012). С. 120–127.
- Кобрина Н.А. Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. СПб., 2005. С. 7–26.
- Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Лангакер Р.У. Когнитивная грамматика. (Серия: Актуальные проблемы прикладного языкознания). М., 1992.
- Bolinger D.L. Ambient “it” is meaningful too. // Journal of Linguistics, 1973 v. 9, #2, CUP, London. P. 261 – 270.
- Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh University Press, 2006.
- Langacker R.W. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. Oxford: OUP, 2008.

- Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar, Vol.1: Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
- The Oxford English Dictionary (2nd edition). Oxford, 1989, Vol. VIII. P. 140–142.
- Smith M.B. The Conceptual Structure of German Impersonal Constructions // Journal of Germanic Linguistics, 2005, # 17.2. P. 79–140.

Ссылки на электронные источники

- Оксфордский толковый словарь по психологии./ Под ред. А. Ребера [Электронный ресурс] URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/487/word/slova-konfiguracija> (дата обращения: 25.11.2010).
- Hamilton, C. From Anaphoric to Cataphoric ‘it’: a View from Cognitive Linguistics // Cercles 20, 2011. – pp. 22–40. [Электронный ресурс] URL: www.cercles.com/n20/hamilton.pdf (дата обращения: 18.08.2012).

Berezina Olga Aleksandrovna (Saint-Petersburg, Russia)

SEMANTICS AND CONCEPTUAL SUBSTRATUM OF PRONOMINAL SUBJECT OF IMPERSONAL STRUCTURE

The paper aims at the analysis of the conceptual substratum projected within the semantics of the initial pronominal subject of the impersonal sentence structure. Another target of the analysis is the derivational routs within the semantic structure of the English polysemantic pronoun *it*, also its derivational base is researched into, as well as the semantic invariant.

Keywords: semantic invariant, mental representation, configuration, impersonal sentence structure, relation profile.

УДК 81.0

А.Г. Гурочкина (Санкт-Петербург, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ КОГНИЦИЯ И ПОЗНАНИЕ

В статье рассматриваются разные объемы понятий «когниция» и «познание» с позиций когнитивной и биокогнитивной лингвистики, приводятся аргументы о их несинонимичности.

Ключевые слова: когниция, разум, распределенный разум, распределенный язык, распределенная когниция.

Когниция (cognition) – центральное понятие когнитивной науки, в составе которой разные дисциплины изучают разные ее аспекты лингвистика – языковые системы знаний; философия – общие проблемы когниции и методологии познавательных процессов; нейронауки изучают биологические основания когниции и тех физиологических ограничений, которые наложены на протекающие в человеческом сознании процессы и т.п.; психология вырабатывает прежде всего экспериментальные методы и приемы изучения когниции [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996]

В отечественных гуманитарных науках термины *когниция* и *познание* часто рассматриваются как полные синонимы. Так, в отечественной когнитивной парадигме английское *cognition* переводится как «познание», а *познание* понимается как «приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира, способность познавать» [Ожегов, 2010], отождествляя тем самым когницию с рассудочным познанием, что характерно и для многих зарубежных ученых.

Начиная со второй половины XX века и по настоящее время, в когнитивной науке можно выделить три подхода к трактовке когниции:

– первый подход (в лингвистике это ранний Н. Хомский) исходит из рационалистического понимания когниции как свойства живых систем, наделенных разумом, который бестелесен и буквален;

– второй поход ([Lakoff, Johnson, 1999] и др.) исходит из того, что когниция воплощена телесно. В этом случае когниция – это все те процессы, которые происходят в мозге высокоорганизованных живых организмов;

– третий подход представлен биологической теорией познания У.Матураны. В этой теории когнитивная система – это система, организация которой определяет область взаимодействий, где она может действовать значимо для поддержания самой себя, а процесс познания – это актуальное (индуктивное) действие или поведение в этой области. Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания [Maturana, 1970]. Иными словами с позиций биологии познания когниция есть функция живых систем как *единств взаимодействий*, существующих в структурном сопряжении со средой. При этом акцентируется мысль, что для человека как живой системы главной областью взаимодействий, в которой она действует значимо для поддержания самой себя, является область *языковых взаимодействий*. В языке и через язык индивид и общество взаимно детерминируют друг друга [Бенвенист, 1974]. Язык как особая область взаимодействий между людьми социален по определению [Кравченко, 2012], биологичен по природе [Maturana, 1978; Кравченко, 2013] и лежит в основании человеческой культуры. Тем самым в биологической теории познания изучение живых систем, понимаемых как когнитивные системы, предполагает выход за пределы оболочки «автономного» организма, поскольку живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении, без и вне которого понять их невозможно. В этом смысле говорят о *распределенности языка и когниции* [Hutchins, 1995; Кравченко, 2007]. Когниция при таком подходе формируется в непосредственном и опосредованном межличностном взаимодействии, она не локализована исключительно в пределах мозга, но распределена во времени, в пространстве, в культуре, в социуме [Jarvilehto, 1998; Steffensen, 2009], а язык предстает как определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики, приобретая распределенный характер, а язык, как отмечают когнитологи, «представляет собой неоднородный набор артефактов и практик, становящихся в

процессе онтогенеза неотъемлемой частью человеческой деятельности» [Коули, Кравченко, 2006, с. 133].

Люди при этом выступают как адаптивные системы, которые продуцируют и используют богатство культуры мира, когнитивное освоение которого осуществляется ими как посредством языка, обеспечивающего доступ к сознанию, так и с помощью предметов и явлений окружающей действительности.

На основе этой теории было разработано еще одно ключевое понятие когнитивно-коммуникативной парадигмы – «распределенный разум». Исследователи в своих работах указывают на то, что в основе понимания разума как распределенного лежит принятие онтологического равенства мыслей и орудий, т.к. между ними существуют реверсивные отношения, то есть человек не использует объекты, а взаимодействует с ними и через них. Мысль и деятельность человека опредмечивается в артефакте, и артефакт тоже становится носителем этой мысли и действия, опосредуя взаимодействие человеческого сознания и внешнего мира. Например, стремление ограничить свободу передвижения овец и установка ограждения воплощается в материальном объекте – заборе. При этом «разум» – мысль ограничить движение животных – является распределенным между человеком и артефактом в том смысле, что существует как в сознании деятеля, так и в заборе, предписывающим овцам определенные действия [Latour, 1996, p. 239].

Человек, таким образом, как субъект познания играет в объективном мире роль уникального посредника, координируя функционирование множества сред и средств – телесных, поведенческих, воплощенных в артефактах, идеях и социальных взаимодействиях.

Итак, распределенная когниция – это взгляд, в соответствии с которым познание и приобретение знания не зависят только от того, что происходит внутри собственно телесной оболочки живого организма. Внешние факторы картины мира играют существенную роль в определении ментальных состояний как результата корреляционных сцеплений (согласований) между средой и организмом. В этой системе сцеплений – мозг, тело и мир вступают в меняющиеся отношения взаимной каузальности. Можно сказать, что познание опирается на тело и мир [Linell, 2009].

Иными словами данная теория рассматривает человеческую когницию как нелокализованный процесс, в котором участвуют мозг, тело и окружающая среда, включающая познающих субъектов, артефакты, культуру и природные факторы.

Познание мира, по мнению лингвистов биокогнитологов, начинается одновременно с познанием языка. Человеческие существа предстают такими как они есть, благодаря своей погруженности в поток совместной деятельности с другими. Для человека уникальной характерной чертой такой деятельности является языковое поведение в консенсуальной области взаимодействий, в результате чего происходит их адекватная адаптация к среде обитания [Кравченко, 2011]. В ответ на, поступающие из внутренней, а также из внешней среды сигналы – в виде устных сообщений и текстов, визуальных наблюдений предметов и событий, звуковых и тактильных ощущений в индивидуальном сознании возникают мысли (когнитивные структуры), которые тотчас же оцениваются с точки зрения необходимости и способности организма приспособления к среде, что отражается на речевом/неречевом поведении субъекта как в актуальном времени, так и в будущем. Получение сигналов с учетом сопутствующих условий пространства и времени, формирование знания в виде когнитивных структур и последующее поведение в ответ – все это запоминается нервной системой (сознанием), подкрепляя тем самым уже существующие когнитивные структуры и/или стимулируя построение в данном сознании новых когнитивных структур. Создание когнитивных структур суть механизма самой жизни. Живой организм отличается от не живых предметов своей способностью приспособления к среде обитания, а это, в свою очередь, обуславливает необходимость ежеминутного создания в себе знаний о ней, то есть когнитивных структур. Человек использует их для планирования взаимодействия со средой, для изменения ее условий и для адекватного ответа на изменения среды.

Тело человека биокогнитологи сравнивают с постоянно «открытым радаром» («... всё тело воспринимает, как открытый радар» [Менегетти, 2003, с. 141]), реагирующим на пять разновидностей материальных сигналов своими пятью органами чувств и фиксирующим все воздействия на него (тело), поступающие из

среды. Однако сигналами из них, генерирующими создание живым организмом нового знания, становятся только те, которые вызывают изменения в его (организма) состоянии. Иными словами новое знание возникает в процессе когнитивного взаимодействия человека с окружающей (социально-культурной) средой, включая себе подобных как компонентов среды, и их ценностью для организма, заключающейся в изменении его состояния посредством создания нового знания. При этом формирование нового знания создается в результате догадки на основе имевших место сигналов и реакции организма на них в прошлом. Неоднократное появление в аналогичных ситуациях изначально ни с чем не связываемых языковых форм постепенно связывается с визуальными, звуковыми, тактильными и обонятельными сигналами, формируя представления о значащем совместном появлении соматических и языковых сигналов, завершающимся всегда одной и той же догадкой на основе памяти об аналогичном взаимодействии. Любое знание, таким образом, возникает в конкретный момент в конкретном сознании как следствие некоторого внешнего воздействия (сигнала) и предшествующего знания, позволяющего его интерпретировать. В результате образуется новый «пласт» когнитивных структур, в той или иной степени углубляющих и расширяющих когнитивную нишу индивидуального знания.

Таким образом, с позиций биокогнитивной теории когниция есть функция живых систем как единств взаимодействий, это процедуры получения и использования на основе приобретаемого опыта «предзнаний». Для человека главной областью таких взаимодействий является область языковых взаимодействий, осуществляемых в структурном сопряжении со средой. Иными словами когниция не локализована исключительно в мозге, но распределена во времени, в пространстве, в культуре, в социуме. Познание включает в себя когницию и рассудочную деятельность человека, в результате которой происходит накопление знаний.

Список литературы

Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia linguistica cognitiva*. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск, 2009. С. 100–153.

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Кравченко А.В. О профессиональной и языковой компетенции в журнальных публикациях по когнитивной лингвистике // *Языки профессиональной коммуникации*. Челябинск, 2007. С. 44–48.
- Кравченко А.В. Что такое «Когнитивная структура». Или об одном распространенном заблуждении // *Взаимодействие когнитивных и языковых структур*. М., 2011. С. 96–104
- Кравченко А.В. Понятие социолингвистики как метаязыковой казус // *Язык — когниция — социум*. Минск, 2012. С. 47–48.
- Кравченко А.В. Понятие языковой когниции, или что в имени? // *Когнитивные исследования языка*. Вып.15. Москва-Тамбов, 2013. С. 58–66.
- Коули С. Дж., Кравченко А.В. Динамика когнитивных процессов в науке о языке. // *Вопросы языкознания*. 6. 2006. С. 133–141.
- Линелл П. Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли. *Studia linguistic cognitive*. 2. Иркутск, 2009. С.153–192.
- Менегетти А. Психосоматика. Новейшие достижения. М., 2003. С. 140–141
- Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2010.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.
- Hutchins E. *Cognition in the Wild*. Cambridge, 1995.
- Jarvilehto T. The theory of the organism-environment system. // *Description of the Theory. Integrative Physiological and Behavioral Science*. 1998. Vol. 33. P. 317–330.
- Lakoff G. and Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. Basic Books. 1999
- Latour B. Review of *Cognition in the Wild* // *Mind, Culture and Activity*. 3(1)/1996.
- Maturana H. R. *Biology of Cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, 1970.
- Maturana, H.R. *Biology of language. The epistemology of reality*. N.Y., 1978. P.28–62.
- Steffensen, S.V. (2009). Language, languaging, and the extended mind hypothesis, *Pragmatics & Cognition*, 17(3), 2009. P. 677–697.

Gurochkina Alla Georgievna (Saint-Petersburg, Russia)

COGNITION AND KNOWLEDGE: CORRELATION OF NOTIONS

The paper deals with such phenomena as cognition and knowledge putting special emphasis on the ideas of biocognitive linguistics; reasons for non-synonymic relations of the notions are given.

Keywords: cognition, mind, distributed mind, distributed language, distributed cognition

УДК 81'37

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИ ОСЛОЖНЕННЫХ ОБРАЗОВ

В статье излагается один из возможных подходов к сопоставительному анализу эстетического значения имен денотативных классов английского и французского языков и к интерпретации полученных результатов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, денотативный класс, имя денотативного класса, эстетическое значение, сходство, отличие

В одной из своих работ В.В. Виноградов отмечал: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми смыслами... В контексте всего произведения слова и предложения, находясь в теснейшем взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого» [Виноградов, 1959, с. 230].

На наш взгляд, имена аналогичных денотативных классов в художественных текстах сопоставляемых языков также реализуют не зафиксированные ни в одном из национальных словарей скрытые смыслы, основывающиеся на подтекстной, глубинной информации, на сходных образах, специфически осмысленных в каждом из изучаемых языков. Эстетическое значение имен одних и тех же денотативных классов разных языков полнее раскрывается с учетом особых поворотов в интерпретации смысловых осложнений в каждом из изучаемых языков.

В частности, во многих английских и французских произведениях дается описание реки. В ряде английских источников слово *river* развивает контекстуальное значение 'большая женщина свободного поведения'. Например: *That was the root of it, all right, that great poxed whore of a river that ran by every front door in the Balkans. Well, in a manner of speaking. It had brought them grief and fury, iron and fire, hangmen and tax collectors* [Furst, 1993,

р. 79]. Указанное смысловое осложнение актуализируется посредством уподобления реки заболевшей женщиной: *poxed whore of a river*. Существительное *river* приобретает дополнительный оттенок значения также благодаря уточнению *that ran by every front door*, в котором описываются особенности ремесла.

Параллель 'река – большая женщина свободного поведения' уходит своими корнями в те далекие времена, когда воды являлись универсальным символом плодородия, источником самой жизни, ассоциировались с образом матери. Во всех известных легендах о происхождении мира жизнь произошла из первородных вод, женского символа потенции [Тресиддер, 2001, с. 43]. С символизмом Великой Матери и ее плодотворной силы связана распространенная во всем древнем мире практика храмовой проституции, независимо от того, использовали храмы проституцию как источник дохода или по причинам религиозного порядка [там же, с. 26].

По представлениям наших предков, вода – опасное «чужое» пространство, принадлежащее потусторонним силам, а водные источники являются вместилищами нечистой силы, местами обитания болезней [Славянская, 1995, с. 60]. В английском и французском языках корреляция 'водный источник – болезнь' поддерживается большой группой слов, обозначающих болезненные состояния, вызванные пребыванием на морской поверхности, а также целым рядом лексических единиц, обозначающих пути и средства лечения болезней. Например: *caisson disease, diver's disease, decompression sickness – 'a condition caused by the formation of air bubbles in the blood or body tissues as the results of a sudden lowering of pressure, as in deep-sea divers returning to the surface too fast'* [Webster, 1964, p. 382], *sea-sickness – 'nausea, dizziness, etc. caused by the rolling and pitching of a ship at sea'* [ibid, p. 1315], *catch – 'a gum used for tanning nets, sails. Used at Brighton by fishermen as a remedy against diarrhoea'* [Parish, 1957, p. 28].

Анализируемый английский фрагмент интересен и тем, что во второй его части слово *river* приобретает смысловые оттенки 'невеста', а затем – 'любимая'. Например: *Somewhere, surely, it was proposed, there were men and women who loved their river, were happy and peaceful upon its banks* [Furst, 1993, p. 45]. Сбли-

жение образов реки и невесты фиксируется посредством глагола *propose: it was proposed*. Сема 'любимая' эксплицируется в предикативных компонентах *loved, were happy and peaceful*. Описываемая в художественном произведении река – это Дунай. В восточнославянских мифопоэтических, фольклорных и обрядовых текстах Дунай выступает как образ вольной девической жизни: девица гуляет у Дуная, но прощается с ним, когда она просвата на [Славянская, 1995, с. 172].

Во французском отрывке, так же как и в английском, слово *rivière* развивает несколько дополнительных смысловых оттенков. Так, еще одну интерпретацию получает линия 'река – женщина': река ассоциируется с сестрой. Например: *C'est par une longue série d'expériences, de ratages, de tatonnements que Paul est arrivé à se faire une soeur de la rivière* [Conteur, 1981, p. 112]. В истории культуры известны примеры, когда реку называли Божьей сестрицей [Славянская, 1995, с. 98]. В рассматриваемом французском контексте лексема *rivière* получает смысловое осложнение 'не-что таинственное, вызывающее страх'. Например: *C'était d'abord quelque chose d'assez mystérieux qui coulait devant la maison, un terrible piège à enfants dont on lui avait fait un épouvantail. Il n'avait pas peur de la nuit, mais il avait peur de la rivière* [Conteurs, 1981, p. 12]. Этот дополнительный смысл передается посредством слов *mystérieux, piège, épouvantail, peur*.

Река во многих культурах относится к числу наиболее емких и многозначных символов. В частности, река связана с идеями страха перед неведомым, так как нередко реки представлялись границами, разделяющими миры живых и таинственные миры мертвых [Славянская, 1995, с. 333]. Любопытно также, что упоминание в одном и том же предложении реки и ребенка фактически сталкивает два противоположных символа: река является символом страха, тогда как ребенок олицетворяет природное, первородное состояние, отсутствие страха [Тресиддер, 2001, с. 304]. Образ таинственной реки воспроизводится в произведении неоднократно. Например: *Mais la rivière ne lui révéla vraiment tous ses secrets que quand, stylé par son père, Paul commença à savoir pecher à la volantié* [Conteurs, 1981, p. 18].

Художественные контексты с описаниями облаков в английском и французском языках сравнительно редки. В английских источниках слово *cloud* приобретает контекстуальное значение

‘предвестник божественной кары’. Например: ... *and He that sat on the cloud thrust His sickle on the earth; and the earth was reaped* [Есо, 1984, р. 82]. В основе этого образа лежит зафиксированное во внутренней форме английских фразеологических единиц представление об облаке как дурном предзнаменовании, которое может помешать осуществлению какой-либо деятельности, омрачить счастье, испортить настроение человеку. Например: *a cloud on the horizon – ‘something that is likely to spoil a situation’* [ММ, 2002, р. 258], *a cloud in one’s sky (a cloud on one’s happiness) – ‘облачко, омрачающее что-то счастье’* [Кунин, 1976, с. 155], *a cloud on (upon) one’s brow – ‘пасмурный, мрачный, хмурый вид’* [там же]. В рассматриваемом фрагменте это представление получило своеобразную интерпретацию.

Любопытно, что в английском языке имеется структурно близкая сочетанию *on the cloud* фразеологическая единица *on cloud nine*, обозначающая состояние непередаваемого блаженства [ММ, 2002, р. 258]. На наш взгляд, аллюзия на ‘седьмое / девятое / десятое облако’ как мистический символ счастья вовсе не противоречит образу облака, предвещающего кары небесные, так как во многих культурах символы блаженства и страдания совпадают [Тресиддер, 2001, с. 103-104].

Вместе с тем, прототипом другой группы фразеологических единиц английского языка является ситуация ‘расположение под облаком’, а их толкования содержат описание негативных отношений или состояний, которые могут возникать у одного человека к другому человеку в определенных ситуациях. Например: *under a cloud – ‘with your reputation damaged because you may have done something wrong’* [ММ, 2002, р. 258], *under a cloud – ‘under suspicion, in disgrace’* [Hornby, 1983, р. 106], *under a cloud – ‘if sb is under a cloud, other people think that they have done sth wrong and are suspicious of them’* [Oxford, 1984, р. 230]. В изучаемом контексте облако символизирует само присутствие бога, всемогущество, неумолимость его моральных законов [Тресиддер, 2001, с. 244]. Представление об облаке как символе неотвратимости наказания господня конкретизируется в этом же предложении: *and the earth was reaped*. В рассматриваемом текстовом пространстве в цепи ассоциаций, связанных с облаком, возникает звено ‘облако – колесница’, реализующее значение ‘власть’, свойственное

лексической единице *chariot*. Например: ... *and that angel will be seen who commands all the other holy angels, and all the angels will advance together with him, seated on a chariot of clouds, filled with joy...* [Есо, 1984, р. 111]. Колесница – динамичный властный символ, который широко используется для иллюстрации могущества богов, героев или аллегорических фигур. Символизм колесницы, вероятно, связан с потрясающей воображение мощью боевых колесниц Центральной Азии, с которыми Запад познакомился во втором тысячелетии до нашей эры [Тресиддер, 2001, с. 153 –155].

При анализе внутритекстовых связей у слова *cloud* выявляется дополнительное значение ‘непрерывность жизни’. Оно актуализируется в описаниях этапов человеческой истории, движение которой невозможно остановить. Например: *Human history proceeds with a motion that cannot be arrested, from the creation through the redemption, toward the return of Christ triumphant, who will appear seated on a cloud to judge the quick and the dead ...* [Есо, 1984, р. 59].

Компонент значения ‘непрерывность жизни’ в системе быденного английского языка поддерживается следующими фразеологизмами: *every cloud has a silver lining – ‘every sad or difficult situation has a positive side’* [ММ, 2002, с. 158], *‘every cloud has a silver lining used for saying that something good usually comes out of a bad situation’* [Hornby, 1983, р. 96], *if there were no clouds, we should not enjoy the sun – ‘если бы не было туч, мы бы не ценили солнца’* [Кунин, 1976, с. 155].

На наш взгляд, взаимодействие в едином эстетическом значении лексемы *cloud* таких компонентов, как ‘божественная кара’, ‘власть’, ‘непрерывность жизни’, отчасти объясняет, почему, характеризуя свою книгу словами вымышленного рассказчика, У. Эко называет ее *a tale of books, not of everyday worries...* [Есо, 1984, р. 5].

Во французских контекстах также устанавливается смысловая связь ‘облако – колесница’. Например: ... *formant, passager céleste au milieu des enfants et des bonnes, un petit nuage d’une couleur précieuse, pareil à celui qui, bombé au-dessus d’un beau jardin du Poussin, reflète minutieusement, comme un nuage d’opéra plein de chevaux et de chars, quelque apparition de la vie des dieux...* [Proust, 1976, р. 172].

Смысловое осложнение слова *nuage* возникает благодаря использованию существительных *des dieux* и *chars*. Вместе с тем, в отличие от английского языка, сравнение облака с оперной декорацией, изображающей лошадей и колесницы, а также включение в денотативную ситуацию детей и их бонн, воссоздает, скорее, атмосферу детского праздника, а не величественные картины явления всемогущих богов. Как следствие, яркие в английском языке семы 'божественная кара' и 'власть' во французском слове *nuage* затухают, и данная лексическая единица приобретает значение 'театральность, условность, искусственность'.

В большинстве английских и французских художественных контекстов семантическое осложнение слов *wind* / *vent* происходит вследствие того, что образ ветра ориентирован на его зрительное и слуховое представление. В основе этого образа лежит представление о ветре как космическом дыхании, ожившем духе, чье воздействие можно увидеть и услышать, но который сам остается невидимым [Тресиддер, 2001, с. 39]. Действительно, увидеть движение воздушных масс очень трудно, вероятно, поэтому ветер часто персонифицируется: на древних картах он изображался в виде голов с раздутыми щеками [там же, с. 40]. В художественных произведениях традиционными атрибутами ветра являются крылья, обозначающие легкость, скорость, свободное падение, и зубы, с древности символизирующие агрессию и защитные силы [там же, с. 124, 293].

Вместе с тем, у английских авторов персонифицированный образ ветра дополняется руками и ногами. Например: *When they went the strong winds and persistent rains took the matter in hand* [Grahame, 1981, p. 321], *As they stared blankly, in dumb misery deepening as they slowly realized all they had seen and all they had lost, a capricious little breeze, dancing up from the surface of the water ...* [Bragg, 1979, p. 41]. Смысловое осложнение единицы *wind* фиксируется внутренней формой фразеологизма *take in hand* и глаголом *dance up*.

Во французских контекстах имеются описания черт характера ветра. Например: *Cet hiver s'annonçait par des aurores interminables aux couleurs criardes wet par un vent pourri, mais furieux, qui venait de l'Ouest; un vent qui ne cessait ni nuit ni jour, un vent obsédant, obstiné, stupide...* [Conteurs, 1981, p. 69]. Скрытый семантический компонент 'чер-

та характера' актуализируется в прилагательных *obsédant, obstiné, stupide*.

Чрезвычайно разнообразны в английских и французских произведениях звуковые характеристики ветра. Они эксплицируются как посредством лексики, содержащей сему 'звук', так и с помощью слов, обозначающих способность слышать. Например: *... and a light breeze sprang up and set the reeds and bulrushes rustling. Rat, who was in the stern of the boat, while Mole sculled, sat up suddenly and listen with a passionate intentness* [Grahame, 1981, p. 172], *Le vent, dans la journée, s'était assourdi; sa grande voix plaintive et brutale était devenue un vurmure étouffé, maladif, spongieux* [Conteurs, 1981, p. 201].

Традиционное во всей мировой культуре осмысление ветра как мощного символа изменений [Тресиддер, 2001, с. 40] обуславливает практически неограниченное использование в английских и французских текстах образа ветра для передачи сложных духовных и физических переживаний персонажей. В обоих сопоставляемых языках значительные проявления ветра соответствуют и более глубоким чувствам и страданиям человека, обнаруживая органическое единство состояния героя и явления природы. Например: *...a little breeze tossed the aspense, shook the dewy roses, and blew lightly and caressingly in their faces; and with its soft touch came instant oblivion* [Grahame, 1981, p. 172], *– Isn't it jolly to feel the sun again, soaking into one's bones! And hark to the wind playing in the reeds!* – *'It's like music – far away music' said the Mole nodding drowsily* [ibid, p. 172], *Depuis, Renaud avait marché; toutes les nuits, pendant un mois, il avait marché. Renaud ne connaissait plus la couleur du jour, ni son odeur, ni sa douceur aimable. ... Sur quatre cents kilomètres peut-être, quatre cents kilomètres parcourus nuit par nuit, minute par minute, pas après pas. Quatre cents kilomètres de vent, d'obscurité laiteuse, de danger menaçant, de neige mensongère et tenace ...* [Conteurs, 1981, p. 49].

В английских фрагментах взаимосвязь ветра и человека конкретизируется в соответствиях '*wind – oblivion*', '*wind – music*', '*wind – play*', '*wind – drowsily*'. Во французских отрывках единство человека и ветра уточняется, во-первых, посредством указания на огромное расстояние в четыреста километров, которое во что бы то ни стало необходимо преодолеть главному герою пешком, зимой, скрытно от врагов, в сопровождении беспощад-

ного ветра. Во-вторых, эта связь объективируется в описаниях все более ослабевающего ветра и одновременно улучшающегося физического и морального состояния персонажа по мере его приближения к пункту назначения.

Итак, семантическое «поведение» слова на текстовом протяжении всего художественного произведения изменяется, осуществляется актуализация скрытых смыслов лексем, создающих новое видение мира и его оценку, возникают смысловые наращения. Межъязыковой сопоставительный анализ художественных образов позволяет описать опыт освоения художественной действительности носителями разных лингвокультур, выявить наиболее значимые, устойчивые особенности, свойственные поэтической картине мира того или иного языка, объективировать параллели и расхождения в способах отражения художественного мировидения в лексических системах сопоставляемых языков, а в последствии сравнить организацию художественной, научной и наивной картин мира разных языков.

Список литературы

- Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М., 1980.
 Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001.
 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. (в тексте Славянская)
 Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: В 2 т. 3-е изд., испр. М, 1967.
 Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка: Спец. изд. для СССР. М., 1983. (в тексте Hornby)
 Bragg M. The Hired Man. Moscow, 1979.
 Conteurs français du XX-e siècle: 1945–1977. Moscou, 1981. (в тексте Conteur)
 Eco U. The Name of the Rose. London, 1984.
 Furst A. Night Soldiers. London, 1993.
 Grahame K. The Wind in the Willows. Moscow, 1981.
 Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2002. (в тексте MM)
 Parish W. D. A Dictionary of the Sussex Dialect and Collection of Provincialisms in Use in the County of Sussex. Chichester, 1957.

- Proust M. A la recherche du temps perdu. Du cote de chez Swann. Moscou. 1976.
 The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford, 1984. (в тексте Oxford)
 Webster's New World Dictionary. The World Publishing Company. Cleveland and New York. 1964. (в тексте W)

Nifanova Tatyana Sergeevna (Severodvinsk, Russia)

COMPARATIVE STUDIES OF SEMANTICALLY COMPLICATED IMAGES

The paper is about a possible approach to the comparative analysis of the semantically complicated images on the material of the English and French languages and to the interpretation of the results of the analysis.

Keywords: comparative analysis, denotative class, name of the denotative class, aesthetic meaning, semantically complicated image, similarity, difference

УДК 81-22

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

PASSER-BY: ФРАЗОВОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ?

Статья предлагает обоснование системного характера нестандартной формы множественного числа *passersby* в современном английском языке. На основе анализа ряда контекстов проясняется переходный морфологический характер образований типа *passerby* от словосочетания к сложнопроизводному слову. Демонстрируется исходная синтаксическая модель подобных образований и раскрывается ее значимость для уточнения природы фразовых глаголов и синтаксического потенциала наречий в английском языке.

Ключевые слова: сложное существительное, наречие, фразовый глагол, глагольная основа, словообразующий суффикс, дефиниция.

Толковые словари английского языка выделяют существительное *passerby* (*passer-by*), это частотное слово обладает интересной морфологической природой и вариативным орфографическим оформлением. Американские толковые словари рекомендуют слитное написание (см., например, дефиницию *passerby* в онлайн версии словаря Merriam-Webster) [Merriam-Webster]. Британские словари отдают предпочтение написанию через дефис (например, дефиниция *passer-by* в онлайн версии Оксфордского словаря) [Oxford Dictionaries]. Сама по себе вариативность написания формы единственного числа в американском и британском вариантах английского языка еще не представляет собой большого интереса для исследования. Интерес вызывает форма множественного числа. Оксфордский словарь не приводит эту форму в словарной статье. То же самое мы находим в другом британском словаре Макмиллан [Macmillan]. А вот американский словарь Merriam-Webster открывает словарную статью с указанием особой формы множественного числа для этого существительного: *passersby*. Такая форма у английского существительного является нерегулярной: суффикс множественного числа появляется не на конце слова (*tables*, *walkers*), а в середине. Подобные формы встречают-

ся довольно редко. Характерный пример – множественное число таких существительных как *basketful* или *spoonful*: *basketsful*; *spoonsful*. Интересно, что современная онлайн версия словаря Merriam-Webster предлагает эти нерегулярные формы как второй вариант формы множественного числа наравне с формами *basketfuls*, *spoonfuls*, в которых формообразующий суффикс следует за словообразующим, как это и естественно для морфологии английского существительного. Очевидно, что словарь указывает на тенденцию к выравниванию форм этих существительных в соответствии с общей закономерностью.

Морфологическая структура *passerby* более сложная: в этом слове мы видим две корневые морфемы (глагольный корень *pass* и наречный корень *by*, который выступает не только как основа наречия при глаголе – *stand by*; *walk by*; *pass by* – но и как элемент сложных существительных – *bystander*; *byword*). Вместе с тем, в этом слове мы выделяем и словообразовательный суффикс *-er*, который стоит после корня *pass*. Сложное слово со словообразовательным суффиксом между двумя корнями – явление довольно редкое для английского языка. Тем более странной кажется и форма множественного числа, предполагающая появление формообразующего суффикса в середине слова перед вторым корнем. При этом словарь исключает возможность более регулярной формы *passerbys*.

Нам представляется, что трактовка данного образования как обычного существительного, как это делают словари, является неточностью. Более подробный анализ морфологической природы *passerby* позволит выявить интересный эволюционный процесс, затрагивающий существительные, образованные от глагольных корней с помощью суффикса *-er* и обозначающие субъекта действия, выражаемого соответствующим глаголом, и наречий, выступающих как второй элемент фразовых глаголов типа *pass by*, *go out*, *come in* и т.д.).

Начнем наш анализ с обращения к материалам корпуса СОСА [СОСА]. Поскольку корпус ориентирован на обработку, в основном, американских источников, он отдает предпочтение слитному написанию *passerby*: 340 контекстов против 72 контекстов с формой *passer-by*. Для данного исследования нас в большей степени интересует то, каким образом в корпусе представлена форма мно-

жественного числа данной единицы. Безусловно, доминирует вариант *passersby* – 882 контекста; форма *passers-by* зафиксирована 346 раз. Для нас важно то, что помимо этих двух доминирующих форм корпус предлагает 18 контекстов с формой *passers by* (раздельное написание) и 3 контекста с формой *passerbys*, считающейся ненормативной. Отметим, что эти контексты представляют репортаж и статью из спортивного журнала, то есть жанры, предполагающие соответствие текста общепринятым нормам грамотности.

1. Government news agencies have reported that two passerbys were killed by protesters on Monday (репортаж).

2. Along with a great shove by helpful passerbys (журнальная статья).

Поисковая система Google дает интересный материал, подтверждающий то, что мы, скорее всего, имеем дело не с проявлением неграмотного словоупотребления, а с появлением новой нормы. При сопоставлении частотности употреблений *the passersby* и *the passerbys* система предлагает 266 тысяч вариантов для нормативной формы и 141 тысячу для формы, которую словари и нормативные грамматики не признают. Как видим, здесь соотношение примерно два к одному, что является существенной корректировкой частотности, которую предлагает корпус. Более того, форма *the passerbys* регулярно встречается в художественных текстах, изданных в последнее десятилетие. Два примера убедительно демонстрируют отсутствие в контексте каких-либо признаков стремления имитировать неграмотную или неправильную английскую речь:

3. They marched about half a mile down a busy commercial street, the passerbys looking at the bedraggled group furtively.

4. To the passerbys, they appeared to be a couple with her acting as a vulnerable woman hugging him for support.

Очевидно, что данная форма сигнализирует о процессе выравнивания морфологической структуры слова. Также очевидно и то, что в данных контекстах *passerbys* представляет собой сложное (сложнопроизводное) существительное.

Теперь закономерно задать вопрос о том, какая же именно структура подвергается процессу выравнивания? Идет ли речь о тенденции заменить нестандартную форму множественного числа существительного регулярной, или же мы имеем дело с бо-

лее сложным процессом, предполагающим, что форма *passersby/passers-by/passers by* не является цельноформленным словом? Целый ряд языковых фактов свидетельствует о том, что в современном английском языке *passerby* демонстрирует признаки синтаксически дискретного словосочетания.

Прежде всего, мы можем выделить контексты, в которых существительное *passer* встречается без наречия *by*, причем характер контекста при этом не меняется:

5. *a toll to be paid by the passers along the road* (1839)

6. *a curious exhibition of involuntary agility was given to the passers along Kcarny street* (1897)

7. *Down in a tall busy street he read a dozen Jewish names on a line of stores; in the door of each stood a dark little man watching the passers from intent eyes* (1934)

8. *It is said that their groans can be heard by the passers along the high road below the castle* (2012).

Примеры 5–8 показывают возможность использования существительного без наречия в течение последних двух веков. Данные контексты указывают на то, что *by* при существительном *passer* выступает как синтаксически автономное наречие, сохраняющее функцию уточняющего элемента по отношению к значению глагольной основы существительного и остающееся в такой же степени автономным, как и наречие в сочетании *pass by: passed me on the street // passed me by on the street*.

О факультативной природе наречия при так называемых фразовых глаголах и его значении мы писали в ряде статей в предыдущих выпусках *Studia Linguistica*. В данном случае мы наблюдаем интересную морфологическую закономерность. Мы видим, что наречие способно точно так же определять и существительное, образованное от соответствующей глагольной основы с помощью словообразовательного суффикса *-er*. Следующие примеры позволяют продемонстрировать именно эту функцию наречия. Оно является дополнительным словом-определителем, подчеркивающим случайность, отстраненность от главного для конкретного контекста действия людей, обозначаемых существительным *passers*. Данные примеры максимально близко воспроизводят структуру контекста примеров 5–8 и расположены в порядке ответственности структуры ситуации в каждом из контекстов:

9. *The resident nun had an obligation to provide free tea to all passers-by along the road (cf. a toll to be paid by passers along the road)*

10. *Such a light came into his eyes that even the passers-by along the street glanced sharply at him (cf. a curious exhibition of activity was given to passers along Kcarny street)*

11. *idly watching the passers by along the road (cf. a man watching the passers from intent eyes)*

12. *One autumn night, passers-by along the road heard the mournful sound of two swans singing (cf. groans can be heard by the passers along the road).*

Отметим также, что в данных контекстах мы видим предпочтение написанию сочетания через дефис, что говорит об ощущении более тесной семантической взаимообусловленности двух элементов сочетания авторами текстов. Мы считаем, что в данном случае наблюдается явление трансформации свободного словосочетания “существительное с суффиксом *-er* и наречие” в сложное слово. При этом для сознания носителей английского языка по-прежнему актуальной остается синтаксическая модель дискретного словосочетания. Именно этим можно объяснить сохранение суффикса множественного числа после глагольной основы (*passers-by; passersby*).

Языковой материал свидетельствует о том, что данная синтаксическая модель более активно использовалась в английском языке в девятнадцатом веке. В современном языке количество контекстов довольно ограничено, но модель по-прежнему действует. Приведем несколько примеров из текстов первой половины девятнадцатого века и сопоставим их с современными контекстами:

13. *The eaters up of the national resources (1833)*

14. *We are the self-immolators, the sacrificers, the givers, not the eaters-up of life (1975)*

15. *The elite have become parasitic eaters of the resources that belong to We the People (2016)*

16. *We are grand eaters of life (2013)*

17. *On a change of Ministry, were it not for the sinecures, the comers-in would cut the throats of the goers-out (1817)*

18. *The comers-in at the east shall not dare to close the gates against the comers-in at the west (1951)*

19. *That's exactly what I started to call them, “comers and goers” (2013)*

20. *Hello to the new comers at Forex! (2017)*

Приведенные примеры дают возможность обосновать системный характер использования суффикса множественного числа именно после глагольной основы производного существительного на *-er* при следующем за ним наречии, поскольку это естественное явление для дискретного словосочетания.

Вместе с тем, мы наблюдаем ослабление активного использования данной синтаксической модели в современных текстах. Наречия постепенно уходят из контекстов, характерных для данного класса существительных. Судя по всему, именно этим снижением продуктивности синтаксической модели и обусловлена постепенная трансформация высокочастотных словосочетаний типа *passer by* в сложнопроизводные слова. Поскольку исходная синтаксическая модель все еще активна в языке, форма множественного числа с формообразующим суффиксом как бы в середине слова (*passersby*) не является аномальной (ср. *comers-in; eaters-up; goers-out* – сочетания, которые не фиксируются словарями как существительные). По-прежнему возможно использование существительного *passers* без наречия в контекстах, близких к типичным контекстам для *passersby* (примеры 5–12). Одновременно с этим можно отметить тенденцию к перенесению формообразующего суффикса на конец подобных словосочетаний, которые при этом уже однозначно оформляются в сложнопроизводные слова. Такая тенденция фиксируется на базе целого ряда образований. Аналогичное по структуре сочетание *hanger-on* представлено 195 контекстами с формой *hangers-on* и 3 контекстами с формой *hanger-ons* в корпусе СОСА. В системе Google соотношение 482,000 и 85,708 контекстов соответственно. Для форм *lookers-on* и *looker-ons* соотношение составляет 161,000 и 822 контекста соответственно, при том, что корпус СОСА не фиксирует форму *looker-ons*.

Наблюдения над своеобразными «фразовыми» существительными в английском языке позволяют сделать ряд выводов об определенном эволюционном процессе в морфологии существительных, обозначающих субъекта действия и образованных от глагольных основ с помощью суффикса *-er*. Нам удалось проде-

монстрировать, что именные образования, мотивированные определенными фразовыми глаголами, по-прежнему сохраняют статус синтаксически дискретных словосочетаний (примеры 5–20). Сам факт факультативности наречного компонента в таких образованиях значим не только для уточнения морфологической природы исследуемых форм множественного числа, но и для дальнейшего обоснования синтаксической и семантической автономности глагола и наречия в так называемых фразовых глаголах.

Факультативность наречия при существительном *passer* дает возможность вскрыть системную природу позиции суффикса множественного числа после именной основы в подобных образованиях. Мы доказали, что для современного состояния английского языка такие формы (*passers-by; passersby*) все еще сохраняют связь с синтаксической моделью словосочетания, аналогично формам *eaters up* или *comers-in*. Существенное ослабление активности данной синтаксической модели в последние десятилетия приводит к двойственному эффекту: из регулярной практики уходят сочетания типа *eaters up, comers-in, goers-out*. Данные словосочетания не были высокочастотными изначально и в современном употреблении эти «фразовые» существительные замещаются именными основами без наречия: *eaters, goers, comers*. Более частотное сочетание *passer by* и другие подобные сочетания вступают в процесс морфологической трансформации на пути к превращению в сложнопроизводные существительные. Предпочтительное и нормативное использование суффикса множественного числа в середине таких слов свидетельствует о том, что процесс преобразования словосочетаний в сложнопроизводные слова еще не завершен. О характере и возможном результате данного процесса свидетельствуют появляющиеся в языке, но еще не признанные в качестве нормы, словоформы *passerbys, hangerons, lookerons*.

Ссылки на электронные источники

СОСА [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 02.11.2017)

Macmillan [Электронный ресурс]. URL: <http://macmillandictionary.com/> (дата обращения: 02.11. 2017)

Merriam Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 02.11.2017)

Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 02.11.2017)

Tolochin Igor Vladimirovich (Saint-Petersburg, Russia)

PASSER-BY: A PHRASAL NOUN?

The paper demonstrates the systemic nature of the plural form *passersby* in modern English. The data obtained from contextual analysis makes it possible to characterize the units such as *passerby* as formations undergoing a morphological transformation from a phrase to a compound noun. Revealed is the initial syntactical pattern for such phrases and its relevance for more insights into the nature of phrasal verbs and the syntactical potential of adverbs in modern English.

Keywords: compound noun, adverb, phrasal verb, verbal stem, derivational suffix, definition

УДК 81.374

И.П. Шишкина, Е.А. Смолоногина (Санкт-Петербург, Россия)

НЕМЕЦКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В статье рассматриваются основные тенденции развития немецкой лексикографии конца XX-начала XXI века: расширение типологии словарей, совершенствование лексикографического аппарата, изменения в структуре словарной статьи, создание новых типов словарей: дискурсивного и электронного словаря. Намечаются перспективы развития лексикографии в XXI веке.

Ключевые слова: типология словарей, лингвоцентрический vs. антропоцентрический подходы к лексикографированию, лингвистический корпус, дискурсивный словарь, электронный словарь.

В предлагаемой статье излагаются результаты наблюдений над состоянием и тенденциями развития немецкой лексикографии за последние пятьдесят лет. Условные границы периодизации – три последних десятилетия XX века («вчера») и два десятилетия XXI века («сегодня»). Этот, узкий для истории немецкой лексикографии, период знаменуется интенсивным развитием как теории лексикографии, так и лексикографической практики. «Совокупность лексикографических изданий последнего времени отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности; именно словарям принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа, в формировании лингвистически компетентного члена языкового коллектива» [Козырев, Черняк, 2014, с. 12]. Сказанное в адрес русских лексикографических изданий может быть полностью отнесено к немецким словарям последних десятилетий.

Сохранение всего ценного из лексикографического наследия прошлого и создание нового, лексикографических изданий, отвечающих коммуникативным потребностям общества, удовлетворяющих запросы различных категорий адресата, связанное с

этим расширение лексикографического пространства, поиск новых форм представления языкового материала, совершенствование лексикографического аппарата – так можно обобщенно обозначить тенденции развития современной немецкой лексикографии.

1. Расширение лексикографического пространства

Немецкая лексикография сегодня интенсивно развивается в двух направлениях: 1) сохраняются лексикографические традиции толковых словарей, которые при переиздании дополняются актуальным лексиконом, отражающим социальные, экономические, культурологические процессы развития общества.

Наряду с этим создаются частные толковые словари, фиксирующие лексикон субстандарта, отвечающие коммуникативным запросам языкового коллектива, ориентированные на определенного (с точки зрения социального, возрастного состава, профессиональной принадлежности) адресата.

2) Расширяется типология словарей: создаются новые по поставленной задаче, по критериям отбора словника, по методам интерпретации словарного материала словари.

Так словари издательства «Duden» – это общие толковые словари, неоднократно переиздававшиеся (Deutsches Universalwörterbuch – 8-е издание 2015–16 г.; Das große Wörterbuch der deutschen Sprache – 3-е издание 1999 г., 4-ое издание 2011 года вышло в электронном формате), и серия частных толковых словарей, посвященных словарной кодификации отдельных аспектов слова и словарного состава (Deutsche Rechtschreibung; Das Bedeutungswörterbuch и др.). В этих словарях фиксируются все параметры нормы современного немецкого языка (Standardsprache), их характеризуют системный (системноцентрический) и лингвистически фундированный (лингвоцентрический) подходы к интерпретации словарного материала.

Общие толковые словари, как указывают их составители, адресованы широкому кругу пользователей, частные словари предполагают адресата, заинтересованного в информации по отдельным аспектам лексикона. Более конкретный (потенциальный) адресат серии «Schülerduden» потребовал особого подхода и к отбору лемм (Stichwörter), и к объему информации, и к словесной форме толкования.

В начале XXI века объектом лексикографического «осмысления» все чаще становится лексикон ограниченных групп носителей языка, объединенных общими интересами. Этот лексикон получил в немецкой лексикографии обозначение «Szenesprachen» (приблизительное русское соответствие «лексикон субкультуры»). В лексикографирование его включилось издательство «Duden», выпустившее в 2000 году словарь «Wörterbuch der Szenesprachen» (анализ словаря см. [Девкин, 2005, с. 232-242]).

В 2011 году в издательстве «Duden» вышел словарь неологизмов «DUDEN. Unsere Wörter des Jahrzehnts. Chai-Latte, Ego-Google und Ich-AG. 2000-2010», в котором собраны и толкуются неологизмы первого десятилетия XXI века. Словник базируется на данных лингвистического корпуса издательства (анализ словаря см. [Шишкина, Смолоногина, 2015, с. 223–233]).

В 2011 году появился «DUDEN online-Wörterbuch», электронная версия «Das große Wörterbuch der deutschen Sprache», что можно считать важным этапом развития деятельности издательства (подробнее о данном словаре см. далее).

Представляется, что на примере словарной продукции издательства «Duden» можно проследить процесс развития лексикографических изданий от классических толковых словарей к частным словарям, фиксирующим и толкующим актуальную для различных групп носителей языка сегодня лексику, отражающую инновации в языковой картине мира народа, а также констатировать обращение лексикографов к созданию нового типа словаря – онлайн-словаря.

Наряду со словарями издательства «Duden» в немецкое лексикографическое пространство «сегодня» входит ряд дескриптивных словарей антропоцентрической направленности, которые отражают «живой язык, данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание современников» [Скляревская, 2013, с. 130, цит. по Козырев, Черняк, 2014, с. 11]. Это, в первую очередь, словари молодежного сленга Х. Эманна (Ehmann, H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache, 1994; Oberaffengeil, Neues Lexikon der Jugendsprache, 1996; Voll konkret, Das neueste Lexikon der Jugendsprache, 2001; Affengeil, 2005). В данных словарях, как отмечает их автор, показана мобильность молодежного сленга, его живое реагирование на изменения в жизни социальной сре-

ды, появление все новых экспрессивных, образных лексических единиц (последнее демонстрируется уже вынесенными в заглавие словарей обозначениями из языка молодежи) [Шишкина, Смолоногина, 2015, с. 106–107].

В ряде словарей собран и толкуется лексикон узких социальных групп: Pro Singer, W. Das rabenstarke Lexikon der Scene-Sprache. Der große Durchblick für alle Freaks, Spontis, Schlaffis, Softis, Flipper und Hänger sowie deren Verwandte und sonstige Fuzzis; Laubenthal, K. Lexikon der Knast-sprache; Freidank, M. Grund- und Aufbauwortschatz Kanakisch.

Все названные словари охватывают ограниченный инвентарь лемм (от нескольких десятков до нескольких сотен единиц) и знаменуются отходом от традиционных форм лексикографического метаязыка. В заглавие включаются лексические единицы из самого социолекта, как, например, «Knast: (Gaunersprache, Haft-sprache)»; «Kanake (umg. abw.) – ausländischer Arbeitnehmer, bes. Türke» [DUW], внося в него (заглавие) элемент оценочности самого лексикона (см. также обозначения носителей «языка» субкультуры в заглавии словаря В. Прозингера и оценочно-ироничное определение «rabenstark»). Словарные статьи имеют нестандартизированную структуру: свободный, нарративный стиль толкования, сочетание лингвистической и энциклопедической информации, наличие оценочного, часто иронического авторского комментария [Шишкина, Смолоногина, 2015, с. 72–76].

II. Словари нового типа: Дискурсивный словарь

Теоретической базой дискурсивного словаря являются основные положения теории дискурса, теории текста и речевых актов.

Дискурс, как известно, трактуется и как отдельное, осуществляемое в конкретных условиях, коммуникативное событие, и как множество текстов, обладающих общими признаками (общей темой) или относящихся к одной коммуникативной сфере. И в том, и в другом случае дискурс связан с определенными хронологическими, историческими, социальными условиями его осуществления, а также с ролевыми отношениями участников коммуникации. Важной составляющей текстовой реализации дискурса является дискурсивно-релевантный вокабуляр, который требует систематизации и интерпретации, т.е. создаются предпосылки для создания специальных дискурсивных словарей.

«Дискурсивный словарь отличается от общезыкового словаря тем, что отражает взаимосвязи лексических единиц языка в плане их тематической, текстуальной, временной и функциональной соотнесенности, а также в плане принадлежности говорящих к определенной группе участников дискурса» [Трошина, 2012, с. 229]. Дискурсивный словарь, сочетающий ономазиологический и семасиологический подходы к трактовке вокабуляра, охватывает, как правило, дискурсивно-релевантный лексикон, связанный с важными, переломными моментами в жизни общества. В ограниченных хронологических периодах исторические (и другие) события представляются участниками дискурса с различных позиций, освещаются коммуникантами с разными взглядами и убеждениями, на основании чего внутри одного дискурса выделяется несколько субдискурсов.

Немецкая лексикография сегодня представлена тремя дискурсивными словарями:

- Opfer – Täter – Nichttäter. Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945–1955. Hrsg. H. Kämper. Berlin, New York: de Gruyter 2007.
- Diskurswörterbuch zum Protestdiskurs 1967/1968. Elektronische Ressource – Mannheim: Institut für Deutsche Sprache, 2012.
- Wörterbuch zum Demokratiediskurs 1967/68. Unter Mitwirkung von Elisabeth Link. 1131 S. – Berlin: Akademie-Verlag, 2013.

Каждый из словарей посвящен анализу дискурсивно-релевантного вокабуляра обозначенного в его заглавии дискурса.

В словаре «**Opfer – Täter – Nichttäter. Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945-1955**» собран и интерпретируется вокабуляр, отражающий важнейший для первого послевоенного десятилетия Германии дискурс – осознание и осмысление исторической вины немецкого народа в период национал-социалистической диктатуры.

Лексический состав дискурса представлен как структурированная система трех субдискурсов: субдискурса жертв (Opfer), субдискурса преступников (Täter) и субдискурса непричастных/невиновных (Nichttäter), каждый из которых включает определенное количество лемм. Предлагаемая составителями словаря схема показывает, что субдискурсы различаются как по количеству лемм, так и по представленности в них лексико-семантических групп вокабуляра. Две леммы входят во все три субдискурса, их

можно рассматривать как концептуальное ядро дискурса: Pflicht, Schuld. Общими для двух субдискурсов являются лексемы Antifaschist (Opfer, Nichttäter), Dämon, gehorsam, heute (Opfer, Täter).

Леммы субдискурса жертв содержат семы уничтожения (Tod, Gas, Krematorium), чувства, состояния (Angst, Apathie), реализуют тему «концлагерь» (Appelplatz, Baracke, Block, Revier). Иностранцами единицами кажутся слова «Leben», «Glück», однако их включение оправдано текстовым материалом (контекстами употребления).

Лексикон преступников отражает стремление оправдать себя подчиненностью приказу (Befehl, Dienst, gehorsam), заблуждением (Irrtum, Glaube).

Наиболее многочисленным является лексикон субдискурса непричастных (Nichttäter). В него входят обозначения осознания вины (Sühne, Scham, politische Unreife), ответственности (Strafe, Verantwortung, Wiedergutmachung), нового этапа жизни Германии (Frieden, Freiheit, Demokratie, Reinigung).

Словарные статьи издания построены по единому принципу (в нашей статье использованы данные анализа словаря, выполненного магистранткой кафедры немецкой филологии Филатовой А.Г.). Леммы расположены в алфавитном порядке. Словарная статья включает: 1. лемму (Stichwort) и лексическое гнездо: композиты и дериваты заголовочного слова; 2. указание на субдискурсы использования слова; 3. описание значения, употребления, контекстной реализации слова в речи различных участников дискурса вины; 4. документальные тексты, подтверждающие достоверность приведенных интерпретаций. Словарные статьи обширны, написаны в нарративном стиле, содержат большой объем энциклопедической информации, цитаты из высказываний конкретных личностей со ссылками на источник.

В качестве примера приведем фрагменты словарной статьи концептуального ядра всего словаря леммы «Schuld». Словарная статья имеет объем текста 14 страниц.

SCHULD

Schuldaufassung · Schuldbegriff · Schuldbejahung · Schuldbekennnis · Schuldbeladene · Schuldbewusstsein · Schuldverführung · Schuldfall · Schuldfrage · Schuldgefühle · schuldhaft · Schuldkonto · Schuldlose · Schuldproblem · Schuldvermutung (...)

Opferdiskurs / Täterdiskurs / Nichttäterdiskurs

Opfer

Wovon die Opfer reden, ist Gegenstand dessen, was die Formel deutsche Schuld bedeutet: politisch befohlene Diskriminierung, Verfolgung, Völkermord, also Verbrechen gegen die Menschlichkeit. Der Schuldbegriff der Opfer besteht insofern aus dem Wörterbuch von Haft, Konzentrationslager und Verfolgung: Angst, Apathie, Appellplatz, Auschwitz, Baracke, Block, Bunker, Draht, Gas, Hölle, Krematorium, Muselman(n), Nummer, Opfer, Revier, Selektion, SS, Steinbruch, Tod, Transport, Winkel, Zebrakleidung.

Täter

Täter reflektieren über ihre Schuld, weil sie sich im Gericht dem direkten Vorwurf einer persönlichen kriminellen Schuld stellen müssen oder weil sie durch retrospektive Analyse, z. B. in ihren Autobiografien, ihr Gewissen zu entlasten suchen. (...) Sie bekennen ihre Schuld in abstrakten, nicht justiziablen Kategorien (s. v. Papen 1946, S. 456; v. Papen 1952, S. 300). Vor allem gestehen sie Schuld marginalisierend (Irrtum), idealisierend (Dienst, Glaube, Hoffnung, Liebe, Pflicht) und egalisierend.

Nichttäter

Die Grundunterscheidung zwischen individueller verbrecherischer, krimineller Schuld einerseits und moralischer Schuld andererseits bildet die Voraussetzung für die Schuldanalysen der Nichttäter. Diese Analysen finden statt auf der Grundlage einer gesellschaftlichen Unterscheidung der Schuldigen. Die Nichttäter stellen die Frage nach der Schuld der Täter als der *wirklich Schuldigen*, nach der eigenen Schuld als Angehörige derjenigen Formation, die als Elite gesellschaftliche Verantwortung hatte, schließlich nach der Schuld der breiten Masse der Deutschen überhaupt. In diesem Sinn unterscheiden sie die kriminelle Schuld der wirklichen Täter von der moralischen und politischen Schuld der eigenen Wir-Gruppe und der Masse der Deutschen.

Словарная статья заканчивается выводом автора относительно концепта вины, его выраженности и интерпретации обществом.

Другим важным изданием является словарь «**Wörterbuch zum Demokratiediskurs 1967/68**». Он кодифицирует лексику демократического дискурса конца 60-ых годов. Данный период составители словаря считают ключевым в истории становления демократии в Германии, поскольку именно в то время в интеллектуальных и студенческих кругах зарождаются основы современного демократического устройства страны. Демократический дискурс, также как и дискурс вины, подразделен на субдискурсы: дискурс левых интеллектуалов (*intellektuelle Linke*) и дискурс левых студентов

(*studentische Linke*). Данные субдискурсы, с одной стороны, достаточно тесно взаимосвязаны, а с другой, противопоставляются друг другу. Авторы издания стремятся показать, как участники субдискурса видят самих себя и как их видят со своей позиции участники другого субдискурса.

В словарь включены девяносто лемм, расположены они в алфавитном порядке. В издании описаны такие лексические единицы (и стоящие за ними понятия) как «Befreiung», «Demokratie», «Institution», «Jugend», «Linke», «Macht», «Mündigkeit», «Öffentlichkeit», «Privileg», «System», «Terror», «Theorie», «Unterdrückung».

Словарную статью открывает лемма, далее идет информация о ее словообразовательном гнезде, нередко авторы также приводят сразу после леммы ее синонимы или антонимы, таким образом, словарь документирует использование не только самих 90 лемм, но и 208 сублемм. После леммы представлена информация о субдискурсе ее использования. Значительный объем микротекста занимают толкование значения слова (*Lesart*) и энциклопедическая информация об истории возникновения понятия (*Geschichte*). Каждая лемма является элементом «семантической сети» словаря (*semantisches Netz*), т.е. можно говорить о повышенной связности его макротекста, создаваемой при помощи указаний на связь заголовочных слов друг с другом. Данная информация является следующим компонентом словарной статьи. После него мы находим информацию о сочетаемости леммы и ее производных и примеры использования слова. Значительный объем словарных статей свидетельствует о включении в них большого количества энциклопедической информации, без которой нелегко анализировать понятия, стоящие за тем или иным заголовочным словом данного дискурса.

III. Электронный словарь

В конце XX века обострилось противоречие (впрочем, существовавшее и ранее) между интенсивным ростом количества номинаций и возможностями фиксации и толкования лексикона словарями, что неизбежно вело к поиску новых форм лексикографирования (фактор необходимости). Достижения же в области информационных технологий и компьютерной техники создали предпосылки для создания словаря нового типа (фактор возможности). Результатом консолидации этих двух факторов явилось создание электронного словаря.

Первым этапом в развитии электронной лексикографии в Германии стало создание электронных версий уже существующих «бумажных» словарей. Параллельно с печатными словарями издательства «Duden» осуществляется их издание в электронном формате, как например «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» как печатное издание и «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» на компакт-дисках (CD-Version mit PC-Bibliothek Express, 5. Auflage, 2003). В электронной версии словаря сохраняются лексический инвентарь, принципы и объем параметризации лексики из печатного словаря, однако она (электронная версия) не является полной копией печатного издания. Ср. «Dennoch beschränkt sich der Unterschied zwischen gedruckten und elektronischen Büchern keinesfalls nur auf die äußere Form; elektronische Wörterbücher bieten Möglichkeiten der Informationsabfrage und –darbietung, die in Papierbüchern nicht bestehen. Ein gelungenes elektronisches Wörterbuch muss von daher auch mehr sein als eine reine Übertragung des gedruckten Buches» [Herbst, Klotz, 2003, p. 251]. В электронной версии кроме вербального текста используются, там, где это целесообразно, аудио- и видеоматериалы, благодаря которым расширяется и уточняется информационное поле восприятия.

Преимуществом электронного формата для пользователя (Benutzerfreundlichkeit) является то, что он облегчает и ускоряет процесс поиска информации благодаря прямому запросу леммы и отсутствию необходимости читать полный текст словарной статьи для получения необходимой информации по одному из параметров толкования.

Второе направление развития электронной лексикографии – создание оригинальных электронных словарей, не связанных с определенными печатными изданиями. Одним из самых авторитетных и полных немецких электронных словарей сегодня считается словарь «elexiko», являющийся частью лексикографического портала «OWID». Как пишут в предисловии создатели словаря: «Elexiko ist ein Online-Informationssystem („Wörterbuch“) zur deutschen Gegenwartssprache, das den Wortschatz der deutschen Sprache anhand von aktuellen Sprachdaten (bis ins Jahr 2013) in sogenannten Modulen dokumentiert, erklärt und wissenschaftlich kommentiert» [elexiko]. Ограниченные объемом статьи, остановимся лишь на основных характеристиках данного словаря, определяющих его новизну и значи-

мость (подробный анализ структуры словаря и словарных статей см. Воронова П.В. Словарная статья современного электронного одноязычного словаря // Выпускная квалификационная работа, СПб, РГПУ им. А.И. Герцена, 2017, некоторые данные которой использованы в настоящей статье).

В словарь включена лексика второй половины XX-начала XXI века. Мультипараметровое описание лексики проведено на основе данных нескольких текстовых корпусов. Авторами были использованы данные текстового корпуса Института немецкого языка г. Маннгейм (COSMAS II, Deutsches Referenzkorpus), создан текстовый корпус «elexiko» (тексты из газет и журналов), содержащий 2,7 млрд. словоформ, который ежегодно дополняется актуальным материалом.

В словаре реализован новый способ представления словника, не линейно алфавитный, а модульный. Критерием формирования модулей послужила частотность употребления слова в текстах: высокая – от 10000 до 500000, низкая – менее 500 раз. Соответственно выделены модули: а) Lexikon zum öffentlichen Sprachgebrauch (лексика высокой частотности), б) Niedrig frequente Wörter (лексика низкой частотности). Наибольшее внимание уделено лексикону модуля высокочастотных лемм. В словарную статью входит информация об орфографии, грамматических формах, словообразовании, дефиниция значения слова, приводятся примеры употребления слова в контексте. Особо следует отметить раздел, посвященный параметру сочетаемости слова. Статистическая обработка результатов анализа сочетаемости (Kookkutenzanalyse) дает возможность установить «типичных партнеров» слова, круг коллокаторов, назвать свободные и устойчивые, фразеологические сочетания слова, выявить специфику реализации отдельных ЛСВ в контексте.

Наряду с интерпретацией отдельных лемм в словаре представлен особый тип словарной статьи – «Wortgruppenartikel». В словарных статьях этого типа описываются группы слов, связанных определенными отношениями: семантической общностью (sinnverwandte Wörter: Defizit – Mangel), принадлежностью к одной тематической группе (Themenfelder: Beruf und Familie), вхождением в одно «словарное поле» (Wortfeld). Принцип выделения последней группы не вполне ясен, так как в эти «поля» включены леммы,

между которыми имеют место различные отношения: партитивные, гиперо-гипонимические и др. Основная идея словарных статей этого типа – сравнительное толкование, демонстрация общих черт и различий составляющих каждой группы через набор коллокативов.

В словарных статьях «elexiko» используется комплекс средств визуализации представления материала: иллюстрации, обобщающие таблицы, схемы, демонстрирующие семантические и тематические связи между лексемами, система ссылок к ключевым словам. Все это облегчает пользователю доступ к необходимой информации и повышает эффективность использования словаря.

В создание электронных словарей включилось и издательство «Duden». Словарь «Duden. Online Wörterbuch» [Duden. Online Wörterbuch] базируется на лингвистическом корпусе издательства «Duden-Korpus», содержащем около 4 млрд. словоформ. Издательством привлекались и другие интернет-ресурсы. Текстовая база обеспечивает достоверность информации о слове, которую сообщает словарь. Информация о леммах многоаспектна: орфографический, грамматический, этимологический комментарий, дефиниция значения, примеры коллокаций, указание на частотность слова. К интерпретации привлекаются аудио- и видеоряд. Можно сказать, что словарь продолжает и развивает, в соответствии с требованиями сегодняшнего дня, традиции издательства «Duden».

Основные инновации и преимущества электронных словарей

1. Электронный словарь не ограничен объемами печатной площади (как бумажный словарь). Неограниченность объема дает возможность включать большее количество лемм в словник и отказаться от жестких форм компрессии в структуре словарной статьи, переходить, где это целесообразно, к нарративному стилю в интерпретации леммы.

2. Электронный словарь может оперативно дополняться актуальным лексическим материалом.

3. Опора на текстовые корпуса и статистическая (электронная форма) обработка данных обеспечивают более высокий уровень достоверности получаемой информации.

4. Анализ функционирования слова в обширном текстовом материале расширяет возможности адекватного определения си-

стемных связей слова с другими лексическими единицами и его (слова) реальных коллокативов, позволяет разграничить типичное и индивидуальное в контекстной реализации слова.

5. Наряду с вербальной формой интерпретации используется аудио- и видеоряд.

6. Электронный словарь «заботится» о своем адресате, облегчая ему доступ к запрашиваемой информации и к ее восприятию через систему средств, находящихся в распоряжении электронного формата.

IV. Немецкая лексикография завтра: перспективы развития

Представляется, что основные тенденции развития, характеризующие немецкую лексикографию сегодня, будут определять и ее завтрашний день.

Опора на данные лингвистических корпусов будет способствовать более обоснованному подходу к отбору словника, существенному как для лексикографии, так и для лингвистической науки в целом разграничению системного и случайного (индивидуального) в контекстном функционировании слова.

Создание электронных словарей уже сегодня приводит к размышлениям о судьбе печатных изданий. Вряд ли возможно полное замещение печатных словарей электронными. Типология словарных изданий будет неизбежно расширяться и в связи с развитием общества, и в связи с развитием новых отраслей языкознания – медиалингвистики, гендерной лингвистики, изучения манипулятивных тактик в сфере лексикона (отдельные словари в этих областях существуют уже сегодня) и др. Эти частные толковые словари небольшого объема создаются как печатные издания и имеют своего адресата. Вряд ли возможен перевод всех таких словарей в электронный формат, да и нужен ли он?

Актуальным направлением развития немецкой лексикографии является неография – фиксация и интерпретация лексических инноваций. Уже сегодня можно констатировать новый уровень лексикографирования неологизмов: фиксируются и описываются неологизмы краткого периода (десятилетие), отбор словника опирается на данные текстовых корпусов. Создание словарей неологии нового типа – задача неографии XXI века.

Несомненно, будет продолжаться «языковая летопись», ежегодный отбор и публикация 10 слов года, которая ведется с 1970

года. В связи с фиксацией слов года актуализируются исследования, посвященные процессу узуализации и акцентуализации окказионализмов, их лексикографированию. Уже сегодня слова года, возникшие как ситуативно обусловленные номинации, включаются в толковые словари (Kollateral-Schaden, hartzten, Ostalgie). Лексикографическое осмысление процесса узуализации окказионализмов – одна из задач немецкой лексикографии «завтра».

Какие конкретные задачи будут поставлены перед немецкими лексикографами развивающейся лексико-семантической системой языка в XXI веке, покажет будущее.

Список литературы

Воронова П.В. Словарная статья современного электронного одноязычного словаря. ВКР на соискание степени бакалавра лингвистики, СПб., 2017.

Девкин В.Д. Немецкая лексикография. М., 2005.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. №1 (5). ТГУ, 2014. С. 5–15.

Трошина Н.Н. Дискурсивный vs семантический подход к лексикографии // Русская германистика, том IX. М., 2012. С. 226–234.

Шишкина И.П., Смолоногина Е.А. Лексикографическая фиксация и описание неологии современного немецкого языка // Studia Linguistica, XXIV. СПб., 2015. С. 223–233.

Шишкина И.П., Смолоногина Е.А. Современная немецкая лексикография. Учебное пособие. СПб., 2015.

Herbst Th., Klotz M. Lexikografie. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2003. S. 273–280.

Список словарей

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache, 1999.

Duden. Deutsches Universalwörterbuch, 2006.

Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts. 2000-2010. Freiburg, 2011.

Duden. Wörterbuch der Szenesprachen. Herausgegeben von Trendbüro / Hrsg. Prof. P. Wippermann. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2000.

Ehmann H. Affengeil. Ein Lexikon der Jugendsprache. München: Verlag C.H. Beck, 1994.

Ehmann H. Affengeil. München: Verlag C.H. Beck, 2005.

Prosinger W. Das rabenstarke Lexikon der Szenesprache. Der große Durchblick für alle Freaks, Spontis, Schlawffis, Softis, Flipper und Hänger sowie deren Verwandte und sonstige Fuzzis. Frankfurt / Main: Eichborn Verlag, 1984.

Wörterbuch zum Demokratiediskurs 1967/68. Unter Mitwirkung von Elisabeth Link. Berlin: Akademie-Verlag, 2013.

Ссылки на электронные источники

Duden. Online Wörterbuch: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 21.01.2018).

Elexiko [Электронный ресурс]. URL: <https://www.owid.de/wb/elexiko/start.html> (дата обращения: 21.01.2018).

Opfer – Täter – Nichttäter. Ein Wörterbuch zum Schulddiskurs 1945-1955. Hrsg. H. Kämper. Berlin, New York: de Gruyter 2007: [Электронный ресурс]. URL: https://www.owid.de/docs/disk45/stw_idx.jsp (дата обращения: 21.01.2018).

*Shishkina Inna Pavlovna,
Smolonogina Elena Anatolevna (Saint Petersburg, Russia)*

GERMAN LEXICOGRAPHY: PAST, PRESENT, FUTURE

The paper handles the main trends of German lexicography development for the period of the end XX-beginning XXI centuries: expansion of dictionaries typology; lexicographic descriptions improvement; changes in dictionary entry structure; creation of the new dictionary types such as discourse and electronic dictionaries. Some outlooks for the 21th century development of lexicography are outlined.

Keywords: typology of dictionaries, linguistically-centered vs. anthropocentric approach to lexicography, linguistic corpus, discourse dictionary, electronic dictionary.

УДК 81.1

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

**ИДЕИ ТЕКСТА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
В ОБЩЕНАУЧНОМ КОНТЕКСТЕ
(об интеграционных процессах в современной
гуманитаристике)**

В статье рассматриваются характерные особенности современной антропоориентированной науки: её связь с иными способами познания, холистичность и междисциплинарность, гибкость интерпретативных решений. Выявляются корреляции между общими тенденциями научного развития и современными подходами к тексту и интерпретации.

Ключевые слова: антропоориентированная наука, холизм, гибкость границ, вариативность решений, широкое понимание текста, интерпретация

Согласно определению логика, социального философа и писателя Александра Васильевича Зиновьева, наука – это «особая сфера разделения труда человека, специальной задачей которой является приобретение и фиксирование знаний, а также изобретение новых средств для этого» (цит. по [Степанов, 2001, с. 470]). Как особый вид познавательной деятельности наука направлена на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Для проверки истинности научных знаний проводится научный эксперимент. Важнейшими характеристиками науки признаются системная организация, обоснованность и доказанность знания [Новейший философский словарь, 1999, с. 457]. Поскольку наука позволяет прогнозировать будущее и открывает свойства, способные стать предметом практического освоения на следующих этапах развития общества, фундаментальную науку характеризуют как возможный мир.

Классификация наук представляет собой сложную проблему, однако, в самом общем виде науки делятся на естественные и гуманитарные. В трудах В. Дильтея гуманитарные науки называются *науками о духе* и помещаются на более высокую ступень,

чем естественные. Это подкрепляется тезисом о своеобразии гуманитарных наук и методов, которые должны в них использоваться. В естественных науках, по мысли Дильтея, факты даются «извне, при посредстве чувств», как единичные феномены, а в науках о духе – «выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь», не поддающаяся механическому расчленению. Для решения гуманитарных проблем, как следствие, гуманитарии, на основе «наиболее общих понятий учения о методе», должны искать собственные приёмы и принципы исследования, а не обращаться за помощью к методологии естественных наук [Дильтей, 1996, с. 17]. В подтверждение сказанному описательная психология Дильтея ориентирует исследователя на гуманитарные науки и основывается на методе «понимания», в то время как традиционная объяснительная психология опиралась на гипотезы и использовала для решения своих проблем методы естественных наук. Гуманитарные науки, настаивает Дильтей, строятся на *интуитивном по природе понимании*, формирующем основу человеческого знания. С помощью понимания может быть осмыслена внутренняя, психическая жизнь, объективирующая себя в языке, мифах, литературе и искусстве. Эту жизнь *нельзя объяснить, но можно понять*, к чему и стремятся «науки о духе». Уделом же точных наук, интерпретирующих не внутренний, а *внешний мир*, является *не понимание, а рациональное объяснение, не связанное с пониманием*. «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» [Там же, с. 16] (курсив мой – И.Щ.).

Иной взгляд на соотношение понимания и объяснения обнаруживается в рассуждениях П. Рикера, который не рассматривает взаимоотношение методов понимания и объяснения как альтернативу или конфликт, а акцентирует их диалектику. Методологическим при этом признается только объяснение, в то время как интуитивное понимание ограничивается «приемами или процедурами», когда речь идет, например, о соотношении части и целого [Рикер, 1995, с. 5]. Понимание, по мнению Рикера, *предваряет* объяснение путём сближения с авторским замыслом: читатель «обживает» мир текста» через предмет его изображения благодаря воображению и симпатии. Понимание *сопутствует* объяснению, поскольку восходит к диалогической вопросно-ответной

структуре, т.о., «пара 'письмо-чтение'» формирует интересубъективную коммуникацию. Понимание *завершает* объяснение в той мере, в какой преодолевает географическое, историческое и культурное расстояние между текстом и интерпретатором. При этом конечное понимание *не уничтожает дистанцию через эмоциональное слияние, а скорее состоит в игре близости и расстояния*. Таким образом, понимание *предполагает* развитие объяснения, в той мере, в какой объяснение *развивает* понимание, а поэтому понимание художника *не следует противопоставлять* объяснению учёного. «Больше объяснять, чтобы лучше понимать», резюмирует Рикёр «двойное соотношение» объяснения и понимания (Там же, с. 8, 9, 87–88) (Курсив мой – И.Щ.).

Заочная дискуссия В. Дильтея и П. Рикера приближает нас к уяснению не только взаимоотношения естественных и гуманитарных наук, но и к пониманию новых ценностных ориентаций, постулируемых современной наукой в целом, в частности, к пониманию происходящих в ней интегративных процессов. В науке все большую роль играют исторически развивающиеся системы, включающие человека: геновая инженерия, крупные экосистемы, биосфера, человеко-машинные системы, в том числе системы искусственного интеллекта. Исследование этих объектов, учитывающих присутствие *человека*, носит интегративный характер и сближает разные дисциплинарные области [Новый философский словарь 1999, с. 458, 459] (Курсив мой – И.Щ.). Те же тенденции сопутствуют развитию когнитивистики, которая объявляет разум – основной объект своего познания слишком сложным, чтобы ограничить его изучение одной дисциплиной [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996, с. 58–59]. Важность производства и потребления знания акцентируется для понимания широкого спектра явлений, которые охватывают интересующие нас науки о языке и тексте (когнитивную лингвистику, когнитивное литературоведение, когнитивную поэтику, когнитивную стилистику, когнитивную нарратологию и прочие), однако, отнюдь не ограничиваются филологией и шире – гуманитарным знанием. Биологические подходы к языковым явлениям, идеи автопоэзиса, заставляют видеть в языке «непременное условие для существования опыта, называемого разумом», а жизненный опыт – трактовать как обусловленный когерентностью в функци-

онировании нервной системы [Матурана, Варела, 2001, <https://www.litmir.me/br/?b=269646&p=1>]. Чтобы понять функцию языка, пишет А.В. Кравченко, необходимо исходить из ее изначально биологического характера, а поскольку язык – всего лишь одна из биологических особенностей человека как живого организма, по-настоящему научное изучение языка невозможно без изучения человека как живой системы [Кравченко, 2004, с. 4].

В условиях современной интеллектуальной ситуации подчёркивается важность *сочетания* ценностей научно-технологического мышления с ценностями, которые представляют нравственность, искусство, религиозное и философское постижение мира. Научное мышление как способ познания реальности ведёт постоянный диалог с *иными способами познания*, в результате чего различные познавательные традиции плодотворно взаимодействуют, а граница между научными и вне-научными формами мышления оказывается гибкой, скользящей и исторически изменчивой. В.А. Лекторский по этому поводу замечает: наука своими специальными средствами разрабатывает комплекс идей, которые коррелируют с идеями вне-научных познавательных традиций и, понимая свои границы, понимает и необходимость дополнения вне-научными способами осмысления реальности [Лекторский, 2001, с. 51, 48]. С логической точки зрения, научные знания отличаются от получаемых вне науки (вненаучных) лишь тогда, когда берутся сложные формы знаний и методы их приобретения. Для овладения такими научными знаниями нужна профессиональная подготовка, вне науки они не встречаются [Степанов, 2001, с. 470–471]. Наука предъявляет особые требования к субъекту, предлагая ему возможность специального обучения, позволяющего затем применить для решения научных задач специальные научные методы. Но в науке фигурируют и простые формы знаний и методы и получения; с логической точки зрения они не отличаются от форм и методов, которые фигурируют вне науки [Там же, с. 470–471]. Современную систему научного знания, таким образом, характеризует *размывание между научной картиной мира и обыденной картиной мира*. Научная картина мира воспринимается не как «очищенный экстракт» научного знания, а как пересечение научных представлений с общекультурными смыслами из области художественно-эстетических ин-

туций и других областей культурной деятельности [Ушаков, 2005, <http://yourlib.net/content/view/5240/63>].

В познании мира наука тесно связана с искусством, которое трактуется как творческая деятельность, направленная на создание эстетически-выразительных форм. Понятие искусства коннотируется историческими изменениями и взаимодействиями форм и типов культуры и представляет собой многомерное смысловое образование, принципиально открытое для включения новых смысловых элементов, порождаемых «непрестанно длящимся и трансформирующимся художественно-эстетическим опытом человечества» [Новейший философский словарь, 1999, с. 284]. Являясь одной из форм познания жизни и борьбы человека за «необходимую ему истину», искусство не является обязательным с точки зрения жизненных и общественных связей человека: производить или потреблять художественные ценности – признак факультативный. Однако его нельзя признать и факультативным элементом культуры. Искусство – это «особая коммуникация», «особым образом организованный язык», «генератор языков особого типа», которые оказывают человеку незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ясных по механизму сторон человеческого знания [Лютман, 1998, с. 15, 17]. Искусство – система, в основе которой лежит натуральный язык и которая обретает «дополнительные сверхструктуры, создавая языки второй степени». Содержанием искусства как моделирующей системы выступает мир, «переведённый на язык нашего сознания, переведённого на язык данного вида искусства» [Там же, с. 387–388]. Являясь видом искусства, художественная литература «говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком» [Там же, с. 33]. Художественная модель порождается авторским воображением и становится уникальным средством реализации авторского замысла; в ней объективируется «концептуально-тематическая суть» (В.Г. Адмони) – система уникальных, индивидуально-авторских смыслов.

На тесную связь науки с иными проявлениями духовной жизни человечества указывает В.И. Вернадский, подчеркивающий важность развития научного мировоззрения в тесном общении с другими сторонами духовной жизни человечества. Согласно Вернадскому, отделение научного мировоззрения и науки от од-

новременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно, поскольку все проявления человеческой жизни тесно сплетены между собой и могут быть разделены только в воображении. И искусство, и религия, и философия, и общественная жизнь образуют питательную среду, из которой наука черпает свои силы, являются той атмосферой, в которой идет научная деятельность [Вернадский, 1922, http://www.sgm.ru/upload/files/about_scientific_outlook.pdf]. Рассуждая о своеобразии научной картины мира, таким образом, оправданно исходить из многообразия культуры, в которой наука, наряду с моралью, религией, философией и искусством, составляет лишь одну из сфер. В картине мира традиционно выделяются *научная картина мира* и *художественная картина мира*, *религиозная картина мира* и *мифологическая картина мира*, однако, преобладающие сегодня гибкие подходы к научному познанию фокусируют исследовательское внимание и на *взаимодействии* познавательных традиций. Границы между рациональной и чувственной сферами мировосприятия трактуются не только как разделяющие, но и как *интегрирующие* эти сферы.

В свете сказанного, закономерным представляется возрождение холистических взглядов на мир, ориентирующих ученого на интеграцию различных областей научного знания. Холистические подходы к научным объектам развивают умение нелинейно и целостно мыслить, включая знание в *глобальный контекст*. Способность рассматривать сложные, иерархически организованные феномены с холистической точки зрения объявляется необходимым и единственно возможным условием их осмысления [Князева, 2004, с. 30–31].

Концептуальные ориентиры, актуализирующиеся в современных исследованиях текста, коррелируют с обозначенными особенностями развития научного знания. Одним из таких ориентиров может быть названо *широкое* видение текста, не ограниченное его пониманием как автономного феномена. Современный исследователь учитывает функции автора или читателя, осмысляет текст в контексте ментальных процессов порождения, восприятия, понимания и интерпретации, признает его продуктом *совместной* работы сознаний когнитивных субъектов. При-

знание детерминирующей роли человеческого сознания в содержательном наполнении текстовых характеристик будь то акт текстопорождения или акт текстовосприятия, с одной стороны, предопределяет гибкий, вероятностный характер выводов о тексте, а с другой – программирует его соположение, а не противопоставление дискурсу. Человек, порождающий, интерпретирующий и исследующий текст, как и человек, моделируемый в тексте, существует (если речь идёт о квазисубъекте, то согласно авторской интенции) в конкретном времени и пространстве. Как справедливо напоминает Ю. М. Лотман, для человека, который хотел бы иметь дело с текстом, вырванным из всей совокупности внетекстовых связей, произведение не может быть носителем каких-либо значений. Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей, как то принадлежность текста к определенному жанру, стилю, эпохе, автору и пр. [Лотман, 1998, с. 60]. Осмысление текста, таким образом, не ограничивается собственно текстовым пространством, а охватывает самые разные экстралингвистические контексты: биографические, психоаналитические, исторические, социологические. Это прогнозирует важность для понимания текста данных иных наук, давно, впрочем, ставшее методологической аксиоматикой. Выходя в культурный контекст, мы невольно обращаемся к совокупности знаний не только филологических, но и философских, исторических, социологических, психологических пр. Культура суть предмет изучения многих наук [Тер-Минасова, 2008, с. 13]. Без помещения любых знаний о тексте в социо-культурный контекст невозможно и определение их истинности.

Не менее важным для исследователя текста является, как думается, и гибкое понимание феномена его интерпретации. С одной стороны, общие принципы, т.е. основополагающие идеи интерпретации должны нести в себе концептуально и этически значимую установку на поиск истинностного знания, а следовательно, должны исключать произвольность интерпретации и требовать от исследователя-интерпретатора той или иной формы доказательности предлагаемых им интерпретационных решений. С другой стороны, эти принципы должны не ущемлять активность познания, а постулировать интерпретацию как *действен-*

ное понимание, подразумевая *равновозможность* разных точек зрения на текст. Какой бы степенью гибкости ни характеризовалась интерпретационная программа текста, которая не является константой, а зависит от стиля, жанра текста, способа выраженности в нем авторской оценки, модуса повествования, авторской индивидуальности в целом и пр. факторов, её важнейшими характеристиками остаются множественность и даже конфликтность интерпретационных решений. Как пишет Иглтон, <...> a text may offer several mutually conflicting or contradictory 'subject positions' from which to be read [Eagleton, 2005, p. 104]. Определенную интерпретационную позицию (точку зрения) по отношению к тексту и любому интерпретируемому текстовому компоненту занимает субъект-интерпретатор, но задает эту позицию материальная данность текста. Вне зависимости от того, какие интерпретационные стратегии или какие методы исследования применяет лингвист – идеи герменевтического круга, принципы выдвижения, концептуальный анализ текста, количественные методы и пр., само их применение направлено на формирование доказательной базы для тех или иных выводов о текстовом смысле.

Стремление к такой доказательности не умаляет креативности интерпретатора. Трудно не согласиться с теми, кто призывает не анатомировать художественное произведение, а «понимать его сердцем», однако, подобных упреков заслуживает скорее скудная, бедная, не эксплицирующая художественные достоинства текста интерпретация. Иная крайняя позиция – стремление интерпретатора не прочесть, а скорее *написать* текст «с чистого листа», игнорируя объективацию в тексте уникального авторского мировидения, представляется не более продуктивной. Исследователь-интерпретатор, по-видимому, должен, стремиться к своего рода *juste milieu*, а его интерпретация, коррелируя с общими установками современной науки, должна органично сочетать в себе черты науки и искусства, рациональное и эмоционально-чувственное начала.

Список литературы

Дильтей В. Описательная психология. М., 1996. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.

Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 29–49.

Кравченко А.В. Биосемиотика: на пути к объединенной науке // Вестник МГЛУ. Вып. 489. (Серия Лингвистика: Проблемы соотношения культуры, языка и мышления в парадигме современной английской лексикологии. М., 2004. С. 182–194.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998.

Новейший философский словарь. Гл. научн. ред. и сост. Грицанов А.А. Минск, 1999.

Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Тер-Минасова. Война и Мир языков и культур. М., 2008.

Eagleton T. Literary Theory. An Introduction. Second ed. With a new preface. Minneapolis, 2005.

Список электронных источников

Вернадский В.И. О научном мировоззрении // В.И. Вернадский. Очерки и речи. Вып. 2. Пг., 1922. С. 24-25 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sgm.ru/223/> (дата обращения 04.01.2017).

Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М., 2001 [Электронный ресурс] <https://www.litmir.me/br/?b=269646&p=1> (дата обращения 30.05.2018).

Ушаков. Е.В. Введение в философию и методологию науки М., 2005. [Электронный ресурс] <http://yourlib.net/content/view/5240/63> (дата обращения 04.01.2017).

Schirova Irina Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

THE IDEAS OF TEXT AND INTERPRETATION IN GENERAL CONTEXT OF SCIENCE (ON INTEGRATIVE TENDENCIES IN MODERN HUMANITIES)

The article dwells on the distinctive features of modern science: its relations with other ways of cognition, holism, interdisciplinarity, flexibility of scientific decisions. Some correlations are traced between general tendencies of scientific development and modern approaches to text and its interpretation.

Keywords: *antropooriented science, holism, flexibility of borders, variety of decisions, wide idea of text, interpretation*

УДК 811.581.11

Д.Д. Дондоков (Санкт-Петербург, Россия)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются лексические особенности мужской и женской речи в современном китайском языке. На основании анализа лексических особенностей речи выделяются характеристики мужской и женской речи в целом.

Ключевые слова: мужская речь, женская речь, лексические особенности, гендер, гендерные различия.

Гендер как социокультурный пол не является лингвистической категорией и обычно рассматривается как экстралингвистическая категория. И. И. Халеева определяет гендер как междисциплинарную интригу, «в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике» [Халеева, 1999, с. 9]. В лингвистике понятие «гендер» «соотносится с конструируемыми в языке и закреплёнными в сознании его носителей образами, качествами и характеристиками поведения, а также с совокупностью атрибутов, которые приписываются мужчинам и женщинам в определенном социокультурном сообществе» [Картушина, 2003, с. 7].

Цель данной статьи – на основе имеющихся материалов обобщить лексические особенности мужской и женской речи в современном китайском языке.

Гендерная дифференциация речи прежде всего прослеживается в выборе лексических средств мужчинами и женщинами: женщины предпочитают использовать модальные слова, слова с особой окраской, эвфемизмы, мужчины могут употреблять табу, ненормативную лексику [史耕山, 张尚莲, 2006, с. 24].

Бесспорным считается тот факт, что язык женщин намного выразительнее языка мужчин, и данный факт находит отражение в приведённых ниже лексических особенностях мужской и женской речи.

Имена прилагательные. Женщины при выражении переживаний, впечатлений или характеристике особенностей предмета или явления часто употребляют прилагательные-гиперболы. При описании одной и той же особенности у женщин формы выражения намного разнообразнее, чем у мужчин. Некоторые прилагательные часто употребляются женщинами: например, 美(красивый), 帅(симпатичный), 酷(крутой, классный) [杜晓莹, 2010, с. 18]. Женщины также любят редуцировать имена прилагательные, например, 软绵绵 – мягкий, 白生生 – белый-белый, бледный и т.д. [王娜, 2005, с. 71]

Также одной из характеристик женской речи является редупликация слов других частей речи, например, «洗手手, 吃饭饭了, 吃肉肉喽» «Мой руки, ешь, ешь мясо», «给我买个包包吧» «купи мне сумочку». Женщины в речи часто добавляют к словам «小» (маленький), например, «好可爱的小耳钉哦» «какие красивые серёжки». Мужчины вместо всего этого сказали бы «洗手吃饭啦» «мой руки, ешь», «买个包» «купи сумку», «耳钉» «серьги» [杜晓莹, 2010, с. 18-19].

В качестве обращений женщины часто употребляют слова 亲爱的 (дорогой, милый, родной), 宝贝 (сокровище), 甜心 (любимый). Кроме этого, женщины чаще мужчин используют слова для выражения вежливости и эвфемизмы, например, «请» (пожалуйста), «打扰» (беспокоить), «谢谢» (спасибо) [王娜, 2005, с. 71].

Женщины умело используют эвфемизмы. Если о беременности мужчины могут только сказать «怀孕» «забеременеть», то у женщин множество вариантов: «有喜了» «букв. обрела счастье», «大肚子了» «букв. брюхо появилось», «她有了» «букв. у неё появился», «他快做妈妈了» «она скоро станет мамой». Кроме часто используемых мужчинами и женщинами фраз о намерении посетить туалет «解手» «схожу в туалет», «上厕所» «схожу в туалет», женщины также могут сказать «我去一下» «я выйду на минутку», «去一号» «выйду на минутку», «我打下电话来» «я сделаю звонок» [陈丛耘, 2008, с. 20].

¹ Статья приводится в авторской редакции

Наречия степени. Женщины часто используют наречия степени с сильной эмоциональной окраской, например, 非常 (чрезвычайно), 十分 (очень), 如此 (так), 多么 (как), 极 (крайне). Также женщины любят удваивать наречия для усиления интонации. Мужчины чаще всего используют общеупотребительное «很» [王娜, 2005, с. 71], также часто употребляют наречия степени «太» «слишком», «挺» «очень». Популярностью у женщин также пользуются ставшие популярными за прошедшие несколько лет наречия степени 狂 (бурно), 特 (особенно), 超 (супер), 巨 (сильно), 贼 (страшно), 极了 (чрезвычайно), 死了 (очень), 多 (довольно), 太 (слишком) [杜晓莹, 2010, с. 18].

Женщины, как правило, не употребляют табу, но часто используют восклицания «哦, 我的天!» «О, боже мой!», «天啊!» «О, боже мой!», «哎呀!» «Ах!». В речи мужчин часто появляются выражения «他妈的» «Чёрт его побери», «我靠» «Твою мать», «该死» «Будь ты проклят», в которых проявляется, по мнению Ван На, мужская брутальность и прямолинейность [王娜, 2005, с. 71]. Выражая отрицание, отвращение, мужчины могут использовать некоторые фразы для усиления эмоции: например, «胡说八道» «говорить ерунду», «狗屁不通» «непроходимая чушь» [杜晓莹, 2010, с. 18].

Инвективная лексика. Мужчины используют такого рода обороты речи для выражения возмущения, недовольства, обиды: «日你妈» «твою мать», «操他妈» «его мать», «妈了个巴子» «твою мать», «滚鸡巴蛋» «груб. иди ты», «狗日的» «ублюдок». Из примеров видно, что используемая мужчинами инвективная лексика связана с репродуктивными органами и сексуальным поведением. Женщины, как правило, избегают таких выражений. Ругая мужчин, женщины могут сказать: «老不死的» «досл. стар, должен бы уже умереть», «色狼» «развратник», «缩头乌龟» «трус», «王八蛋» «ублюдок», «娘娘腔» «женоподобный». Ругая женщин, женщины могут употребить следующие слова: «泼妇» «сварливая баба», «臭婊子» «вонючая проститутка», «破鞋» «потаскуха», «嚼舌根» «сплетница». Проклиная кого-либо, женщины способны сказать: «短命鬼» «дохляк», «五大五雷轰» «получить неожиданный большой удар» [там же, с. 20].

Следует отметить, что в китайском языке имеется достаточно большой пласт бранной лексики о женщинах, например, «母

老虎» «тигрица, злая женщина», «荡妇» «проститутка», «骚货» «распутная женщина», «狐狸精» «лиса-оборотень, обольстительница», «小妖精» «кокетливая девица». В китайском языке количество бранных слов о мужчинах намного меньше, чем подобной лексики о женщинах [陈丛耘, 2008, с. 17].

Кроме основных цветовых оттенков, женщины могут точно описывать другие цвета, например: 蓝绿色 – сине-зелёный, 湖蓝色 – светло-синий, бледно-синий, 紫红色 – пурпурный, 砖红色 – кирпичный, красный, 水红色 – ярко-розовый [王娜, 2005, с. 71].

При ведении диалога женщины часто употребляют местоимения «我们» «мы», «咱们» «мы с вами (тобой)», «咱» «мы с вами (тобой)» для сужения расстояния между собеседниками, а мужчины чаще употребляют местоимения «我» «я», «你» «ты», что увеличивает дистанцию между собеседниками. Например:

Женщина: Какие у нас (咱) планы на воскресенье?

Мужчина: У меня (我) нет никаких планов.

Женщина: Тогда навестим наших родителей (咱爸妈).

Мужчина: Навестим твоих (你) или моих (我) родителей?

Женщина: Здесь же живут только твои (你) родители? Разве мои (我) родители не живут в деревне? Пошли вместе (我们)!

Мужчина: Иди ты (你). Я (我) планирую составить компанию моему другу.

Женщина: Только что у тебя (你) ещё не было планов, даже не можешь пойти навестить своих (你) родителей со мной (我)! Не пойду!

Местоимение третьего лица «人家» употребляется и мужчинами, и женщинами, под этим словом имеется в виду «другой человек». Данное местоимение также употребляется как местоимение первого лица преимущественно женщинами.

В некоторых ситуациях мужчины используют самоназвания «大爷» «дядя, отец», «老子» «я (шутливо или гордо о себе), отец», «你爷爷» «твой дедушка», а женщины могут называть себя «老娘» «я (пожилая женщина о себе)», «姑奶奶» «хозяйка», «你妈妈» «твоя мама». Обращения в третьем лице среди ровесников произвольны, среди мужчин часто используются «老兄» «друг», «兄弟» «брат», «伙计» «компаньон», «大哥» «старик», «哥们儿» «парень, брат», а среди женщин – «X姐» «старшая сестра X», «X大姐» «старшая сестра X», «X嫂» «невестка X», «X婶子» «невестка X».

Женщины часто используют ироничные прозвища, например, «死鬼» «чёрт», «笨老公» «тупой муж» [杜晓莹, 2010, с. 21].

Частотность употребления междометий у женщин намного выше, чем у мужчин. Согласно исследованиям, женщины употребляют междометия в два раза больше, чем мужчины. Женщины используют междометия главным образом для выражения удивления, восхищения, потрясения, огорчения и других эмоций, а мужчины употребляют междометия, когда они недовольны, возмущаются или забыли что-либо [там же, с. 18].

Модальные частицы – это наиболее часто употребляемые в разговорной речи служебные слова, их постоянно используют и мужчины, и женщины. Согласно результатам исследования Цао Чжиюнь, частотность употребления модальных частиц «吗, 呢, 吧, 啊» в вопросительных предложениях в женской речи в среднем равна 72%, что намного выше этого же показателя у мужчин – частотность употребления в мужской речи в среднем равна 33%. Из этого следует, что женскую речь характеризует деликатный и мягкий тон, а мужскую – откровенный и жёсткий тон. Частотность употребления модальных частиц женщинами в среднем равна 48%, мужчинами – 28,5%. Кроме того, женщины при перечислении любят использовать модальные частицы «啊», «啦» и др. [曹志赞, 1987]. В исследовании Чэнь Цунюнь отмечается, что девочки в два года начинают употреблять предложения, содержащие вежливые просьбы, предложения и советы с частицей «吧» [陈丛耘, 2006, с. 85]. Мальчики только к трём годам учатся употреблять вопросительные предложения с частицей «吧», при этом используют их редко [там же].

Мужчины при утвердительном или отрицательном ответе используют такие слова, как «就是» «совершенно верно», «必须» «обязательно следует», «务必» «обязательно», «一定» «конечно», «不能» «нельзя», «千万要» «неприменно нужно», а женщины чаще используют следующие фразы: «可能» «возможно», «也许» «может быть», «差不多» «ладно», «依我看» «на мой взгляд», «不会吧» «не может быть» [杜晓莹, 2010, с. 20].

Женщины любят хвалить собеседников, способов сделать это достаточно много. Можно хвалить собеседника за всё: красивый наряд, успехи в работе и т.д. Женщины в комплиментах используют восклицания и гиперболы: например, «你的领带真漂亮啊!»

«Твой галстук в самом деле красивый!», «哇! 你真厉害! 这么年轻就当总经理了!» «Вау! Ты действительно крут! Такой молодой и уже стал гендиректором!», «天啊! 你的普通话真好!» «Боже мой! Твой путунхуа действительно хорош!». Мужчины относительно скупы употребляют комплименты, в основном говорят комплименты о внешности и фигуре женщин, часто используют повествовательные предложения. Например, «你的眼睛挺好看的» «Твои глаза очень красивы», «你长得很漂亮» «Ты очень красива» [там же, 2010, с. 22].

Анализ лексических особенностей мужской и женской речи позволяет говорить о том, что женскую речь характеризует деликатность, тактичность и мягкий тон, а мужскую – откровенный и жёсткий тон. Кроме того, перечисленные лексические особенности речи мужчин и женщин подтверждают общепринятое мнение о том, что женщины многословны, а мужчины лаконичны. В используемой женщинами лексике отражается их впечатлительность, эмоциональность (частое употребление гипербол), вежливость (женщины часто употребляют эвфемизмы). Перечисленные в статье особенности мужской речи позволяют утверждать, что мужчины зачастую прямолинейны и категоричны в своих утверждениях. Можно также предположить, что отмеченные особенности мужской и женской речи являются универсальными и могут быть обнаружены и в других языках.

Список литературы

- Картушина Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 22 с.
- Халеева И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. М., 1999. С. 7–14
- 曹志赞. 语气词运用的性别差异 // 语文研究. 1987. 第8期. 第44-45页.
- 陈丛耘. 汉语词语与性别关系研究. 硕士学位论文. 南京, 2008. 53 页.
- 陈丛耘. 汉语表达的性别差异研究 // 南通大学学报 (哲学社会科学版). 2006. 第4期. 第83-87页.
- 杜晓莹. 现代汉语交际中的性差研究. 硕士学位论文. 济南, 2010. 61 页.
- 史耕山, 张尚莲. 国内语言性别差异研究概述 // 外语教学. 2006. 第1期. 第24–27 页.

王娜. 汉语中的性别差异探析 // 山东理工大学学报. 2005. 第 4 期. 第 70–72 页.

Dondokov Dorzhi Dondokovich (Saint-Petersburg, Russia)

LEXICAL PECULIARITIES OF MALE AND FEMALE SPEECH IN MODERN MANDARIN CHINESE

The paper deals with lexical peculiarities of male and female speech in modern Mandarin Chinese. General characteristics of male and female speech are highlighted as based on the analysis of lexical peculiarities.

Keywords: *male speech, female speech, lexical characteristics, gender, gender differences.*

УДК 81.111

В.Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

МИФ О РУССКОМ ХАКЕРЕ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируются средства вербализации мифологемы «русский хакер» в медийном дискурсе. Метафора признается ведущим способом осмысления действительности, позволяющим создавать новый мифологический ментальный конструкт, который не только сохраняет традиционные смыслы, но и переносит их в современную реальность, включая киберпространство.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, ментальный конструкт, миф, мифологема, правдоподобие*

Миф – одно из ключевых понятий современной гуманитаристики, которая утверждает, что мировосприятие человека эпохи постмодернизма включает в себя не только рациональную, но и мифологическую составляющую. Следовательно, миф может быть определен как строго структурированная необходимая категория сознания и бытия [Лосев, 1991, с. 25]. Лингвистическим свидетельством значимости мифа как способа осмысления реальности является обширное лексико-семантическое поле «myth» в английском языке (mythical, mythology, mythological, demythologization, mythologize, mythologization, mythicize, mythify, mythicism, mythicist, mythopoeia, mythopoeic, mythopoetic etc.), которое подтверждает тезис А. Вежбицкой о том, что язык обладает богатым словарным запасом для описания культурно-значимых объектов, а разработанность словаря и частотность употребления являются показателями важности называемых денотатов для определенной культуры [Вежбицкая, 2001, с. 30].

Пафос современного мифологизма состоит в «выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [Мелетинский, 1995, с. 295]. Именно унаследованная от предков вера в незыблемость декларируемых основ мироздания позволяет использовать миф в качестве действенного

средства воздействия на адресата. Причем эффективность мифа не зависит от степени его правдоподобия; в целостном изображении стремлений и страхов частности могут отклоняться от реальности и выглядеть фантастично для того, чтобы воздействовать на фантазию человека [Хьюбнер, 1996, с. 340]. Более того, именно несоответствие содержания эмпирическому опыту и превращает повествование в миф, поскольку онтологическая оппозиция «реальное – ирреальное» является одной из базовых когнитивных пресуппозиций языковой личности и репрезентирована в семантической структуре существительного *myth*:

“**myth** – a widely held but false belief or idea; a fictitious or imaginary person or thing; an exaggerated or idealized conception of a person or thing (Oxford Dictionary);

If you describe a belief or explanation as a myth, you mean that many people believe it but it is actually untrue (Collins Cobuild)” [ABBY].

Современное мифотворчество требует создания новых мифологем, то есть семантически значимых структурных единиц мифа, которые, с одной стороны, сохраняют традиционные свойства универсальных архетипов, а с другой стороны, отражают специфику реалий сегодняшнего дня. Новая мифологема создается не инстинктивно и не бессознательно, а представляет собой результат рефлексивной деятельности творческого сознания, направленной на формирование ментального конструкта, который в образной форме эксплицирует повторяющиеся элементы жизненного опыта, придавая им статус символа. Этот ментальный конструкт характеризуется целостностью, так как представляет собой опредмеченную системную репрезентацию пространственно-чувственного восприятия реальности. В то же время он дискретен, то есть репрезентирован в многочисленных текстах различными лексическими единицами и их эквивалентами, а также разнообразными образными средствами. Следовательно, новая мифологема может быть реконструирована через слово, а ее многообразные лингвистические проявления призваны удовлетворять различным, в том числе и противоположным ожиданиям массового адресата.

Медийный дискурс оказывается неразрывно связанным с современным мифотворчеством, в котором создание политического

мифа превратилось в изоцированную технологию управления массовым сознанием, в сугубо рационализированное предприятие [Сokolov, 2011, с. 22]. Использование средств массовой информации делает новую мифологему общедоступной и вездесущей. Ментальный конструкт, создаваемый для удовлетворения социально-коммуникативных потребностей определенной группы населения, многократно ретранслируется в СМИ и оказывает воздействие на множество индивидуальных адресатов, которые испытывают на себе его интенциональную силу. Он навязывает собственное видение действительности, пусть даже и искаженное, «неважно, что потом миф будет разрушен, ибо предполагается, что его воздействие окажется сильнее рациональных объяснений, которые могут опровергнуть его позже» [Барт, 1989, с. 97].

Мифологемы как структурно-смысловые единицы всегда дискурсивно и культурно обусловлены. Так, начиная с XVIII века, медведь играет роль неофициального символа России в английской культуре, что зафиксировано в словаре («(the Bear) informal a nickname for Russia» [ABBY]). Медведь является излюбленным персонажем карикатур, которые не только подчеркивают «инаковость» нашей страны, но и выражают ее оценку, зачастую негативную. Учитывая тот факт, что в мифологии важен не столько сам предмет сообщения, сколько способ его репрезентации, можно утверждать, что мифологема «русский хакер», формируемая сейчас средствами массовой информации, представляет собой ситуативное воплощение архетипа «русский медведь», конкретную интерпретацию универсальной модели коллективного бессознательного.

Историческая детерминированность воплощаемого образа «(Russian) hacker» определяет использование авторами газетных статей, с одной стороны, традиционных характеристик, приписываемых символизируемой мифологеме (неуклюжесть, грубость, неотесанность, дурные манеры, потенциальная угроза для окружающих), а с другой стороны, элементов, отражающих реалии нового техногенного общества (осуществление несанкционированной деятельности с помощью компьютерных технологий). Лингвистическими маркерами современности и специфической сферы деятельности хакера являются прилагательное *cyber* и приставка *cyber-* (*cyber threat*, *cyber security*, *cyber interference*, *cyber criminals*, *cyber hack*, *cyberspace*, *cyber-espionage*, etc.).

Помимо прямого наименования «(Russian) hacker» рассматриваемая мифологема имеет ряд метафорических обозначений, которые позволяют не только раскрыть ее содержание, но и сформировать социально приемлемую аксиологическую составляющую ментального конструкта. Анализ статей, размещенных на британских сайтах www.thesun.co.uk и www.bbc.com, позволяет утверждать, что в условиях обострившегося идеологического, политического и экономического противостояния России и Запада, выбор языковых средств репрезентации оппонента определяется концептуальной метафорой «Спор это война» («Argument is war» в терминологии Дж. Лакофа).

Информационно-когнитивная составляющая ментального конструкта «(Russian) hacker» репрезентируется вокабуляром тематической группы «боевые действия». Русский хакер наделяется следующими характеристиками: (1) многочисленность – хакеры действуют в составе организованного вооруженного подразделения (cyber army); (2) высокая активность – хакеры организуют массовые нападения на западный мир (mounting a campaign of cyber attacks); (3) опасность для демократического общества, основы которого подрывает деятельность хакеров (to undermine democracies and western institutions); (4) избирательность в выборе целей для своих атак (a target for hackers / hack attacks); (5) высокие интеллектуальные способности – хакеры изобретают новые виды современного вооружения (to weaponise information).

Вторая развернутая метафора, лежащая в основе создания современной мифологемы, – это метафора «Русский хакер – это тролль» («Russian hacker is a troll»), которая формирует эмоционально-оценочную составляющую ментального конструкта. Актуализация лингвокультурных фоновых знаний адресата позволяет авторам медийных текстов создавать пугающий и отталкивающий образ. Возможность текстовой репрезентации негативной оценки новой мифологемы, предлагаемой массовому адресату, основывается на двух лексических значениях существительного troll.

Во-первых, на традиционном для англоязычной культуры наименовании мифологического существа.

“troll – (in folklore) an ugly cave-dwelling creature depicted as either a giant or a dwarf (Oxford Dictionary);

In Scandinavian mythology, trolls are creatures who look like ugly people. They live in caves or on mountains and steal children (Collins Cobuild)” [ABBY].

Во-вторых, на значении неологизма, называющего объект и субъекта виртуальной коммуникации.

“troll – a provocative email or posting intended to incite an angry response; a person who sends such an email or submits such a posting (Oxford Dictionary)” [ABBY].

Изучение средств вербализации рассматриваемой мифологемы позволяет утверждать, что набор приписываемых ментальному конструкту черт стабилен и не зависит от индивидуально-авторского выбора метафорической модели создания образа. Несмотря на то, что ментальные пространства «тролль» и «война» противопоставлены друг другу в семантической оппозиции, сформированной на основании дифференциального признака «экзистенциальная реализуемость», характеристики означаемого русский хакер неизменны; варьируются только средства их языкового выражения.

В метафоре «Русский хакер – это тролль» актуализируются все вышеперечисленные характеристики мифологемы: (1) многочисленность – хакеры не работают поодиночке, они трудятся на большом предприятии (troll factory); (2) высокая активность – деятельность хакеров носит организованный и целенаправленный характер (Russian troll operations) и находит поддержку у властей (state-sponsored hackers); (3) опасность для демократического общества – деятельность хакеров направлена на подрыв моральных устоев социума (to destabilise our safety and security), на разжигание расовой ненависти (Russia’s web trolls tried to create race hatred); (4) избирательность в выборе объекта, на который направлена их деятельность, например, СМИ, с точки зрения хакеров, представляются объектом, достойным нападения (trolling on social media); (5) высокие интеллектуальные способности – хакеры способны адаптировать традиционные виды противоправной деятельности к условиям виртуальной коммуникации (social media trolls hijacked it (the image)).

Правдоподобие мифологемы «русский хакер» достигается не только обращением к концептуальной метафоре и фольклорному образу, но также использованием реальных имен собственных.

Так, особую убедительность образу придают названия существующих организаций (Russia's GRU intelligence agency, Internet Research Agency) и локаций (in Savushkina Street, St Petersburg), которые, по мнению авторов статей, связаны с деятельностью «фабрики троллей». Даже индивидуально-авторское лексическое новообразование Cyberia (hackers of Cyberia), называющее киберпространство России, вызывает ассоциации с узуальным топонимом Сибирь на основании сходства звуковой формы. В результате, дискурсивное медиапространство воспринимается как огромный, опасный регион, который контролируется суровыми русскими хакерами.

Используя метафору как универсальное средство познания мира и механизм создания образности, авторы текстов медийного дискурса создали новую мифологему «русский хакер», которая, с одной стороны, сохраняет неизменные негативные характеристики архетипа «русский медведь», а, с другой стороны, репрезентирует исторические изменения и реалии XXI века.

Список литературы

- Барт Р. Мифологии // Барт. Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1995
- Соколов К.Б. Современное мифотворчество и искусство // Культурологические записки. Вып.13. М., 2011. С. 11–65.
- Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1996.

Ссылки на электронные источники

- ABBY Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ru> (дата обращения: 18.10.2017)
- BBC.com [Электронный ресурс]. URL: www.bbc.com (дата обращения: 18.10.2017).
- The Sun [Электронный ресурс]. URL: www.thesun.co.uk (дата обращения: 18.10.2017)

Kleimenova Victoria Yurjevna (Saint Petersburg, Russia)

THE MYTHOLOGICAL CONCEPT “RUSSIAN HACKER” IN MEDIA DISCOURSE

The article focuses on linguistic means that embody a mythological concept “Russian hacker” in media discourse. The metaphor is considered the main pattern of reality reflection in this process. It enables the speaker to coin a new mythological mental image that preserves traditional senses as well as transfers them into modern reality and cyberspace.

Keywords: conceptual metaphor, mental image, myth, mythological concept, believability

УДК 81.111'23

Ю.В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

«Я» И «ДРУГОЙ» В ИНОКУЛЬТУРНОМ ИМЕНИ: В ПОИСКАХ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фундаментальная бахтинская оппозиция «Я – Другой» рассматривается в статье применительно к ономастике, а именно к понятию «антропонимическая языковая личность». Анализируя модели имяна-речения в русской, американской и британской культурах, автор показывает, как референциальные свойства антропонимов, формирующие восприятие «своего» и «чужого» в имени индивида, влияют на процесс самоидентификации личности. Особое внимание уделяется референциальным свойствам инокультурных имен, иллюстрирующих модификации оппозиции, названной в заглавии: «Внутренний Я – Внутренний Другой», «Я – Другой Я» и пр.

Ключевые слова: оппозиция Я – Другой, языковая личность, самоидентификация, имя собственное, антропонимическая идентичность

Идентичность – одно из ключевых понятий широкого спектра наук о человеке и обществе, культурная составляющая которого заключается в «осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, в понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества» [Грушевицкая и др., 2002, с. 42]. Наряду с культурной идентичностью индивид ощущает и принадлежность к определенной нации (этническая идентичность), а также к целому ряду социальных групп (личная идентичность). В последнее время активно используется понятие «множественная идентичность» (multiple identity/ties), что является результатом межкультурных браков, разного вероисповедания в истории семьи, а также одновременного вхождения индивида в разные социокультурные группы (см., напр. [Maalouf, 1996]). Эти множественные, иногда меняющиеся на протяжении всей жизни идентичности

«связывают нас с другими людьми, но в то же время сознание и уникальный опыт каждого человека изолируют и разделяют нас друг от друга» [Грушевицкая и др., 2002, с. 43].

И.В. Арнольд в своей статье, посвященной 300-летию Санкт-Петербурга, пишет о существовании национальной, территориальной, социальной, а также временной идентичности, выявляя при этом особую национально-социально-территориальную идентичность петербуржцев, маркерами которой являются особенности языка, поведения, менталитета, черты характера, привычки в одежде, пище и т.п. [Арнольд, 2003]. Профессор Арнольд подчеркивает, что такая идентичность формируется в определенном историко-культурном контексте и подвержена изменениям со сменой поколений.

Маркерами идентичности являются и личные имена, которые могут оказывать существенное влияние на процессы самоидентификации личности. Имя, как и названные выше маркеры, определяет место личности в лингвосоциокультурном пространстве, а также свидетельствует, как правило, о принадлежности к той или иной культуре. В этой связи вполне оправдано говорить об *антропонимической идентичности* как неотъемлемой характеристике антропонимической языковой личности, которая определяется в концепции С.И. Гарагули как «психологическое соотношение индивида со своим именем и восприятие этого имени и его носителя представителями данной и других лингвокультур» [Гарагуля, 2012, с. 13–14]. Антропонимическая идентичность является динамической категорией, которая подвержена развитию и изменениям на протяжении всей жизни в процессе социализации, и состоит из ряда компонентов, таких как психологический, личностный, гендерный, социальный, культурный, национальный.

Имя, функционируя как маркер идентичности, может как подчеркивать культурную принадлежность, так и подавлять ее, что является результатом взаимодействия элементов оппозиции «Свой – Чужой» (или «Я – Другой»). С одной стороны, носитель имени может ассоциировать свое имя со своей или чужой культурой, что является неотъемлемой частью процесса самоидентификации личности, с другой стороны, носитель имени в процессе становления и развития личности может переосмысли-

вать, трансформировать или полностью менять имя, предложенное имядателем.

Оппозиция «Свой – Чужой» является концептуальной основой анализа антропонимической идентичности и, как представляется, может предполагать различные модификации в соотношении своих компонентов в зависимости от того, будет ли данное при рождении или трансформированное имя «своим» или «чужим» для носителя, ощущается ли присутствие Другого в своём имени и какую роль этот внутренний диалогизм играет в идентификации индивида.

Можно выделить следующие модификации оппозиции, приложимые к антропонимической языковой личности –

Я/«Me/Self» (моё имя)	–	Другой/«The Other» (имя другого)
Свой/ «We/Us» (имя моей культуры)	–	Чужой/ «They/Them» (имя чужой культуры)
Внутренний Я / «Inner Self» (я ассоциирую своё имя только с собой)	–	Внутренний Другой / «Inner Other» (я назван в честь кого-либо и т.п.)
Я/Me/Self (моё настоящее имя)	–	Другой Я/ «The Other Me/The other Self» (моё настоящее имя, псевдоним, ник и т.д.)

Рассмотрим, как соотносятся некоторые из этих видов оппозиции с моделями наречения и как референциальные свойства антропонимов, формирующие восприятие «своего» и «чужого» в имени индивида, влияют на процесс самоидентификации личности.

Свой (имя своей культуры) – Чужой (инокультурное имя)

Прагматика выбора национального имени заключается, прежде всего, в стремлении номинатора к самоидентификации, сохранении своих корней в поликультурном обществе. Однако стоит отметить, что референтная соотнесенность этнически маркированного антропонима в современных условиях глобализации

нередко становится ложной, т.к. заимствование имен из других культур обретает при имянаречении массовый характер. Более того, современные англоязычные справочные пособия и сайты по выбору имени для ребёнка, наряду с уже традиционными для ономастикона именами, настоятельно предлагают и инокультурные антропонимы, отличающиеся уникальностью, неизбежностью, отсутствием вычурности и претенциозности.

Особое внимание уделяется этимологии имени, т.к. семантика – один из важнейших факторов, учитываемых родителями в процессе выбора имени: Brielle (Irish) – *hill*, Audny (Scandinavian) – *new prosperity*, Nova (Latin) – *new*, Ramla (African) – *one who predicts the future*, Achir (Indian) – *new*, Nikolai (Slavic) – *victorious*, Desiree (French) – *so long hoped for*, Sesha (Hindi) – *serpent who symbolizes time*, Keegan (Gaelic) – *small and fiery*, Kyra (Latin) – *light*, Jed (Hebrew) – *beloved by God*, Lana (Hawaiian) – *afloat, calm as still waters*, Toshi (Japanese) – *year of plenty* и др. [Baby Names, Электронный ресурс]

Среди инокультурных антропонимов активно предлагаются и имена, ассоциирующиеся со славянской, в частности, русской культурой – *Tanya, Olga, Elena*, а среди необычных рекомендуются *Dasha, Varja, Sashka, Nikolai* и др. (см., напр., [Baby Names, Электронный ресурс]).

Заимствованный антропоним нередко творчески модифицируется принимающей культурой, претерпевая усечение (напр., *Ekat* от *Ekaterina*), аффиксацию (*LaTanya* – афроамериканский вариант), гендерную транспозицию (*Mischa* используется как женское имя), изменение написания (*Natashya* – дочь Тори Эймс), изменение соотношения полной и краткой форм имени: напр., полное имя младшей дочери бывшего президента США Барака Обамы – *Natasha*, а обиходное, гипокористическое – *Sasha; Alex* воспринимается как сокращение от *Alexey*, тогда как *Alyosha, Lyosha* с формой *Alexey* и друг с другом никак не соотносятся, а считаются отдельными именами в своей полной форме.

Анализ материала (анкетирование, опросы, материалы СМИ, Интернет-сайты, где обсуждается восприятие имени самими носителями и т.п.) показал, что инокультурная маркированность имени может одобрительно восприниматься носителем, если это подчеркивает его индивидуальность и таким образом помогает в

карьере. Например, ведущий популярной программы хьюстонского телевидения видит в своём имени европейскую утонченность и предпочитает его типично американскому имени:

Dominic Sunches – «К сожалению, при рождении вы не можете сами себе выбрать имя, поэтому я доволен тем именем, которое мне дали родители. Мне кажется, что оно подходит для людей с утонченным вкусом, к тому же оно очень редкое и европейское. Никогда я не хотел изменить его, сделать проще или короче. Оно подходит только мне».

Другие, наоборот, не хотели бы иметь инокультурное (отличное от доминирующей культуры) имя:

Adam John Bevan – «I like my name, my parents wanted to call me an Italian name, but Adam is much better».

При эмиграции или других политических процессах национальная, этническая, культурная идентичность может подавляться в имени доминирующей культурой, т.е. элемент оппозиции «свой», представленный личным именем, поглощается «чужим», представленным чуждой культурой и социумом. Например, узаконенная смена формы имени в Украине (Елена – Олена, Дарья – Одарка, Татьяна – Тетяна и т.п.) не для всех прошла безболезненно. По свидетельству одной из украинских коллег автора, она не считает своим имя Олена и воспринимает его как чужое. Имя Олена, в итоге, было заменено ею именем Хелен.

Однако нередки случаи и добровольной трансформации имени в пользу ассимилированного «чужого»: например, франко-американский писатель и журналист, урожденный *Comte Sanche Armand Gabriel de Gramont*, представитель древнего аристократического рода, был вынужден поменять своё имя на Тед Морган. Переехав в США для учебы в Йельском университете и работы, он первоначально сократил своё имя до формы Санш де Грамон (*Sanche de Gramont*). Однако, оно по-прежнему воспринималось как иностранное, «чужое» для социума, а поэтому продолжало претерпевать в речи окружающих дальнейшие изменения: *Cinch, Sanchee, Saunch*. Журналист вынужден был использовать новое имя, подчиняющееся языковым и культурным нормам американского общества и свидетельствующее о его стремлении к новой идентичности. Тем не менее, не желая полностью расстаться с исконной идентичностью и семейным наследием, Санш де Гра-

мон создал анаграмму из своей аристократической фамилии – *Ted Morgan*. Хотя Тед Морган и подчеркивает первостепенность своей американской идентичности [Morgan, 1978:67–68], в данном случае невозможно точно утверждать, какой элемент оппозиции «Свой – Чужой» выходит на первый план; можно предположить, что оба элемента находятся на значимых позициях и поддерживают идентичность в состоянии баланса со своим наследием и новой культурой.

Внутренний Я (имя без аллюзий и дополнительных референций) –

Внутренний Другой (имя с явной или скрытой референцией)

Приведем несколько примеров имен с явной или скрытой референцией из русского антропонимикона. Среди заимствований встречается достаточное количество так называемых *медийных и литературных антропонимов* – имен героев сериалов, фильмов (*Изаура, Круз, Ассоль*), знаменитостей, часто упоминаемых в прессе (*Принцесса Диана*). Своеобразным толчком к имянаречению в честь известной личности может стать значимое для номинатора событие, связанное со знаменитостью. При этом национальная принадлежность знаменитости не играет особой роли и в результате в современной России появляются, например, младенцы с именами Майкл Евгеньевич Шаленко-Джексон (родился в день смерти певца), Гус Вячеславович Хмелев (родился в 2008 г. во время трансляции победного матча российской сборной, наставником которой являлся голландец Гус Хиддинк) [по материалам прессы www.izvestia.ru; www.rian.ru]. Такие имена содержат не только отсылку к спортивным или музыкальным пристрастиям родителей, но и скрытую референцию к определенному событию.

Желания родителей понятны, но как ощущает присутствие «Другого» в своём имени сам его носитель? То, что он/она это ощущает, подтверждают многие свидетельства (интервью, анкетирование, материалы из разных источников и пр.). Носители имени, как правило, предпочитают осознавать скрытую референцию имени, большинство из них знают, почему и в честь кого их назвали. Так, американка Наташа Граф, редактор издатель-

ства «Wiley», изменила отношение к своему имени (которое изначально не любила из-за чужеродности), когда узнала, что была названа в честь русской женщины, которая сыграла важную роль в судьбе её отца. Более того, она явно ощущала присутствие «Другого», в своём имени и, как ей казалось, была незримо связана с судьбой этой женщины:

Natasha Graf: “My name is special because I was named after a very important woman in my father’s life. *When I was young and wanted to be like every other girl with an American name, I didn’t always like my name because it was unusual at the time, being Russian and all. However, when my father shared with me who I was named after, I came to love it because I feel like I am connected to her somehow. <...>. I wish I could have met her; I wonder what she would have thought of me.* As you can tell, I wouldn’t want my name to be anything else.” [Baby Names, Электронный источник]

Я (настоящее имя) – **Другой Я** (вымышленное имя, псевдоним, ник и т.д.)

Необычным примером имен, иллюстрирующих данную модификацию оппозиции, являются, помимо псевдонимов, прозвищ и ников, так называемые «коммерческие» имена – временные имена, которые официально регистрируются самими носителями из идеологических побуждений или по финансовым причинам: например, *Pro Life* (настоящее имя Marvin Richardson), *KentuckyFriedCruelty.com* (настоящее имя Chris Garnett)

Таким образом, референциальные и другие свойства имен собственных могут стать основой для выделения различных модификаций фундаментальной оппозиции «Я – Другой», отражающих корреляции между индивидом, этнокультурой, социумом и языковой системой. Существенное влияние на отношение индивида к своему имени оказывает восприятие его имени окружающими, понимание / непонимание явных или скрытых референций имени, личностные негативные или позитивные ассоциации, род деятельности носителя имени, внутрисемейные отношения и другие факторы.

Список литературы

- Арнольд И.В. Идентичность петербуржцев // Ученые Записки. Том IX. Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. СПб, 2003. – С. 3-10.
- Гарагуля С.И. Языковая личность. Индивид и его имя в иноязычной среде. М., 2012
- Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
- Maalouf, A. In the Name of Identity. Violence and the Need to Belong. N.Y., 1996.
- Morgan T. On Becoming American. Boston, 1978.
- Baby Names [Сайт] URL: <http://nameberry.com/>

Sergaeva Yulia Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

«SELF» AND «OTHER» IN A FOREIGN NAME: IN SEARCH OF ANTHROPONYMIC IDENTITY

The fundamental Bakhtinian opposition “Self” – “The Other” is viewed in the paper via its application to name studies and, in particular, to the notion of anthroponymic linguistic personality.

The speaker explores and illustrates the issues of naming patterns used in Russian, American and British cultures, referential features of personal names and their impact on the development of self-identity. When dealing with the problem of choosing a personal name, special attention is paid to borrowed names. It is suggested that personal names borrowed from other cultures can be seen through a slightly different type of otherness – the oppositions of «Inner Self» and «Inner Other», «Self» – «The other Self».

Keywords: Self, Other, linguistic personality, self-identification, proper name

УДК 81'42:811.112

К.Д. Токарева (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ САМОСТИ И ЧУЖЕСТИ

Статья посвящена изучению соотношения самости и чужести и их реализации языковой личностью. Анализируется схожесть категорий самости и чужести при их очевидной антонимии. Особое место уделяется понятиям, значимым для реализации этих категорий: самоидентификация, эгоцентризм и диалогизм.

Ключевые слова: *самость, чужесть, языковая личность, самоидентификация, эгоцентризм, диалогизм*

Вопросы формирования культуры и поиска собственной идентичности, актуальные для современной антропоориентированной науки, решаются сегодня в рамках национальных и транснациональных вопросов миграции, иммиграции и языковой политики. Особую важность при их рассмотрении обретает соотношение сообщества и языковой личности, статических и динамических культурных групп, власти и коммуникации [Караулов, 2010, с. 37]. В этот ряд оправданно включить и интересующие нас категории самости и чужести, а также понятия, релевантные для описания процесса их реализации, как то *самоидентификация, эгоцентризм и диалогизм*.

В дихотомии «свой – чужой» отчетливо проявляется аксиологическая направленность: «свое» означает хорошее и правильное, тогда как «чужое» имеет прямо противоположные характеристики. При этом «свое», в отличие от «чужого», практически всегда приобретает положительные оценки. В XX веке, дихотомия становится объектом самостоятельных исследований, фокусирующих внимание на важной человеческой особенности познавать мир через противопоставления [Лотман, 1992; Пеньковский, 1989]. Реализация обозначенных отношений изучается в психологии, биологии, философии, культурологии и истории, а они сами характеризуются широким спектром проявления: от химической структуры, позволяющей живому организму распоз-

навать инородные вещества, до зачастую непонятных социально-культурных отношений, рассматриваемых как на текущий период, так и в разрезе исторического развития. В применении к социуму отношения самости и чужести проявляются через разноуровневые связи человека: семейные (род, семья), этнические (народ, нация), языковые (язык, диалект), религиозные (вера), социальные (общество, коллектив) [Лаптева, 2012, с. 62]. Категории самости и чужести описываются на уровне наций, этнических групп, социальных групп и неблизкородственных культур.

В лингвистике эти категории изучаются в рамках традиционной лингвистики, социолингвистики, прагмалингвистики, а также с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, определяющего отношение «свой – чужой» как совокупность знаний, отражающих способность взаимодействия человека и мира в определенном типе дискурса, поскольку структура и концептуальное основание подобных явлений в разных типах дискурса различается [van Dijk, 2009]. Лингвисты исследуют семиотические проявления и способы языкового выражения семантики «самости – чужести». На сегодняшний день эти отношения глубоко изучены на уровне этнических и кровно-родственных связей [Юнг, 2015]. При этом социальные и поведенческие отношения, применимые к языковой личности, охарактеризованы достаточно фрагментарно. Незаслуженно игнорируется и актуальная для современной науки гендерная принадлежность «своих» и «чужих» [Малишевская, 1999, с. 181].

Впервые термин «самость» был использован в работах К. Юнга и понимался как архетип, как сумма сознательного и бессознательного в психологии индивида [цит. по Корепина, 2010, с. 17]. Значительно позже категория самости стала рассматриваться как эгоцентрическая категория, основополагающим признаком которой признается наличие имплицитного или эксплицитного [Корепина, 2015].

Происхождение категории чужести связано с работами А.Б. Пеньковского, предложившего следующее её определение: «процесс познания чужого мира, характеризующийся признаками заключительного обвинения и дискредитации посредством языка» [Свинкина, 2016, с. 149]. Среди философов и лингвистов, занимавшихся категорией чужести, были такие выдающи-

еся ученые, как М. Бубер, Э. Гуссерль, Э. Левинас, Ж.-П.Сартр. Ю.М.Лотман в сборнике статей по семиотике построил семиотическую модель дихотомии «своего-чужого». П.Н. Донец выделяет четырёхкомпонентный механизм реализации категории чужести, который несет в себе когнитивный и коннотативный редукционизм, связанный с недостатком информации и нехваткой личного коммуникативного опыта у языковой личности, а также такие характеристики, как обесценивание прагматических намерений, потеря уверенности в привлекательности другой страны и системе ценностей [Донец, 2004]. Между категориями самости и чужести, посредством логико-понятийного анализа, устанавливаются антонимические отношения, а самость рассматривается как один из возможных механизмов категории чужести [Там же].

Отметим, что обе категории – «свой» и «чужой» – включают имплицитные и эксплицитные значения и реализуются посредством языка [Лотман, 1992] (ср. выше Корепина, 2015).

Можно предложить несколько направлений исследования категорий самости и чужести.

Рассматриваемые категории органично встраиваются в контекст исследования проблем языковой личности, которая, формируя аспект целостной личности человека, обладает всеми структурными характеристиками личности, включая наличие особой ценностной системы.

Язык представляет собой важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире, является средством отражения этих знаний в мировоззрении языковой личности [Щирова, Гончарова, 2007]. Аксиология языковой личности подразумевает совокупность элементов общей ценностной иерархии индивидуального или коллективного сознания, связанных с лингвистическими явлениями. Лингвистические единицы, актуализирующие языковую личность, могут быть имплицитной оценкой или же объектом оценивания на одном из трёх уровней: вербально-семантическом, когнитивном, прагматическом [Каралов, 2010, с. 51].

Соотношение категорий самости и чужести обусловлено сложной взаимосвязью культуры и языковой личности как отражения технологического прогресса и миграционных процессов. С упрощением процесса социального взаимодействия стала возможна

коммуникация для значительно удалённых коммуникантов: глобализация и технологический прогресс размыли некоторые культурно-географические границы, нарушив бинарность категорий самости и чужести. Как отмечает Гримшо, современная социокультурная среда значительно усложнила процесс разделения данных классификаций [цит. по Jenks, Bhatia, Lou, 2013]. Возросшие динамичность и удалённость коммуникации предлагают дополнительные аспекты для определения принадлежности к одной из категорий, а также стратегии, тактики, конвенции и принципы такой коммуникации.

Постепенное противопоставление категорий самости и чужести целесообразно проследить в семантической дихотомии, поскольку лексические единицы языка наделены внутренним значением и содержат изменяемую и измеряемую качественную характеристику [Колесникова, 2012]. Так, лексикографические источники позволяют выделить центральные аспекты значений, входящих в дихотомию самости и чужести: принадлежность, вид и образ действия (чужой, своеобразный, непонятный) [Свинкина, 2016, с. 148]. В то же время обе категории свидетельствуют о коммуникативной и когнитивной компетентности языковой личности.

Основой рассматриваемой дихотомии является личность говорящего – Я, что определяет эгоцентрический характер анализируемого в статье типа отношений. Чтобы обозначить границы между «своим» и «чужим» следует самоидентифицировать себя по отношению к ДРУГОМУ. Диада «свой – чужой» служит для формирования групп более сложной структуры, охватывающих не только различия, но и взаимодействия: Я – МЫ, Я – ТЫ, Я – Я, МЫ – ОНИ и Я – ОНИ. Все эти структуры проявляются в процессе идентификации индивида. Диада «свой-чужой», таким образом, может включать в себя несколько субпространств (личное («я»), социально-личное («мы»), ближнее социальное (пространство диалога) (ты, вы) и дальнее социальное («он/они»)), которые могут выступить предметом анализа.

Идентификация, т.е. психологическое соотнесение индивида с социальной группой или этносоциальной общностью, охватывает три пересекающиеся области реальности: 1) субъект отождествляет себя с другим индивидом благодаря устоявшейся эмоцио-

нальной связи, включает его в свой внутренний мир; 2) субъект представляет другого человека как продолжение самого себя и наделяет его своими чертами и чувствами; 3) субъект ставит себя на место другого, что выражается в его погружении в «пространство» другого человека [Фомина, 2007].

Наконец, особую роль в вопросах категории самости и чужести играет такое социокультурное явление, как диалогизм, которое М.М. Бахтин связывает с открытостью и незавершённостью языковой личности, раскрывающейся только «в акте свободного самосознания и слова» [Бахтин, 2015, с. 119]. Тем самым постулируется, что категории самости и чужести при своих антонимических отношениях являются тесно связанным единством, а его разделение по отношению к языковой личности невозможно. При этом М.М. Бахтин определяет диалог как основу диалектики, а понимание – как пространство смыслов и знаний. По его мнению, понимание всегда диалогично [Бахтин, 2015].

Итак, категории самости – чужести подразумевают восприятие языковой личностью социальных объектов, свидетельствующее о коммуникативной и когнитивной компетентности. Так, особенности современной коммуникации предполагают дополнительные аспекты для определения самопринадлежности языковой личности наряду со стратегиями, тактиками, конвенциями и принципами такой коммуникации. Кроме того, в вопросе о соотношении категорий самости и чужести оправдан вывод об определении самости как одного из возможных механизмов категории чужести; между категориями самости и чужести устанавливаются антонимические отношения, что приводит к формированию транскультурной языковой личности, т.е. личности, неограниченной рамками этнических, родственных, гендерных и прочих отношений.

Список литературы

- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 2015.
 Донец П.Н. Теория межкультурной коммуникации: специфика межкультурных смыслов и языковых форм. Харьков, 2004.
 Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.

- Колесникова С.М. Градуальность: системные связи и отношения. М., 2012.
 Корепина Н.А. Самость: эгоцентрическая категория в языке // Вестник ИРГТУ. 2015. №4 (99). С. 390–393.
 Корепина Н.А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости. Иркутск, 2010.
 Лаптева М. Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики. Астрахань, 2012.
 Лотман Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. М., 1992.
 Малишевская Д.Ч. Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 2009. С. 180–184.
 Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985 -1987. М.: Наука, 1989. С. 54–82.
 Свинкина М.Ю. Понятийная вариантивность лингвокультурных категорий чужест – другость – инаковость // Филологические науки. Вопросы теории и практики // Тамбов Грамота. 2016. № 6(60). С. 148–152.
 Фомина, Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект. Ставрополь, 2007.
 Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб, 2007.
 Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 2015.
 Dijk T.A. van. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. 2009.
 Jenks Ch., Bhatia A., Lou J. The discourse of culture and identity in national and transnational contexts // Language and Intercultural Communication: The discourse of culture and identity in national and transnational contexts // London. 2013. № 13. p. 121–125.

Tokareva Kseniya Dmitrievna (Saint-Petersburg, Russia)

ON ISSUE OF SELF AND ALIENNESS CATEGORIES CORRELATION

The article is devoted to the study of the correlation between two categories, namely self and alienness from the prospective of linguistic personality. The study presents an analysis of the similarity of the categories of self and alienness despite of their obvious antonymy. A special place is given to the concepts significant for the realization of these categories: selfidentification, egocentrism and dialogism.

Keywords: *self, alien, linguistic personality, self-identification, egocentrism, dialogism*

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81' 38

Ю.П. Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО АНГЛИЙСКОГО АЛЛИТЕРАЦИОННОГО ТЕКСТА

В статье исследуется фонетический компонент стиля поэтического художественного целого эпохи позднего английского Средневековья. Генерация художественного стиля рассматривается на основе его взаимосвязей с текстом и дискурсом.

Ключевые слова: *аллитерация, дискурс, стиль, текст, фонетический компонент.*

Союз социолингвистики и стилистики являет собой пример образования самостоятельных наук, устойчивость которых определяется как взаимностью, так и взаимообусловленностью. Центром пересечения объединяющих их связей является общий объект исследования, – речевое общение, подлежащее описанию в причинно-следственной терминологии, но в разных ракурсах.

Ряд особенно важных для стилистических исследований факторов включает строго градуированный процесс интерпретации корреляционных связей планов содержания и выражения, текста и его автора, текста и выполняемой им коммуникативной задачи. Изучение особенностей формирования феноменов языка и стиля осуществляется с учётом ситуации коммуникации [Аврасин, 1981, с. 180].

Основным источником для специалиста в сфере исторической стилистики выступает текст, репрезентируемый значительно удалёнными от современности корпусами письменных памятников. В настоящем исследовании принимается трактовка текста Р. Барта [Барт, 1989], в рамках которой, в противовес общепри-

нятой трактовке текстового феномена как завесы, скрывающей смысл (истину), предлагается альтернативная интерпретация, опирающаяся на идею порождения текста «путём нескончаемого плетения множества нитей» [Барт, 1989, с. 516].

Плетение подобного рода или, в традиционной терминологии, речь словесно-художественных произведений, характеризуется обязательно высоким уровнем тяготения к выразительности и строгой организованности. Тем обуславливается внимание реципиента не только к предмету сообщения, но также и к её собственной форме, целостной ткани, оттенкам и нюансам [Хализев, 2013, с. 240].

Материальной субстанцией по отношению к литературным произведениям выступает язык, на который, пишет академик Ю.М. Лотман, ставит печать высокая социальная активность ещё до прикосновения к нему руки художника [Лотман, 1972, с. 18].

Активная роль отводится языку также и в порождающем его сложном многовековом культурном процессе, что находит выражение в репрезентации в языке бесконечной окружающей действительности в виде дискретной модели с чёткой структурой, в соотнесённости с которой естественный язык превращается в проекцию реальной действительности на языковую плоскость [Лотман, 1972, с. 21].

Указанная особенность получает дальнейшее использование в теории дискурса, что, в частности, отмечается В.Г. Борботько: «деятельность языкового сознания можно представить как процесс формирования „образа мира“, опосредованного языком и проектируемого в дискурс» [Борботько, 1996, с. 40].

Важная роль в этом процессе отводится литературным деятелям, которые появляются в переломные моменты в каждой стране, каким в Англии рассматриваемого периода является Дж. Чосер, который по примеру Данте Алигьери, первым осознал способность языка к обновлению и изменению во времени, поскольку «на основе этой неоспоримой языкотворческой силы он и мог поставить перед собой цель – избрать совершенный язык, современный и естественный, не охотясь за утраченными образцами» [Эко, 2009, с. 55].

Способность языка к развитию, обусловленная лингвистической ситуацией, важным компонентом дискурса с погружённым

в него текстом, оказывается, таким образом, значимым для процессов порождения стиля текста.

По мысли П. М. Бицилли эти процессы тесным образом связаны с языковым материалом (материальная субстанция) и национальной культурой (сегментом ситуации). Отсутствие у языка, обладающего собственной структурой, собственного стиля, обуславливает отдельные индивидуальные стили, укоренённые в возможностях, «заложённых в структуре общественно литературного языка данного народа» как единственно возможной формы существования стиля. Связь «языка с народностью и его роли как выразителя её „духа“» [Бицилли, 1996, с. 142] находит проявление в способности языка устанавливать границы, непреодолимых для индивидуального творчества.

Отмеченная черта отличается особенной яркостью в ситуации, сложившейся в Европе периода перехода от Средневековья к Возрождению, проекция которой на процессы стилепорождения дают возможность объяснить их своеобразие.

По наблюдениям А.В. Михайлова, специфической чертой поэтического стиля анализируемой эпохи является недостижимость статуса индикатора неповторимо-оригинального осмысления окружающей действительности, даже при условии его возникновения как результата неповторимо-оригинальных операций. Причина усматривается в недостаточности традиции, объединённой с поэтико-ритмическим типом и индивидуальностью, для построения поэтического произведения. Стил – некий поворот общественного, поддерживаемый «всею мощью общественных неразъятых смыслов, продиктованных общемировыми установками поэта», что может привести к художественному результату, глубина которого определяется образующими его стилистическими пластами, получившими переработку в самом языковом материале и заложёнными в мышлении народа [Михайлов, 1982, с. 344–345].

Одним из таких пластов является фонетический, представленный разнообразными фонетическими стилистическими выразительными средствами, в ряду которых выделяется аллитерация, ведущий приём англо-саксонской поэзии.

Непрерывно меняющийся во времени стилистический круг английской литературы, сформировавшийся в результате сложного

процесса складывания и взаимовлияния античных и библейских сегментов культурных практик в совокупности с традициями англо-саксонского стихосложения, являет собой пример наглядной демонстрации упоминаемой связи с предшествующими и последующими эпохами.

Преобразование принципов и форм древнеанглийского поэтического жанра вызвано как изменениями, зародившимися внутри самой жанрово-стилистической системы, так и развитием языка. Так, расширение арсенала используемых стилистических средств и приёмов реализуется, в частности, введением новых средств и приёмов, как и частичной трансформации уже имеющих.

Особое значение при этом имеет звукопись – «использование звукового состава слова с целью обеспечения звуковой выразительности текста, художественное упорядочивание качественных элементов звучания» [Жирмунский, 1975, с. 65], иными словами различные виды звуковых повторов (рифма, аллитерация, ассонанс).

Текстовый материал аллитерационной рыцарской поэмы “Sir Gawain and the Grene Knight” наглядно демонстрирует взаимосвязанность разноярусных стилистических приёмов: аллитерации и грамматических, в основу которых положен принцип ритмического чередования. Так, в зачине поэмы наблюдается сочетание звуковой организации стихотворного текста с его грамматической основой:

Fro riche Romulus to Rome ricchis hym swyЮe,
 With gret bobbaunce Юat burge he biges vpon first,
 And neuenes hit his aune nome, as hit now hat;
 Tirus to Tusken and teldes bigynnes,
 Langaberde in Lumbardie lyftes vp homes,
 And fer ouer French flod Felix Brutus
 On mony bonkkes ful brode Bretayne he settez
 Wyth wynne,
 Where were and wrake and wonder
 Bi syЮez hatz wont Юerinne,
 And oft boЮe blysse and blunder
 Ful skete hat skyfted synne

[Sir Gawain and the Grene Knight, 2006, p. 14].

Спектр функций, выполняемых в структуре художественно-текста аллитерацией, отличается разнообразием, варьируясь от украшения до передачи широкого эмоционального диапазона [Матюшина, 2016, с. 134–135]. В приведенном выше текстовом фрагменте аллитерация используется скорее в своей изобразительной функции, оттеняя в то же самое время содержательную сторону повествования, так как текст всегда представляет формо-содержательное единство [Сильман, 1969, с. 4].

Интересная деталь заключается в наличии повторяющихся согласных в рамках одной строки.

В представленном зачине, согласно господствующей в средневековой традиции, наблюдаются аллюзии на реальные и вымышленные события: основание Рима, государственности в провинциях Тоскана и Бретань, узнаваемые, прежде всего, по именам собственным (антропонимам и топонимам), объединяемым в аллитерирующие пары: Romulus – Rome; Tirus – Tusken; Langaberde – Lumbardie; Brutus – Bretayne. Эти ономастические пары образуют аллитерационные ядра, которые определяют качество звуков, выстраивающиеся, в свою очередь, в аллитерационные ряды. В том видится проявление авторского стилистического мастерства: лишённая смысловой нагрузки аллитерация способствует созданию впечатления многокрасочной, яркой картины, на манер средневековых миниатюр. Одновременно создаётся архаический флёр, что усиливает впечатление связи с эпической поэзией.

Каждая строка представляет собой особым образом организованный блок, своеобразный красочный штрих, цветовую деталь в общей словесной миниатюре.

Смысловые блоки анализируемого текстового фрагмента образуются сложноподчинёнными предложениями. Запятая является графическим маркером окончания смыслового блока, маркируя одновременно и необходимость паузы.

Стилистически значима также длина строк: более короткие строки, завершающие определенный смысловой блок, сигнализируют о конце определенного этапа повествования, в них подводится итог излагаемым в каждом смысловом блоке событиям.

Процесс формирования стиля произведения художественной словесности протекает с опорой на факторы как собственно язы-

ковой, так и внеязыковой природы. В плетении ткани художественного произведения можно выделить различные ярусы (грамматический, лексический, фонетический), каждый из которых выполняет присущую ему стилистическую нагрузку. Характер соединения стилистических пластов произведения определяется магистральным направлением культурного развития, но национальная самобытность накладывает этнические неповторимые штрихи, узнаваемые в их культурном наследии.

Список литературы

- Аврасин В. М. О концепциях стиля и трактовке некоторых понятий стилистики в лингвистической литературе ФРГ // Общественное. Текст. Высказывание. М., 1981. С. 179–189.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
- Бицилли П. М. Язык и народность (К вопросу образования русского литературного языка) // Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 135–146.
- Борботько В. Г. Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 40–55.
- Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.
- Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972
- Матюшина И. Г. Об особенностях рыцарской саги // Стили в литературе средневековой Европы М., 2016. С. 122–165.
- Михайлов А. В. Проблемы стиля и этапы развития литературы нового времени // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М., 1982. С. 343–377.
- Сильман Т. И. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы. Л., 1969.
- Хализев В. Е. Теория литературы. М., 2013.
- Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2009.
- Sir Gawain and the Green Knight // «Сэр Гавейн и “Зелёный рыцарь”». М., 2006. С. 14–153.

Vyshenskaya Yulia Pavlovna (Saint Petersburg, Russia)

PHONETIC COMPONENT OF BELLES-LETTRES STYLE IN ENGLISH MEDIEVAL POETIC TEXT

The paper deals with the phenomenon of the belles-lettres style. The problem under study is considered on the poetic material represented by texts of Middle English alliterative poetry within the scope of style relations with the text and discourse.

Keywords: *alliteration, discourse, text, style, phonetic component*

УДК 81.111

Гузь М.Н., Пигина Н.В. (Санкт-Петербург, Россия)

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ ФИРМЫ IWC

В статье анализируются рекламные тексты швейцарской фирмы IWC, производящей дорогие мужские часы. Рассматриваются их лингвостилистические особенности, сравниваются тексты разных периодов и описываются характерные для каждого периода тенденции и способы воздействия на реципиента.

Ключевые слова: рекламный текст, языковая игра, гендерный стереотип, эффект обманутого ожидания

Фирма IWC, 150 лет производящая высококачественные часы международной часовой марки класса люкс, известна своей однозначной рекламной кампанией. За последние 60 лет фирма как минимум три раза меняла брендовый слоган и, соответственно, «модель» рекламного текста. В 1966 году в качестве слогана фирмы IWC был выбран *Sie verlangen Präzision und Eleganz – Sie wählen IWC*. К сожалению, нам не удалось найти достаточного количества рекламных текстов IWC того времени, но слоган свидетельствует о том, что основными направлениями рекламной политики фирмы были «точность» (*Präzision – Eindeutigkeit, Klarheit, Genauigkeit [Duden]*) и «элегантность» часов. Прямое обращение к потребителю с использованием местоимения *Sie* создает образ потребителя, предъявляющего высокие требования к продукции. Именно этим требованиям соответствуют часы IWC, на которых потребитель останавливает свой выбор. Слоган состоит из двух частей, каждая из которых представляет собой простое предложение, соединенных тире, таким образом, обе части приравняются к другу, лексико-синтаксический параллелизм превращают абстрактные имена существительные, обозначающие качества продукции *Präzision und Eleganz* и имя собственное *IWC*, представляющее собой метонимическое обозначение продукции, в контекстуальные

синонимы. Местоимение *Sie* не содержит семы «принадлежность к определенному полу». Демонстративное акцентирование половой (а точнее, гендерной) принадлежности потребителя часов начинается с конца 90-х годов и связано, очевидно, с глобальными изменениями в обществе в отношении вопросов гендера. Обозначенные 60 лет тому назад принципы актуальны и сегодня, на сайте компании находим обращение к потребителю: «В своей работе компания использует целостный подход, сочетающий безупречное качество, эксклюзивный дизайн и высочайшие стандарты устойчивого развития в отрасли» (перевод наш – М.Г., Н.П.) [IWC].

В 1999 году фирма меняет слоган на следующий: *Seit 1868. Und so lange es noch Männer gibt*. С этого времени начинается рекламная кампания, которая вызвала бурную ответную реакцию общества. Рассмотрим подробнее рекламные тексты фирмы IWC этого периода.

Рекламные тексты фирмы IWC названного периода построены по одной модели. Основными элементами рекламы являются заголовки, занимающий верхнюю часть рекламного пространства, изображение модели часов в нижней части, рекламный текст мелким шрифтом, который расположен, как правило, в центральной части справа, и в котором указываются технические характеристики часов, под ним указано наименование фирмы и рекламный слоган *Seit 1868. Und so lange es noch Männer gibt*. Внизу указано полное наименование фирмы и контактные данные (телефоны в Швейцарии, Германии и Австрии и интернет-сайт). Реклама выполнена в лаконичных черно-белых тонах.

Рекламный слоган, который вместе с фирменным названием образует три предложения, обращен к прошлому и к будущему одновременно. Указание года основания предприятия в эллиптическом предложении подчеркивает почти 150-летние традиции и создает у читателя образ стабильного предприятия. Придаточное предложение формирует у реципиента представление о том, что фирма будет существовать до тех пор, пока есть мужчины, что можно было бы на первый взгляд интерпретировать как «пока существует человечество». Однако наречие *noch* вносит определенные ограничения в (кажущуюся) вечность предприятия, смещая акцент не на существование мужчин как одного из полов внутри

рода людей, а на гендерную роль, приписываемую этому полу. Социальный союз *und* свидетельствует о том, что эта гендерная роль понимается так же, как в 1868 году, то есть традиционно, и противопоставляется традиционной женской гендерной роли. В таком утверждении содержится вызов современным представлениям о равноправии мужчин и женщин и все более размываемым гендерным границам. Таким образом, слоган, с одной стороны, создает у потребителя образ фирмы (стабильной и солидной), с другой стороны, имплицитно определяет целевую группу клиентов – продукция предназначена исключительно для мужчин.

Заголовки рекламных текстов IWC этого периода содержат информацию, которая знакомит потребителя с фирмой, представляет целевую группу своих потребителей или описывает продукцию фирмы – часы.

Первая выделенная нами группа заголовков немногочисленна и содержит информацию о самой фирме.

Имя собственное IWC представлено в небольшом количестве заголовков, при этом в большинстве случаев оно представляет собой метонимический перенос названия фирмы на продукцию.

Рекламный текст марки часов *Der Doppelchronograph* имеет заголовок *IWC. Offizieller Ausrüster der Männer*. Фирма IWC позиционирует себя как официальный поставщик часов для мужчин. Глагол *ausrüsten*, производным от которого является имя существительное *Ausrüster*, имеет значение «снабжать чем-либо, что необходимо для выполнения определенной задачи» (*mit etwas versehen, ausstatten, was zur Erfüllung einer bestimmten Aufgabe notwendig oder nützlich ist [Duden]*). Имя прилагательное *offiziell* со значением «*in amtlichem Auftrag; dienstlich; von einer Behörde, einer Dienststelle ausgehend, bestätigt [und daher glaubwürdig] [Duden]*» придает большую общественную значимость функции, которую берет на себя фирма IWC. Сам рекламный текст начинается с предложения *Wir unterstützen das starke Geschlecht*, которое описывает целевую группу, ограничивая ее настоящими мужчинами, которым в современном мире требуется поддержка. Здесь необходимо также отметить, что большинство рекламных текстов фирмы IWC имеют иронический подтекст или ироническую окраску, и в рассматриваемом тексте ирония реализуется за счет использования разговорно-шутливого выражения *das starke Geschlecht*.

Заголовок рекламного текста спортивных часов GST Perpetual Calendar выглядит следующим образом: *IWC macht Damenuhren*. Цель заголовка – ошеломить читателя, так как всем известно, что IWC производит только мужские часы. Рекламный текст, следующий за заголовком, начинается со слов *April, April* – восклицания, которое обычно следует за первоапрельской шуткой (*spottender Zuruf an jemanden, der in den April geschickt wurde [Duden]*). Констатация факта оказывается ложной, поэтому мужчины могут быть спокойны: IWC не будет производить женские часы.

Заголовок рекламы часов модели *Da Vinci Rattrapante* представляет собой ответ возможным обвинениям со стороны оппонентов, выступающих за гендерное равноправие, что технические мощности фирмы не позволяют производить дамские часы: *Technisch wäre es möglich, eine IWC für Frauen zu machen*. Как известно, конъюнктив II служит для выражения желаемого, но невозможного в данный момент действия. В анализируемом тексте конъюнктив используется для выражения возможного, но нежелательного действия, таким образом, реализуется иронический подтекст, что подтверждается дальнейшим развитием текста: *Ewig männlich*: фирма IWC была и остается фирмой, производящей только мужские часы.

Следующей по численности является группа заголовков, которые называют целевую группу, тех, для кого предназначены выпускаемые фирмой IWC часы. Заголовок рекламного текста часов *Fliegeruhr* состоит из предложения с парцелированным обстоятельством: *Für alle, die sich rasieren. Im Gesicht*. Первое предложение имплицитно включает в круг потребителей и женщин, так как они тоже прибегают к бритью для удаления нежелательных волос. Однако парцелляция резко ограничивает круг пользователей продукции IWC: это – мужчины, женщины, таким образом, из этого круга исключаются. Дальнейшее развитие эта мысль получает и в самом рекламном тексте, который начинается с предложения *Sehr männlicher Artikel*. Подобная языковая игра наблюдается и в заголовке *Die erste IWC für rasierte Beine* [Гузь, Пигина, 2017, с. 67–68].

Нельзя не обратить внимания на варьированный повтор имени существительного *Männer* в заголовке и производного от него имени прилагательного *männlich*, тем самым здесь реализуется сугге-

стивная функция повтора. На игре с корнем *Mann* построен заголовок рекламного текста часов Doppelchronograph: *Für die bemannte Luftfahrt. Bemannte Luftfahrt – «пилотируемый полет» (bemannt – mit einer Mannschaft ausgerüstet, besetzt [Duden])*. Собственно рекламный текст начинается с предложения *Das höchste aller Gefühle*, которое является немного модифицированной цитатой из «Волшебной флейты» В.А.Моцарта (либретто Э.Шиканедера): *«eine Stunde bleibe ich noch, das ist aber das höchste der Gefühle»*. Выражение *das höchste der Gefühle* имеет разговорное значение *«das Äußerste, was in Bezug auf etwas Bestimmtes möglich ist, sich machen, einrichten lässt» [Duden]*, таким образом, осуществляется игра с разговорным значением выражения и прямым значением имени прилагательного *hoch «in beträchtlicher Entfernung vom Erdboden; in großer Höhe»*.

Заголовок рекламного текста часов GST Chrono Automatic представляет собой вопросительное предложение, обращенное к владельцу часов: *Wer hat bei Ihnen zu Hause die IWC an?* Дальнейший текст определяет целевую группу *Für Männer, die noch Herr im Hause sind*. Наречие *noch* свидетельствует о том, что патриархальное представление о доме, хозяином которого (соответственно, и главой семьи) является мужчина, в современном мире не является само собой разумеющимся. Клиентами IWC являются мужчины, придерживающиеся традиционных ценностей.

Потребитель может быть обозначен метонимически как обладатель размера обуви не менее 43. Так заголовок *Erhältlich ab Schuhgröße 43* представляет собой клише для рекламы обуви больших размеров.

Наиболее многочисленна группа заголовков, которые создают образ самих часов. Это может быть прямая номинация продукции фирмы. Так, заголовок *Der Uhr* лаконичен и состоит из двух слов (имени существительного с артиклем), однако у имени существительного преднамеренно нарушен грамматический род, вместо артикля женского рода использован артикль мужского рода. Эта грамматическая метафора подчеркивает «мужественность» часов и их предназначенность только для мужчин, что подтверждается началом рекламного текста *Sehr männlicher Artikel*. Таким образом, актуализируются два значения имени существительного *Artikel*: товар и служебное слово для обозначения рода имени существительного (*[Handels]gegenstand, Ware* и *[der Bezeichnung*

des Genus von Substantiven dienende] Wortart mit identifizierender, individualisierender oder generalisierender Funktion; Geschlechtswort [Duden]). Употребление определенного артикля подчеркивает уникальность часов, производимых фирмой. Артикль в генерализующей функции переносит акцент на весь объем понятия, часы фирмы IWC становятся эталоном.

Интересна номинация продукции фирмы IWC в заголовке *Die gute alte Zauberformel: 1 SP, 1 CVP, 5 IWC* текста, рекламирующего часы марки Portugieser Chrono-Rattrapanten. Прилагательные *gut* и *alt* подчеркивают надежность часов, выпускаемых уже много лет, покупатель может положиться на их качества, они не подведут его, что доказано их историей. Дополнительные оттенки вносит имя существительное *Zauberformel* со значением *beim Zaubern zu sprechende Formel [Duden]*: знающий волшебное заклинание может творить чудеса, имеет власть над всем миром. Но в таком случае не понятно пояснение, следующее за двоеточием: 1 SP, 1 CVP, 5 IWC. И только человек интересующийся политикой, который следит за событиями в мире, узнает в этом тексте «политическую формулу». В 1959 году в швейцарском парламенте расклад политических сил был назван *Zauberformel – 2:2:2:1-Formel*, такой расклад сохранялся до 2008 года и после 2015 года. Таким образом, создатели рекламы играют с реалиями политической жизни Швейцарии, переиначивая парламентскую формулу и распределяя места в швейцарском парламенте следующим образом: 1 – социал-демократической партии, 1 – христианско-демократической народной партии и 5 мест (то есть абсолютное большинство) тем, кто носит часы IWC.

Номинация часов часто строится на игре со значениями многозначного слова, при этом создаваемый образ часов во многих заголовках соотносится с биологической сущностью мужчины. Так, в заголовке рекламы часов модели *Da Vinci Männliches Erbgut* имя существительное употреблено в значении *«наследственный (биологический) материал» (Gesamtheit der Erbanlagen [Duden])*, однако дальнейший текст актуализирует второе значение этого имени существительного *«наследуемое имущество» (Erbhof [Duden])*: *Von Mann zu Mann: Eine Da Vinci bleibt in der Familie*. В этом рекламном тексте подчеркивается не только долговечность и надежность часов, но и традиционное представление о семье, в которой имущество наследуется по мужской линии.

Биологический пол мужчины имплицитно и в заголовке *Aus unserer Testosteron-Produktion* (часы марки Fliegeruhr). Тестостерон, как известно, является основным мужским половым гормоном, который оказывает влияние на формирование внешнего вида и полового поведения человека. А часы, таким образом, становятся средством повышения уровня содержания данного гормона в организме, то есть отвечают за мужской внешний вид и соответствующее полу поведение и настроение их обладателя.

Заголовок *Adams-Kostüm* рекламы часов Doppelchronograph является одним из наиболее сложных для интерпретации, так как допускает сразу несколько толкований. Основной компонент композита *Kostüm* имеет значение «женский костюм» (*zweiteiliges, aus Rock und dazugehöriger Jacke bestehendes Kleidungsstück für weibliche Personen* [Duden]), первый компонент композита актуализирует аллюзию на библейский миф о сотворении человека. Согласно этому мифу первым человеком был мужчина. Употребление имени существительного *Kostüm* в таком контексте позволяет думать об участнице карнавала, что не противоречит и значению существительного: *Kleidung für Schauspieler, Artisten o. Ä. bei Aufführungen (zur Darstellung oder Charakterisierung einer bestimmten Person, Rolle oder Funktion)* [Duden]. В то же время выражение *im Adamskostüm* является перифразой обнаженного мужчины (*im Adamskostüm (umgangssprachlich scherzhaft von männlichen Personen: nackt: im Adamskostüm herumlaufen)* [Duden]). Заголовок сопровождается рекламным текстом *Finger weg, Närrinnen, von dieser Männeruhr*, который содержит прямой запрет-указание лицам женского пола прикасаться к этим мужским часам. При этом в имени существительном *Närrinnen* актуализируются два значения: значение «участница карнавала», которые поддерживает значение существительного *Kostüm*. Но в то же время запрет актуализирует и сему «глупая женщина», создавая тем самым противопоставление «умный мужчина – глупая женщина».

Ряд заголовков и рекламных текстов при номинации производимого фирмой IWC товара нарочито подчеркивает физиологические особенности мужчины и связанные с ними стереотипы. Например, в заголовке *Der grosse Unterschied* и в следующем за ним тексте *Unbeschreiblich männlich* обыгрывается словосочетание *der kleine Unterschied*, имеющее разговорно-шутливое значение «разли-

чие между мужчиной и женщиной по половому признаку» и «половой орган мужчины как отличительный признак различия полов (*umgangssprachlich scherzhaft: 1. Geschlechtsunterschied zwischen Mann und Frau. 2. Geschlechtsmerkmal, besonders Penis als deutliches Kennzeichen des Unterschieds zwischen Mann und Frau* [Duden]).

На многозначности имени существительного *Stück* и глагола *messen* основан заголовок рекламы Da Vinci Rattrapante – хронографа с вечным календарем, запрограммированным до 2499 года: *Das beste Stück des Mannes misst 500 Jahre*. Поскольку имя существительное *Stück* употреблено с глаголом *messen* и указанием периода, то в тексте актуализируется переносное значение выражения *die Größe seines besten Stücks* [Duden].

Рассмотренные выше примеры привлекают и удерживают внимание читателя уже не столько собственно лингвистическими средствами, сколько нарушением табуированных тем и вторжением в интимную область.

Репрезентация часов в анализируемых рекламных текстах может осуществляться путем описания их характеристик: так, реклама часов Portugieser Chrono-Rattrapanten имеет заголовок *Funktioniert bis ins hohe Alter. Wie ein Mann*. Часы и мужчины равны и достойны друг друга, так сохраняют свою работоспособность долгие годы.

Заголовок рекламы *Pünktlich, perfekt gebaut und von unvergänglicher Schönheit. Das kann nur eine Uhr sein*, описывающий часы марки Da Vinci Rattrapante, построен на эффекте обманутого ожидания: первое предложение создает образ идеальной женщины, второе опровергает его, приписывая все названные характеристики часам. Кроме того, рекламный текст опровергают сложившийся стереотип о том, что в мире в жизни нет ничего идеально и вечного, все меняется с течением жизни, красота проходит. Часы Da Vinci Rattrapante – идеальная вещь, которая будет вечно сопровождать мужчин, что подтверждает следующее за заголовком предложение: *Ewig männlich*.

Эффект обманутого ожидания лежит в основе другого рекламного текста: *Immerhin etwas, worauf sich Männer verlassen können*. Читатель ожидает, что самое надежное в жизни – это семья и друзья, однако IWC приписывает качества верность и надежность часам.

Интересен в этом отношении заголовок *Passt auch zu Röcken*. Читатель, приученный полагать, что часы IWC – мужской аксес-

суар, начинает думать, что IWC создало женскую модель часов, однако обособленное обстоятельство места *In Schottland* расставляются все на свои места: упоминание типично женской одежды – юбки является метонимией не женщины, а шотландских мужчин, национальной одеждой которых является юбка (килт).

Образ часов, создаваемый рекламным текстом, может либо подтверждать сложившийся в обществе стереотип о мужчинах и женщинах и их отношениях, либо опровергать его.

В заголовке рекламы хронографа *Hinter jedem erfolgreichen Mann steht jemand, der keine IWC trägt* присутствует игра со стереотипом, что каждого успешного мужчину поддерживает женщина. Однако здесь нет указания на женский пол, грамматическая согласованность *jemand, der* позволяет трактовать эту ситуацию и как то, что за каждым успешным мужчиной стоят его помощники, подчиненные, которые еще не смогли купить себе эти часы. Таким образом, рекламный текст опровергает сложившийся стереотип.

Этот же принцип использован и в рекламе часов Da Vinci, в тексте которой присутствует обращение к сложившему стереотипу, что большинство мужчин не верны, так как полигамны по своей природе: *Männer sind treuer, als man glaubt. Von einer IWC trennen sie sich nie. Bei einer Da Vinci bleibt man.* Первое предложение опровергает устоявшийся стереотип, второе – подтверждает его. Текст построен на многозначности имени прилагательного *treu* и глагола *sich trennen*. Прилагательное *treu* имеет значение не только не вступать в другие сексуальные отношения, обманывать другого неверностью в браке, но и разговорное значение «*быть постоянным в своем отношении к чему-либо*», которое и актуализируется в данном контексте: *(von einem [Ehe]partner) keine anderen sexuellen Beziehungen eingehend, den anderen nicht durch Ehebruch o. Ä. betragend u. unbeeinträchtigt, unerschütterlich an jemandem, einer Sache festhaltend; anhänglich [Duden]*. Здесь же обыгрывается и многозначность глагола *sich trennen* – прекращать отношения (в том числе любовные) и отказываться от чего-либо, не иметь что-либо: *eine Gemeinschaft, Partnerschaft auflösen, aufgeben* и *etwas hergeben, weggeben, nicht länger behalten (obgleich es einem schwerfällt, es zu entbehren) [Duden]*. Мысль, сформулированная в заголовке, развивается и в тексте рекламы: *Bei einer Da Vinci bleibt man. Mindestens bis ins Jahr 2499 dank ihres ewigen Kalenders.* В то же время, в самом тексте рекламы присутству-

ет некоторая ирония над постоянством мужчины – его верность ограничена во времени и обусловлена наличием в часах календаря, рассчитанного до 2499 года. По этому календарю можно определить день недели в довольно широком диапазоне времени, поэтому по сравнению с жизнью человека он называется «вечным». Современный мужчина явно не проживет до 2499 года, а вот часы вполне могут.

Заголовок рекламы часов Da Vinci строится на клише о гендерном неравенстве в сфере экономики, а именно, что мужчины зарабатывают больше, чем женщины: *Männer verdienen mehr als Frauen. Zum Beispiel eine IWC.* Но парцелляция актуализирует и еще одно значение глагола *verdienen* – *заслуживают (einer Sache aufgrund seines Verhaltens zu Recht teilhaftig werden) [Duden]*. Далее в тексте используется окказиональный композит *Männerbonus* и указывается марка часов. Вторая часть композита – имя существительное *Bonus* имеет функционально-стилистическую коннотацию и используется в качестве экономического термина. Данный рекламный текст построен на подтверждении представлений общества.

Во многих рекламных текстах часы позиционируются как атрибут настоящих мужчин. Заголовок рекламы модели Die Portugieser Chrono-Rattrapanten имплицитно указывает на тему раздела имущества при разводе: *Sie kann das Haus haben. Den Wagen. Den Hund. Aber niemals meine IWC.* Употребление определенного артикля конкретизирует объекты как принадлежащие мужчине. Мужчина может отдать женщине дом, машину, собаку. Парцелляция дополнений свидетельствует о том, что передача женщине этих объектов имущества дается мужчине нелегко, после некоторых раздумий. Но имущество, которое он в любом случае оставит за собой – это часы, о чем свидетельствует притяжательное местоимение *meine*. Противительный союз *aber* и наречие *niemals* исключают возможность передачи женщине часов. Тем самым создается не очень положительный образ «настоящего» мужчины, который при расставании будет настаивать на разделе имущества. Однако в следующем за заголовком тексте присутствует объяснение, почему он сможет отдать женщине часы: она не сможет воспользоваться ими, так как их размер предназначен для широких запястий: *Ihre Grösse ist nur etwas für breite Handgelenke.* В этом тексте

снова используется излюбленные приемы в рекламной кампании фирмы IWC – акцентуация на физических отличиях мужчины и женщины и эффект обманутого ожидания.

Упоминание «нежных рук» в заголовке рекламы часов Da Vinci Rattrapante вводит метонимический образ женщины, для которой, казалось бы, созданы эти часы. Однако обособленный инфинитивный оборот в функции обстоятельства цели ограничивает роль женщин сборкой часов на производстве: *Zarte Hände sind wie geschaffen für eine IWC. Um sie zu bauen.*

Безусловно, такая игра с гендерными стереотипами не могла не вызвать ответной реакции в обществе и в соответствующие комиссии по этике были поданы жалобы на дискриминацию образа женщины в рекламных текстах IWC (см. подробнее Гузь, Пигина, 2017). Однако и этому событию фирма IWC находит объяснение, напрямую обращаясь к женщинам в заголовке *Keine Panik, Frauen. Euer IWC-Neid ist etwas völlig Normales.* Все эмоции, которые испытывают женщины в отношении к рекламируемому продукту, сводятся до зависти, что не самым лучшим образом характеризует личности, испытывающие эти эмоции, однако данная ситуация рассматривается как совершенно нормальная. Обращает на себя внимание обращение *Frauen*, хотя согласно нормам этикета в обращении к женщинам должна использоваться лексема *Damen*. Тем самым подчеркивается биологический аспект – человек женского пола. Кроме этого употребление притяжательного местоимения второго лица множественного числа *Euer* подчеркивает обращение к женщинам на «ты».

Таким образом, в рекламных текстах IWC этого периода создается образ мужчины – хозяина жизни, который отличается от женщины своими биологическими характеристиками, гордится своими физиологическими особенностями и достаточно пренебрежительно относится к женщине, отводя ей роль глуповатой услуги только на том основании, что он мужчина. Основными приемами при создании заголовков данных текстов является игра с гендерными стереотипами, создание иронического подтекста и эффекта обманутого ожидания, которые реализуются, в основном, в результате игры со значениями многозначного слова.

В начале 2000-х годов меняется дизайн рекламных текстов IWC. Верхнюю часть рекламного пространства по-прежнему за-

нимает заголовок, затем следует изображение часов, под которым справа указано наименование фирмы IWC, место нахождения штаб-квартиры Schaffhausen и время основания фирмы Since 1868. В нижней правой части расположен текст в виде одного предложения, оформленного как прямая речь, обращенная к реципиенту, далее следует картинка, поясняющая прямую речь и текст, содержащий технические характеристики часов. Текст завершается новым брендовым слоганом на английском языке *Engineered for men*. Внизу указано наименование фирмы и контактные данные.

Таким образом, меняется дизайн рекламных плакатов и меняется слоган, акцент с предприятия (его традиций, свойственной ему стабильности) смещается на его потребителя («созданный для мужчин»). Изменяется и временная направленность слогана, если предыдущий слоган был обращен в будущее, рассматриваемый слоган соотносится только с настоящим.

Посмотрим, сохранились ли три выделенные нами ранее группы. Среди рекламных текстов данной группы мы не обнаружили текстов, которые знакомят потенциального потребителя с самой фирмой, все тексты либо представляют часы, либо описывает потенциального клиента компании IWC.

Так, реклама часов Grosse Fliegeruhr, ставших официальными часами игроков сборной Германии по футболу, строится на игре с выражением «*Das Wunder von Schaffhausen*», которое является заголовком рассматриваемого рекламного текста. «Чудом Шаффгаузена» в немецкоязычном культурном пространстве называют водопад, расположенный в этом городе, посмотреть на который ежегодно приезжает много туристов. Рекламный текст создан в 2012 году, так как создатели часов не хотели, чтобы чемпионат Европы по футболу проходил без участия команды из Швейцарии: *Damit die EM in Polen und der Ukraine nicht ganz ohne Schweizer Beteiligung stattfinden muss, bringen wir diese Uhr ins Spiel.* Сборная Швейцарии по футболу не входит в число сильных сборных: с 1960-х годов в истории сборной Швейцарии начался период неудач, который продолжался почти 30 лет. Лишь в начале 1990-х годов сборная Швейцарии выходит в финальную часть чемпионата мира 1994 и чемпионата Европы 1996. В чемпионате Европы 2004 и чемпионате мира 2006 сборная Швейцарии вышла в 1/8.

На чемпионат Европы 2012 сборная Швейцарии не квалифицировалась.

Хронограф Aquatimer рекламирует текст с заголовком *Schwarm aller Schwärmer*. Часы позиционируются как «фантазия всех фантазеров» за счет использования варьированного повтора однокоренных слов.

Хронограф Aquatimer Automatic 2000 предназначен для тех, кто хочет посещать особенные места, его рекламирует текст с заголовком *Das VIP-Bändchen für alle 7 Weltmeere*. Текст снабжен репликой «Hereinspaziert!» и изображением Нептуна, который приглашает обладателя браслета (часов) в увлекательное путешествие: *Wer besondere Orte besuchen will, sollte sich entsprechend ausweisen können*.

Заголовок *Ein Geschenk, für die ganze Familie: ein glücklicher Vater* часов модели Portugieser Yacht Club Chronograph построен на эффекте обманутого ожидания. Часы называются подарком для всей семьи, но далее следует уточнение: имелись в виду вовсе не часы, а счастливый отец. Происходит смещение акцента: с материальных ценностей на духовные, главным отныне являются не дорогие и престижные вещи, а состояние человека. Тезис о том, что психологическое благополучие человека – самое ценное, поддерживается и следующим далее текстом: *Санта Клаус задается вопросом «А что же получит он?»*. Авторы данного рекламного текста предлагают в этом году сделать Рождество праздником любви к деталям.

Заголовок *Manche nennen es Landesverrat, andere einfach eine clevere Investition* часов марки Fliegeruhr Doppelchronograph Edition DFB позиционирует часы IWC как «умную инвестицию» и совмещает в себе рассказ о том, что было сделано фирмой IWC и номинацию часов. Швейцарские часы были выпущены со стрелками в цветах формы немецкой сборной по футболу, но руководство фирмы считает данное действие не «предательством интересов родины», а умным инвестированием денежных средств, что переносится и на факт покупки часов: только умный (и таким образом удачливый в деловой сфере) человек покупает часы IWC.

Заголовки *Teilchenphysik für Fortgeschrittene* и *Männer, die Maschinen fliegen, sollten auch welche tragen* (часы Da Vinci и Fliegeruhr Doppelchronograph) описывают как сами часы, так и целевую группу клиентов IWC. Часы в рекламных текстах представлены как

сложные механизмы (физика элементарных частиц и летающий аппарат), а их обладатели либо имплицитно сравниваются с летчиками, которые способны управлять таким сложным механизмом как самолет, либо эксплицитно называются «успевающими, продвинутыми» (*Person, die auf einem Gebiet schon Fortschritte gemacht hat [Duden]*). Таким образом, при наименовании покупателей часов акцент делается на таких их качествах, как ум и профессионализм.

Вторая группа исследуемых текстов описывает потребителей часов. Часы Aquatimer Automatic предназначены для тех, кто не боится трудностей и не идет стандартным путем: *Für alle, die Ihre Bahnen lieber senkrecht schwimmen*.

Часы Grosse Ingenieurh, рекламный текст которых имеет заголовок *Für Männer, die bei Blackberry noch an eine Frucht denken*, рассчитан на мужчин с широким кругозором, которые разбираются не только в гаджетах (Blackberry – смартфон на базе Android), но и знают иностранные языки и разбираются в ботанике (blackberry – в переводе с английского языка «ежевика»).

Часы Aquatimer Automatic (заголовок рекламного текста *Für Männer, die mit Druck umgehen können*) предназначены для мужчин, которые могут противостоять обстоятельствами и справиться с выпавшими на их долю трудностями. Рекламный текст начинается с реплики «*Kann ich auch*» и снабжен изображением бриллианта (самого твердого среди минералов), таким образом, обладатель рекламируемых часов имплицитно сравнивается с бриллиантом, более надежного партнера (и спутника) не найти.

Часов Aquatimer Split Minute Chronograph (заголовок рекламного текста *Nur wenige schaffen es, im Wasser Spuren zu hinterlassen*) достойны только те, кто способен изменить мир (*von einer äußeren Einwirkung zeugende [sichtbare] Veränderung an etwas, Anzeichen für einen in der Vergangenheit liegenden Vorgang, Zustand [Duden]*). Рекламный текст построен на игре со значениями имени существительного *Spur* (*Reihe, Aufeinanderfolge von Abdrücken oder Eindrücken, die jemand, etwas bei der Fortbewegung im Boden hinterlassen hat*), так как оставить следы в воде невозможно, а вот преобразить подводный мир вполне под силу обладателям рекламируемых часов.

Профессионализм и смелость мужчин подчеркивает и заголовок *Für Cowboys, die ihre Seekuhherde fest im Griff haben* часов марки

Aquatimer Automatic. Выражение *etwas im Griff haben* имеет значения «профессионально владеть чем-то» и «контролировать ситуацию» (1. *etwas, was mit den Händen getan wird, routinemäßig beherrschen*; 2. *jemanden, etwas unter Kontrolle haben [Duden]*). Употребление лексемы *Cowboy* создает образ безрассудного и смелого мужчины (*berittener amerikanischer Rinderhirt (der gleichzeitig als Verkörperung von Draufgängertum und sogenanntem männlichem Lebensstil gilt) [Duden]*).

Заголовок *Zeit für Helden* продолжает футбольную тему в рекламной кампании IWC. В заголовке реализуется многозначность предлога *für* (предназначение и цель): наступает время для героев и время героев. Героями названы игроки национальной сборной Германии по футболу, и это обозначение переносится на обладателя часов.

Таким образом, мы можем констатировать изменение тенденции в рекламной кампании IWC. В заголовках более поздних рекламных текстов упор делается на создание образа умного, смелого, мужественного мужчины, в числе достоинств которого его личные и профессиональные качества. Тема женщины кажется исчерпанной в рекламной кампании IWC, среди проанализированных заголовков встретилось только несколько заголовков, «играющих» с образом женщины. Так, например, заголовок *Endlich ein Navigationssystem ohne nervige Stimme* рекламы часов марки *Portugieser Yacht Club Chronograph* перекликается с заголовками предыдущей группы, описывает часы с навигационной системой без раздражающего голоса. *Nervige Stimme* – метонимия для обозначения недовольной, ворчащей без повода женщины. Заголовок поддерживается изображением девушки в наушниках и репликой *Bin ja schon still* и получает развитие в тексте, даже если обладатель часов выбрал не то направление, он не услышит ненужных комментариев.

Список литературы

Гузь М.Н., Пигина Н.В. Игра с гендерными стереотипами или сексизм в рекламных текстах? // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л.В. Шишковой: сб. статей. СПб., 2017. С. 63–75.

Ссылки на электронные источники

Duden: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 2.12.2017).

IWC: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iwc.com/ru/sustainability-at-iwc/> (дата обращения: 1.12.2017).

*Guz Maria Nikolaevna, Pigina Natalia Vladimirovna
(Saint-Petersburg, Russia)*

LINGUOSTYLISTIC PECULIARITIES OF IWC ADVERTISING CAMPAIGN

The paper analyzes advertising texts of Swiss company IWC, which produces expensive men's watches. The paper compares texts of different periods, examines their formal features, and describes the trends and ways of influencing the recipient typical to each period.

Keywords: advertising text, language play, gender stereotype, effect of defeated expectancy

УДК 81.42

Л.В. Евстигнеева (Санкт-Петербург, Россия)

**«ПРОГРАММА ИНТЕРПРЕТАЦИИ»
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЛАБИРИНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ДЖ. ДЖОЙСА “EVELINE”)**

В статье рассматривается одно из ключевых понятий теории текста – программа интерпретации. Оригинальность трактовки понятия определяется его включением в контекст теории повествовательных лабиринтов. Формулируется тезис о зависимости типа повествовательного лабиринта (простого, сложного, сверхсложного) от семантики формирующих его языковых единиц, которые выступают компонентами повествовательной структуры.

Ключевые слова: программа интерпретации, теория повествовательных лабиринтов, категория адресованности, адресат, диалогизм

Интерпретативный характер современного научного знания, а также внимание современного научного сообщества к базовым понятийным категориям адресованности, коммуникации и диалога [Щирова, 2011: 93] подтверждают актуальность:

1) изучения психологических текстов «потока сознания», поскольку в них моделируются ментальные процессы человека;

2) включения в понятийный аппарат лингвиста-исследователя текста понятия «имплицитный читатель», поскольку эта активная интерпретирующая инстанция образует в сознании автора гипотетическую (ментальную) модель;

3) выявления языковой специфики текстовой категории адресованности, поскольку в этой категории реализуются актуальные для науки принципы антропоцентризма и диалогизма.

В художественном тексте репрезентируется уникальное индивидуально-авторское сознание, а его интерпретационная программа является своеобразной текстовой инструкцией. Она закладывается автором в текст, формируется языковыми сигналами адресованности и носит в анализируемых психологических текстах гибкий характер, иными словами, предоставляет имплицитному читателю широкий выбор интерпретационных решений.

Англоязычные психологические тексты XX века – это тексты, в которых преобладает подтекст и отсутствует эксплицитно выраженная авторская оценка. Их отличительной чертой признается имплицитный характер описания психики человека [Щирова, 1991: 9]. Имплицитно-подтекстовый способ повествования программирует **относительную свободу интерпретационных решений**, т.е. задает гибкую интерпретационную программу текстов психологической литературы рассматриваемого временного периода. Реализация гибкой программы интерпретации активизирует когнитивную активность адресата, поскольку образ предполагаемого адресанта и смысл, заложенный автором в текст, реконструируются интерпретатором без видимой авторской помощи [Щирова, Гончарова, 2007: 381–382].

Описание формирования и реализации интерпретационной программы художественных и, в частности, рассматриваемых нами психологических модернистских текстов «потока сознания» представляется целесообразным связать с идеей повествовательных лабиринтов, представленной в работах некоторых зарубежных, а позднее и отечественных ученых (ср. [Эко, 1997] и [Воробьева, 1993], [Щирова, Гончарова, 2007]).

Под повествовательным лабиринтом понимается реализуемая автором стратегия организации повествования, обладающая различной степенью сложности и предполагающая определенный ход распутывания (реконструкции) [Воробьева, 1993].

Вслед за О.П. Воробьевой, можно различать 3 типа лабиринта:

- простой (соответствует греческому в концепции У. Эко [Есо, 2014: 53]);
- сложный (маньеристический у У. Эко [там же, 53]);
- сверхсложный (сетка, согласно У. Эко [там же, 54]).

В первом, т. е. греческом, или «лабиринте Тесея» читателю трудно заблудиться, так как все дороги ведут к месту расположения Минотавра, к центру, а уже в начале пути его ожидает спасительная нить Ариадны. Во втором, маньеристическом, также есть выход, который можно обнаружить, действуя путем проб и ошибок (модель trial and error process). Однако этот тип лабиринта отличает наличие разветвленных коридоров и тупиков, а поэтому его организация более сложна. Третий тип лабиринта представляет собой «потенциально безграничную структуру»

или же «пространство догадки». В нем нет центра, периферии и выхода, а каждый из возможных путей может встречаться с другим. Это самый сложный (или сверхсложный) тип лабиринта [Эко, 1997: 628–629].

Все типы текстов-лабиринтов предполагают разную степень сложности для читателя, но подразумевают определенную степень заданности, т. е. «запрограммированности интерпретации». Раскодировав авторский замысел, можно понять и сам текст, равно как, постигнув ход мыслей создателя лабиринта, можно постичь тайну лабиринта и выбраться из него [Щирова, Гончарова, 2007: 383].

Обычно упомянутые типы лабиринтов не встречаются в чистом виде, а сочетаются между собой, образуя, таким образом, различные комбинации. Классические комбинации при этом предполагают иерархию простого (т.е. греческого), сложного (т.е. маньеристического) и сверхсложного (т.е. сетки) лабиринтов, в то время как постмодернистские комбинации допускают размывание границ между лабиринтами, а также замену традиционной иерархии лабиринтов их совмещением или включением в распутывание лабиринтов одного типа [Воробьева, 1993: 187–188].

Оправданно выстроить корреляции между степенью сложности повествовательной структуры (ср. простой, сложный и сверхсложный типы повествовательных лабиринтов) и семантикой языковых единиц, формирующих её компоненты. Иными словами, оправданно предположить, что простой лабиринт формируется языковыми единицами в их основном, прямом значении, а также теми языковыми единицами, которые нагружены эмоционально-оценочными коннотациями (лексическая единица в этом случае реализует узуальные или обретает текстовые коннотации); сложный лабиринт предполагает функционирование лексических единиц в «стилистически непогашающем» контексте, т. е. реализует многозначность слова, обеспечивая формирование метафорических значений, и, наконец, сверхсложный лабиринт образуется языковыми единицами в их контекстуальных символических значениях.

В качестве иллюстрации сошлемся на рассказ “Eveline” Джеймса Джойса (сборник «Дублинцы»).

She always gave her entire wages — seven shillings — and Harry always sent up what he could but the trouble was to get any money from her father [Joyce, 2001, p. 36; выделено мною — Л.Е.].

Лексема ‘money’ выступает в рассказе компонентом повествовательной структуры двух типов лабиринта (простого и сложного) и является важным компонентом интерпретационной программы текста. Первичное использование лексемы в тексте рассказа ограничено рамками предложения и подтверждает актуализацию её основного узуального значения, которое зафиксировано в словарной дефиниции следующим образом: ‘what you earn by working or selling things, and use to buy things’ (OALD). Приращения смыслового потенциала слова при этом не наблюдаются, что позволяет сделать вывод о том, что языковая единица формирует компонент *простого* повествовательного лабиринта.

Функционирование той же лексической единицы в большем контексте и, в частности, в микроконтексте абзаца, подтверждает нарастание её семантического потенциала и эстетической значимости: лексема повторяется трижды и используется в разных семантических модификациях (ср. ‘money’, ‘wages’, ‘shillings’). В масштабах абзаца меняется и семантическое наполнение лексем — она пополняется отрицательными оценочными коннотациями, поскольку образует единый эмоционально-оценочный и смысловой ряд с такими отрицательно нагруженными единицами, как ‘entire’, ‘trouble’, ‘hard-earned’, ‘to squander’, ‘to throw about the streets’, ‘fairly bad’:

She always gave her entire wages — seven shillings — and Harry always sent up what he could but the trouble was to get any money from her father. He said she used to squander the money, that she had no head, that he wasn’t going to give her his hard-earned money to throw about the streets, and much more, for he was usually fairly bad on Saturday night [Joyce, 2001, p. 36; выделено мною — Л.Е.].

На базе отрицательных коннотаций формируются дополнительные ассоциативные смыслы и реализуется контекстуальное метафорическое значение. Деньги воспринимаются героиней не просто как «металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления» [<http://moyslovar.ru/slovari/ozegov/slovo/деньги>], а как нечто её тяготящее. Они вызывают неприятные ощущения и воспоминания, обременяющее само существование героини. На основании сказанного можно сделать следующий вывод: в рам-

как представленного абзаца повторяющаяся лексема образует *сложный* повествовательный лабиринт.

Таким образом, в рассказе “Eveline” читатель сталкивается с синтезом простого и сложного повествовательных лабиринтов в пределах одного абзаца. При первом прочтении отрывка, включающего в себя упоминание лексемы ‘money’, реализуется узואальное значение слова, а затем формируются метафорические значения данной лексической единицы и ее производных семантических модификаций. Появление таких значений подтверждает нарастание гибкости интерпретационной программы текста, в результате которого расширяется спектр возможных интерпретационных решений.

Список литературы

Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (Одноязыч. и межъязыковая коммуникация). Дисс. ... док. филол. наук. М., 1993.

Щирова И.А. Лингвостилистические средства реализации художественной детали в коротком психологическом рассказе (на материале прозы английских авторов XX века): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04/ Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена. СПб, 1991.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб, 2007.

Щирова И. А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект// Мехународни часопис Стил. Боеград Република Србиа, 2011. № 10. С. 91–104.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб., 1997.

Eco U. From the tree to the labyrinth. Translated by Anthony Oldcorn. London, 2014.

Joyce J. Dubliners. London, 2001.

Ссылки на электронные источники

Oxford Advanced Learners' Dictionary: [Электронный ресурс]. URL: <http://oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.12.2017) (в тексте – OALD)

Толковый словарь Ожегова: [Электронный ресурс]. URL: <http://moyslovar.ru/slovari/ozegov/slovo/деньги> (дата обращения: 10.12.2017)

Evstigneeva Liubov Vladislavovna (St. Petersburg, Russia)

INTERPRETATION PROGRAM IN TERMS OF THEORY OF LABYRINTHS (ON THE MATERIAL OF THE SHORT STORY «EVELINE» BY JAMES JOYCE)

The article studies one of the key terms of text theory – the interpretative program. Originality of the study is determined by the extrapolation of the notion on the theory of labyrinths. The conclusion about the interaction of different types of labyrinths (simple, complex, super complex) and the semantics of the language units in the text analysed is made.

Keywords: *the interpretation program, the theory of labyrinths, the category of addressing, addressee, dialogism*

УДК 81.0

С.М. Пашков (Волхов, Россия)

**КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ДИНАМИКИ ЭМОТИВНЫХ СМЫСЛОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕОГОТИЧЕСКОГО РОМАНА
П. МАКГРАТА «SPIDER»)**

В статье анализируется взаимосвязь языковых категорий эмотивности и фазовости и подтверждается актуальность ее изучения для современной науки. Основанием для данной связи рассматривается динамика реальной эмоции – ее нагнетание, кульминация и угасание. На материале неоготического романа анализируются языковые и речевые средства с фазовой семантикой, объективирующие динамику эмоции страха.

Ключевые слова: фазовость, эмотивность, динамика эмотивных смыслов, неоготический роман, эмоция страха.

Несмотря на длительное и интенсивное развитие эмотиологии проблема «эмоции в языке» сохраняет актуальность и сегодня. Одной из задач в этой области лингвистического знания можно рассматривать взаимосвязь категории эмотивности с другими языковыми категориями.

Сегодня имеются научные данные о взаимосвязи, в частности, категорий эмотивности, интенсивности и оценочности [Вольф, 2002; Шаховский, 2008]. Эта связь объясняется тем, что эмоция как явление внеязыковой действительности характеризуется определенным знаком и степенью выраженности, которые и объективируются языком. Однако, помимо оценки и интенсивности эмоции характеризуются динамичностью, которая заключается в *фазовости* их протекания (нагнетание, кульминация и угасание) [Ильин, 2001, с. 55]. Процессы, а эмоции являются «психическими процессами» (А.Н. Леонтьев), представлены в языке также пофазно, т.е. они имеют фазисную структуру: начало, продолжение и окончание [Никитин, 2007, с. 381]. Эти наблюдения свидетельствуют о связи эмотивности и фазовости и определяют

актуальность исследования данных языковых категорий в контексте репрезентации динамики изображенных эмоций, в более широком плане – когнитивных процессов (См., например, лингвистическое описание динамики мысли персонажа сквозь призмю поиска истины [Щирова, 2000, с. 169–188]).

Категория фазовости исследуются в рамках теории функциональной грамматики. Фазовая детерминация рассматривается как один из параметров аспектуальности и предполагает выделение одной из фаз в протекании действия или состояния [Маслов, 2004, с. 321]. Традиционно разграничиваются лексические, грамматические и контекстуальные средства с фазовой семантикой (значение начала, продолжения, прекращения) [Храковский, 1987].

На материале английского языка были изучены *лексические* средства с фазовой семантикой, а именно: фазовые существительные, являющиеся глагольными производными и способные передавать значение фазы (*beginning, continuation, ending*) [Березняк, 1989], а также передающие то же значение обстоятельственные лексические показатели фазовости, т.е. наречия, предложные именные конструкции и фразеологические единицы (*suddenly, before, never, now, for a while*) [Кузнецов, 1997]. На *грамматическом* уровне фазовые значения реализуются системой видо-временных форм [Тиунова, 1990, с. 3]. Так, отмечается, что перфектный глагол обозначает действие, приводящее к новому состоянию, которое, в свою очередь, движет повествование вперед [Forsyth, 1970, p. 10]. *Контекстное* выражение идеи фазовости реализуется через описание текстовой ситуации, интерпретация которой позволяет делать выводы об изменении эмоционального состояния персонажа.

Особое внимание заслуживает «фазовая характеристика» (Е.С. Кубрякова) изображенной эмоции наивысшего проявления, т.е. аффекта. Вербализация аффекта связывается с отражением таких его онтологических признаков, как внезапность наступления, сравнительная краткость протекания и реализация в неконтролируемых действиях [Вольф, 2002, с. 237].

Итак, языковые/речевые средства с фазовой семантикой (начало, окончание, внезапность, краткость), маркируя новую фазу протекания действия или новую ситуацию, фиксируют измене-

ние эмоции (нагнетание, кульминация, угасание) персонажа и свидетельствуют о ее динамике.

Категория эмотивности демонстрирует особенности репрезентации в текстах разных типов [Филимонова, 2001, с. 10]. В связи с этим положением необходимо учитывать текстотипологическую маркированность изображенных в тексте эмоций, в том числе их динамику.

В неоготическом романе (далее НГР), являющемся модификацией готического романа, ведущей эмоцией выступает эмоция страха, которая актуализируется поэтапно (нагнетание, кульминация, угасание). Эта поэтапность актуализации страха определяется характерной для данного текста циклической схемой сюжетодвижения, имеющей трехчастную структуру: среднее звено в ней связано с пребыванием персонажа в «чужом» для него пространстве, индуцирующем кульминацию страха, а первое и третье – с отправкой в «чужое» пространство и возвратом из него, обусловливающими нагнетание и угасание страха соответственно.

Обратимся к НГР П. Макграта «Spider» и проанализируем языковые и речевые средства с фазовой семантикой, маркирующие динамику эмоции страха. Анализ эмотивной лексики будем осуществлять с опорой на ее разграничение В.И. Шаховским (обозначение, описание и выражение эмоций) [Шаховский, 2008].

Главный герой романа Деннис Клег едет в лондонский реабилитационный центр после двадцати лет лечения в психиатрической больнице, куда он был помещен за убийство матери. Поскольку центр расположен рядом с местом трагедии, приезд воскрешает в сознании героя детали убийства. Его преследуют устрашающие галлюцинации. После осознания свершившейся трагедии Деннис готовится совершить самоубийство, находя в этом для себя единственный счастливый исход.

Языковые средства, объективирующие нагнетание страха

В микроконтекстах № 1, 2, 3 описывается поездка Денниса в реабилитационный центр. Испытываемый героем комплекс отрицательных эмоций (замешательство, печаль, одиночество, отчаяние, тревога) свидетельствует о нагнетании страха.

(1) “*Somehow I found my way into the village and boarded the correct bus. I sat by a window and smoked; I gazed at the countryside*

as we rumbled toward London, attempting to control strong surges of bewilderment and loss that at times almost overwhelmed me. I felt, in a way, as I had after my mother’s death – the same sense of friendless isolation in a strange and threatening world” [Spider, 1990, p. 199].

В микроконтексте № 1 замешательство, одиночество и печаль, нагнетающие страх, обозначаются посредством лексических единиц (далее ЛЕ) *bewilderment*, *isolation* и *loss* в семантической структуре которых имеются актуализируемые в тексте семы ‘confused’, ‘alone’ и ‘sad’ (соответственно). Глагол *overwhelmed* (‘if someone is overwhelmed by an emotion, they feel it so strongly that they cannot think clearly’) [LDCE] и метафора *strong surges* позволяют автору описать, насколько сильно переживает героя приступы замешательства. К указывающим на тревогу компонентам текста относится метафорическая гипербола *threatening world*. Мир представляется Деннису угрожающим.

Нагнетание страха в рассматриваемом микроконтексте реализуется с помощью уподобления эмоционального состояния, которое герой переживал непосредственно после смерти матери, эмоциональному состоянию, которое он переживает сейчас (*I felt, in a way, as I had after my mother’s death*). Одиночество, не мучившее героя в больнице, где у него появились друзья, вернулось к нему во время поездки в центр. Предложенная интерпретация анализируемого фрагмента подтверждается эллиптированной перфектной формой *had*, которая указывает на предшествующие события в жизни героя и, следовательно, иные эмоциональные переживания.

О нагнетании страха и динамике эмоций свидетельствует эпитет *strange*, изображающий пугающий героя мир, – его семантика подразумевает наступление нового, неизведанного раньше (‘not known, heard, or seen before’) [Merriam-Webster].

(2) “*Twenty years in Ganderhill, how well I knew the place! <...>. And oh, the rhythms and rituals that governed the life there – in all of this I had a place, and was seen to have a place. As I sat there on that slow bus to London, among the housewives with their shopping bags, I knew with utter certainty that I could hope for no better than that, not me, not the old Spider; and now it was gone for good, for Jebb would never have me back, he’d made that clear enough”* [Spider, 1990, p. 199].

Утратив многое после выписки из больницы, Деннис, вместе с тем, потерял надежду вернуться в неё. В микроконтексте № 2 печаль и отчаяние передаются с помощью междометия *oh*, эмотивной структуры *how well... (how well I knew the place!)*, характерной для эмотивного текста, и глагола *hope*, семантика которого нивелируется отрицательным местоимением *no*.

О динамике испытываемых эмоций свидетельствует обстоятельный лексический показатель фазовости *now*, маркирующий новую для героя ситуацию (*and now it was gone for good*): невозможность вернуться в больницу (*Jebb would never have me back*) приводит Денниса в отчаяние.

(3) “*A bit of trouble with the crowds at first – the eyes! the thought patterns! The air was thick with them, and again I became uncoupled, I stood in the middle of Victoria Coach Station gripping my suitcase and frozen like a statue*” [Spider, 1990, p. 200].

В микроконтексте № 3 эмоции героя описываются с помощью причастия *uncoupled*, эмоциональной кинемы *gripping* и сравнения *frozen like a statue*. ЛЕ *uncoupled* фиксирует нарушение функций организма героя, вызванное состоянием сильной тревоги. Во вторичном значении причастия *frozen* выделяются семы ‘still’ и ‘quiet’. Герой настолько встревожен, что застыл, как статуя. Он крепко сжимает ручку чемодана (*gripping*), что позволяет читателю догадаться о его физическом напряжении, вызванном глубоким эмоциональным переживанием. Оказавшись в автобусе, Деннис испытывает сильную тревогу. Упоминание в тексте множества незнакомых людей (*crowds*), их взглядов (*eyes*) и мыслей (*thought patterns*) в сочетании с экспрессивностью внутреннего монолога (*A bit of trouble with the crowds at first – the eyes! the thought patterns!*) подчеркивает интенсивность испытываемой эмоции.

О динамике эмоции героя свидетельствует сложное глагольное фазовое сказуемое *became uncoupled*. Фазовый глагол *became* указывает на начало нового эмоционального состояния (тревоги).

Языковые средства, объективирующие кульминацию страха

Приезд в реабилитационный центр пугает Денниса, его мучают галлюцинации, он везде чувствует запах газа, которым отравил мать.

В приведенном микроконтексте (№ 4) описывается поток галлюциногенных образов героя, которого охватила мания преследования.

(4) “*But barely had I decided to go further, and see what had become of my father’s garden, and of the shed he’d built at the bottom of it, that a goods train went wildly shrieking beneath me, and in a sort of shambling panic I scampered back the way I’d come and was a few moments later clinging limply to a lamppost with my heart leaping and racing in my chest and my ear ringing with the sound of the train, a terrible sound that for a few seconds turned into a howl of mockery from some tribe of invisible imps, so it seemed! How easily I am thrown into turmoil, these days!*” [Spider, 1990, p. 18].

В микроконтексте № 4 страх обозначается с помощью существительного *panic*, описывается эмоциональными кинемами *scampered*, *clinging limply*, метафорическим словосочетанием *heart leaping and racing* и выражается прилагательным *terrible*. Ужасный шум (*terrible sound*) проезжающего мимо поезда вызывает у героя сильное сердцебиение и воспринимается его больным сознанием как глумление невидимых бесенят (*a howl of mockery from some tribe of invisible imps*). Высокая степень страха героя, которому везде мерещится опасность, передается с помощью эмотивной конструкции *How easily I am thrown into turmoil, these days!*

О кульминации эмоции косвенно свидетельствует обстоятельный лексический показатель фазовости *for a few seconds*. Герой панически напуган шумом поезда, длящимся лишь несколько секунд. Эта непродолжительность шума имплицитно подразумевает непродолжительность кульминации страха. Кульминативный характер страха (состояние аффекта) иллюстрируется также его высокой интенсивностью (сема ‘fear’ в ЛЕ *panic* и *terrible* интенсифицирована): герой в панике убегает (Ср. *scamper* – ‘to run with quick short steps, like a child or small animal’) [LDCE].

Языковые средства, объективирующие угасание страха

Результаты исследования категории фазовости на материале английского языка убеждают в том, что ситуация конца (фаза конца) может обозначать уход из жизни, смерть (ср. [Тиунова, 1990, с. 115]).

После осознания убийства матери Деннис собирается совершить самоубийство, о чем «сообщает» читателю (См. микроконтекст ниже). Галлюциногенные образы всё сильнее мучают его. Ощущение счастья, которое переполняет Денниса и свидетельствует об угасании страха, когда-то доминировавшего в его мироощущении.

(5) *"I will think of the silence of the moonlit sea. And when I'm up to my chest in it I'll still be thinking of the North Sea, and I'll be exulting inwardly, oh yes I will, I'll be exulting at the prospect of silence and darkness and dampness and sleep. But by that time the river will have its arms around me and down I'll go, and there'll be nothing left of your old Spider then but a dirty book stuffed a chimney"* [Spider, 1990, p. 219].

В микроконтекст включено причастие *exulting* и междометие *oh*, с помощью которых, соответственно, описывается и выражается «эмоция полного счастья» (А.А. Ухтомский). В значении причастия выделяется сема 'happy', актуализируемая в тексте:

- exult: 'to show that you are *very happy* and proud, especially because you have succeeded in doing something' [LDCE].

В приведенной дефиниции сема эмоции интенсифицирована (*very*). Синонимичный повтор причастия *exulting* в синтаксических конструкциях *I'll be exulting inwardly, oh yes I will, I'll be exulting*, а также длительный вид глагола позволяют автору акцентировать то чувство счастья, которое испытывает герой, намеривающийся покончить с собой.

Резюмируем вышеизложенное. Для эмоциональных процессов характерна «фазовость существования» (О.Н. Селиверстова), т. е. наличие фаз нагнетания, кульминации и угасания. Эта динамика реальных эмоций маркируется в тексте лексическими, грамматическими и контекстуальными языковыми/речевыми средствами с фазовой семантикой. Учет этих средств при языковом моделировании эмоциональных процессов позволяет адекватно описать внутренний мир персонажа, который не статичен, а динамичен.

Список литературы

Березняк О.Е. Английские фазовые существительные в предложении и тексте. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1989.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2001.

Кузнецов Д.В. Семантические классы обстоятельственных лексических показателей фазовости в русском и английском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1997.

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.

Тиунова С.П. Средства выражения фазовости в современном английском языке. Томск, 1990.

Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). Автореф. дисс. ... док. филол. наук. СПб., 2001.

Храковский В.С. Фазовость // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 153-178.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб., 2000.

Forsyth J.A. Grammar of aspect: Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.

McGrath P. Spider. New York, 1990.

Ссылки на электронные источники

Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. URL <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 03.09.2017).

Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 03.09.2017).

Pashkov Sergey Mikhailovich (Volkhov, Russia)

**CATEGORY OF PHASE WITHIN THE FRAMEWORK OF
REPRESENTING DYNAMICS OF EMOTIVE SENCES IN FICTION
(IN NEO-GOTHIC NOVEL «SPIDER» by P. MCGRATH)**

The paper deals with linguistic categories of emotivity and phase treated as interrelated, the study of this interrelation is considered relevant for modern linguistics. The interconnection of these categories is based on dynamics of real emotion – its forcing, climax and fading. The paper analyzes language and speech means with phasal semantics which indicate dynamics of emotions in neo-Gothic novel.

Keywords: phase, emotivity, dynamics of emotive meanings, neo-Gothic novel, emotion of fear

УДК 81.42

С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

**РЕАЛИЗАЦИЯ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ
В ФАНТАСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ
САРЫ ХОЛЛ «МИССИС ФОКС»**

Статья посвящена проблеме моделирования авторских концептов в фантастическом рассказе. На примере рассказа Сары Холл «Миссис Фокс» анализируется структура и содержание ядерного концепта, а также языковые механизмы экспликации и импликации его компонентов. В анализируемом рассказе фантастическое допущение может рассматриваться как средство выдвижения ядерных концептов.

Ключевые слова: фантастический рассказ, фантастическое допущение, авторский концепт, концептосфера

Субъективность и оригинальность художественного текста обусловлены концентрацией авторских индивидуально-личностных смыслов – авторских концептов или их компонентов. Эти индивидуальные компоненты картины мира автора, как правило, трудно выразимы, и автору приходится искать уникальные формы выражения, которые составляют суть художественного творчества.

Словесное искусство отличается многообразием форм и жанров, одним из которых является фантастический рассказ.

Основной характеристикой рассказа признается его фрагментарность, основанная на метонимическом принципе охвата действительности, из которого вытекают все особенности этого жанра: однособытийность и однопроблемность, небольшой объем, ограниченное количество персонажей, цельность, лаконизм, динамизм и напряженность [Черемисина, 2002, с. 100]. Рассказ, таким образом, объективирует наиболее актуальный, узловый фрагмент авторской картины мира и является лаконичным средством реализации авторской интенции, помогая автору сконцентрироваться на важнейшем.

Среди видов рассказа выделяют бытовой, сатирический, авантюрный, психологический, фантастический и другие.

Фантастический рассказ относится к фантастике как особой формой творчества. Исследователи фантастики по-разному ее определяют – как форму отражения мира, особый характер художественных произведений или жанр художественной литературы. Признается, что фантастика включает в повествование в качестве структурообразующего элемента выход за границы признаваемого реально возможным или существующим в той действительности, которой принадлежит автор. В результате создается фантастическая действительность, «странный мир», связанный с реальностью через познавательное отстранение [Кошелев, 1983]. По мнению Ц. Тодорова фантастическая действительность не равноценна сверхъестественному, она должна вызывать у читателя «колебания в выборе между естественным и сверхъестественным объяснением изображаемых событий» [Тодоров, 1999, с. 31].

Отправной точкой изображаемой фантастической действительности признается «фантастическое допущение», под которым понимаются изобретения, технологии, явления или целые вымышленные миры и цивилизации, которые самим фактом своего присутствия в тексте относят его к жанру фантастики [Скворцов, 2015].

В современной литературе, как известно, наиболее популярен такой вид фантастики как фэнтези. В отличие от научной фантастики фантастическое допущение в фэнтези является не технологическим, физическим, историческим или социологическим, а волшебным, мистическим или магическим [Медведева, 2002, с. 56]. Типичное для этого жанра фантастическое допущение – фантастический персонаж, внешне похожий на человека, но обладающий какими-то сверхъестественными способностями.

В целом, фантастическое допущение – это способ автора ярко выразить свое отношение к законам человеческого бытия, имплицировать свои субъективные оценки. Часто произведения фантастики поднимают вопросы философии, этики и морального выбора. Известным примером таких произведений служат фантастические рассказы Р. Бредбери.

Особенность фантастического текста как способа выражения авторских концептов (ментальных единиц индивидуального сознания автора) состоит не только в том, что содержание кон-

цептуальных признаков (смыслов) передается преимущественно имплицитно, но и в том, что автор целенаправленно создает систему образов, апеллирующих к чувствам читателя через удивление. Можно предположить, что фантастические допущения способствуют реализации таких концептуальных структур, для которых сложно найти иные способы номинации, поскольку то, что автор хочет выразить, может быть размытым, иррациональным, спорным, наконец, не понятным ему самому.

Фантастическим допущением в рассказе современной британской писательницы Сары Холл «Миссис Фокс» (*Sara Hall, Mrs Fox*) является фантастический персонаж: на глазах у своего мужа женщина (*Sofia*) превращается в лису. Превращение человека в лису и наоборот заимствовано автором из восточных легенд о кицунэ – лисе-оборотне, воплощающей злые чары, метафоре сумасшествия в японском фольклоре [Фролова, Бабенко, 2015, с. 301]. Интертекстуальные связи рассказа с образом кицунэ придают рассказу особый психологизм.

В произведении выявляются основные жанровые черты рассказа. Конфликт между протагонистом (мужем женщины-лисы) и антагонистом (Миссис Фокс) представлен как внутренний психологический конфликт мужчины, сбитого с толку аномальным превращением и отчаявшегося вернуть жену. После попыток забыть о случившемся и вернуться в нормальное русло жизни он, тем не менее, приходит к согласию с самим собой, когда видит свою жену-лису, устроившую свою новую жизнь в лесу, в окружении четырех лисят.

Типичным для короткого рассказа является выделение в ядерной зоне его концептосферы двух основных концептов, воплощенных в образах основных персонажей. Образ персонажа – это сложное единство деталей внешности, слов, поступков, внутренних состояний или событий, происходящих с персонажами [Щирова, 2003, с. 17]. Все детали формируют наполнение соответствующего авторского концепта. Концепт, реализованный в фантастическом персонаже (лисе), можно обозначить как «изъявление воли», он дважды эксплицирован в тексте фразой *act of will*.

В рассказе, тем не менее, концептуально более значимым становится не перевоплощение женщины в лису, не сам акт про-

явления ее воли, а переоценка протагонистом, и вместе с ним автором, ценностей в отношениях с человеком. Превращение как фантастическое допущение подчеркивает динамизм образа протагониста, делая его ярким и эмоциональным, и, таким образом, служит средством выдвигания ядерного концепта.

Концепт, воплощенный в образе протагониста, можно обозначить как «любовь», так как именно это чувство помогает герою адаптироваться к новым условиям жизни, попытаться понять причины превращения жены, принять новую жизнь. Его прежняя комфортная жизнь сменяется самоотречением, которое, в конечном итоге, приносит ему счастье.

Предложим модель концепта *love*. Его понятийная составляющая выражена прямым наименованием в первой строке рассказа (сильной позиции текста) – «*That he loves his wife is unquestionable*» [Hall, 2014]. ЛЕ *love* и ее дериваты повторяется в тексте (*The one who loves less is always loved more, He thinks of Sophia, whom he loved*), используются такие слова-ассоциаты, как *adoration, adore, tenderness*.

В структуру моделируемого концепта можно включить смысл «физическая привлекательность» и пары оппозиционных характеристик «комфортная жизнь» / «двойная жизнь», «непонимание» / «понимание», «собственничество» / «принятие свободы выбора». Эти пары характеристик противопоставлены авторской оценочностью: одни оцениваются отрицательно, другие – положительно. Перечисленные характеристики можно выделить в отдельные авторские концепты, занимающие приядерную зону концептосферы.

Физическая притягательность женщины проявляется в описаниях ее внешности и поведения. После превращения женщина-лиса становится более привлекательна физически. Детальные описания лисы поэтичны и чувственны, в них используется целый ряд эпитетов – *brilliant, exceptional, astonishing, smooth, delicate, gamey, smoky, sexual*, – и такие сравнения как *like a flaming scepter; as if she is looking along the earth into the future; as if in a crucible of ruddy, igneous landscapes; like scar tissue; the colour of the Edwardian citrine brooch*.

Большинство из перечисленных средств актуализируют положительные оценочные коннотации. Красота, таким образом,

в авторской картине мира связана со свободой воли человека: счастливый человек красивее и привлекательнее.

Мужчине в целом нравилось однообразие семейной жизни – *His sleep is blissful, dreamless. They eat dinner, sometimes they drink wine. They talk or listen to music; nothing in particular. There are no children yet*. Однако авторское неодобрение такой жизни, ее «опустошенности» имплицировано повторением отрицаний (*nothing, no*) и эпитетом *dreamless* с отрицательным суффиксом, подчеркивающим смысл бессмысленности жизни, в которой нет места мечтаниям. Герои по-разному относятся к своей устоявшейся, «отфильтрованной» семейной жизни. Женщину такая жизнь не устраивает, однако мужчина не хочет этого признавать, и в этом отношении он эгоистичен. Отсутствие взаимопонимания (недопонимание, незнание) между супругами отражено в том, что они почти не разговаривают, и выражено в риторических вопросах во внутренней речи протагониста, имплицированных его сомнения и незнания. Эти смыслы актуализированы и в таких словах и выражениях, как *unknowable, private woman, her business, dares not ask*:

And what of this wife? She is in part unknowable, as all clever women are.

She is a private woman; this is her business. Perhaps she is fighting a flu.

What is it then? An unhappiness? A confliction? He dares not ask.

Собственничество в отношении к жене выражается в сочетаниях с притяжательным местоимением – *she is his, his fox*, глаголом *belong*. В начале рассказа чувство собственника – удовольствие для протагониста – *Such simple pleasure; she is his to kiss*. Однако в дальнейшем к нему приходит понимание, что именно это чувство разрушает отношения. Его желание держать лису дома при себе, как проявление жестокости не только по отношению к ней, но и к себе, как причина страданий, имплицировано рядом эмотивных слов и выражений – *increasingly alone, cruel, angry, ashamed, lunacy, impasse, daily torment, pities, abhor, absurdist*, – повтором глагола *fail*.

Все перечисленные языковые средства опосредованно реализуют авторское негативное отношение к собственничеству в отношениях между людьми, с какими бы благими намерениями оно

не было связано. Желание защитить и материально обеспечить любимого человека не должно ограничивать свободу выбора.

Кульминационным моментом рассказа является решение протагониста отпустить свою жену-лису на свободу. При этом мужчина испытывает боль потери: он понимает, что может больше никогда не увидеть жену. Автор видит это ощущение как пустоту, передает этот смысл повтором отрицаний. Метафора *love's caveat* подчеркивает внутреннюю борьбу человека, пытающегося смириться с потерей:

He feels nothing. Not relief. Not sorrow. That night he leaves the back door standing open, love's caveat.

Преобразование жены как изъявление ее воли (*an act of will*) поставлено в оппозицию мужчине-собственнику (*be his pet*). В качестве нового отношения к любимому человеку непонимание сменяется пониманием. Автор подчеркивает это переходное психологическое состояние, используя метафору *dawns on him*:

After a while it dawns on him that she doesn't want to come back, that perhaps she did not want what she had. An act of will.

He is angry and ashamed. That she could ever, even before this, be his pet.

В развязке рассказа лиса показывает герою лисят в знак благодарности за понимание и самоотречение. Ощущения, которые испытывает мужчина, когда осознает свое отцовство, можно обозначить как душевный подъем, который выражен рядом слов и выражений – *core of purpose, mind is stupefied, great inspirational feeling lets loose, head is full of gold, glow of pride*.

Пройдя все испытания, герой перерождается – его любовь искренняя и щедрая. У него двойная жизнь, но при этом он счастлив – *If anyone were to ask, he would say, I am not without happiness*. Автор формирует антитезу, противопоставляя его чувства к жене-человеку и к лисе. Любовь к женщине выражена прямым номинантом – *He thinks of Sophia, whom he loved*. Любовь к лисе находит выражение в ярких метафорах (*quarter his mind, strike fear into his heart*), эмотивной лексике (*blaze, magnificence, unendurable*) и риторическом вопросе. Авторская оценка проявления любви в принятии свободы выбора имплицирована в заключительном предложении рассказа (сильной позиции) в семантике ЛЕ *unbelonging*:

To watch her run into the edgelands, breasting the ferns and scorching the fields, to see her disappear into the void – how could life mean anything without his unbelonging wife?

Таким образом, авторский концепт «любовь» представлен такими отрицательно оцениваемыми смыслами, как собственничество, нежелание понять и узнать любимого человека, привычка; положительно оцениваются уважение и принятие свободы выбора и воли, стремление к пониманию. Однако уважение к любимому человеку ассоциируется со страданиями, одиночеством. В свободе воли в полной мере проявляется красота человека. Фантастический образ женщины-лисы служит важнейшим средством формирования иерархии смыслов и, соответственно, авторских концептов.

Список литературы

- Кошелев С.Л. Философская фантастика в современной английской литературе. Романы Дж. Р. Р. Толкина, У. Голдинга и К. Уилсона 50-60-х гг. Автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1983.
- Медведева Е.В. Фантастический дискурс: сочетание антропоморфных и зооморфных характеристик в образе персонажей // Вестник КемГУ, 2002, № 4. С. 55–58.
- Скворцов В. В. Вымышленные языки в поэтике фантастической прозы США второй половины XX века. Автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2015.
- Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М., 1999.
- Фролова Е.Л., Бабенко Е.М. Образ лисы-оборотня и духа *мононоке* в японской мифологии // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Том 14. Вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. С. 299–306.
- Черемисина О.Н. Некоторые аспекты формирования композиционно-речевой структуры короткого рассказа (на материале американской прозы XIX–XX вв.) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. № 2-2. Барнаул, 2002. С. 99–105.
- Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003.
- Hall Sarah. Mrs Fox. London: Faber and Faber, 2014.

Ссылки на электронные источники

Литературная энциклопедия. В 11 т. Под редакцией В. М. Фриче, А.В. Луначарского. 1929—1939. М.: [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3924 (дата обращения: 20.01.2018).

Filippova Svetlana Gennadievna (Volkhov, Russia)

EMBODIMENT OF AUTHOR'S CONCEPTS IN FANTASTIC STORY
"MRS FOX" BY SARAH HALL

The paper deals with the problem of the author's concepts embodiment in a fantastic story. The paper analyzes the structure and content of nuclear concept as well as the linguistic mechanisms of its components explication and implication in the story "Mrs Fox" by Sarah Hall. In the story under analysis the fantastic assumption may be regarded as the means of foregrounding of nuclear concepts.

Keywords: *fantastic story, fantastic assumption, author's concept, concept sphere*

УДК 81.111

З.М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

ИГРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ
ФИКЦИОНАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

В статье анализируются игровые механизмы создания биографического повествования, использованные В. Вулф и В. Набоковым и во многом определившие дальнейшее развитие жанра биофантастики, ставшего особенно популярным во второй половине двадцатого века. Особое внимание уделяется рефлексивной и комбинаторной игре авторов вымышленных биографий.

Ключевые слова: *биографическое повествование, рефлексивная игра, комбинаторная игра, биофантастика, игровая модальность*

В последние десятилетия все большее распространение получают произведения, семантическая структура которых представляет собой причудливое сочетание исторических фактов и художественного вымысла. Такие произведения, как «The Master of Petersburg» Дж. Кутзее, в центре повествования которого – Ф.М. Достоевский, роман «Flaubert's Parrot» Дж. Барнса, посвященный Флоберу, и его уже недавнее произведение «The Noise of Time» о жизни Д.Д. Шостаковича, работа Дж. К. Оутс «Blonde» о Мэрилин Монро, являют собой лучшие образцы интердискурсивного симбиоза биографического повествования, автобиографических фрагментов, филологических наблюдений, эссеистических размышлений авторов и вымышленных мемуаров. Такая сложная полидискурсивная природа многих текстов ставит перед исследователями подобных произведений, в которых авторы намеренно играют с ключевыми в постмодернизме диадмами фикциональность/фактографичность, реальность/вымысел, творческое воображение/репрезентация, сразу несколько сложных задач. Одной из таких задач, несомненно, является попытка определить жанр таких произведений, которые сложно назвать классическими биографиями, в виду многочисленных экспериментов их авторов с нарративной структурой, произвольным использованием исторических фактов, очевидной мистификацией

читателей при реконструкции биографического образа. В современной исследовательской литературе такие произведения либо относят к так называемой историографической метапрозе [Hutcheon, 1980], либо причисляют к биофикции [Laskey, 2016]. Не отдавая предпочтения ни одному из этих терминов, можно на данный момент констатировать, что такие повествования находятся в «зоне жанровой неопределенности» [Андреева, 2000, с. 143], что обусловлено авторской прагматической установкой, предполагающей создание игрового, неопределенного и неоднозначного повествования.

Задачей данной статьи является попытка анализа ряда игровых механизмов, лежащих в основе вымышленных биографий, созданных в первой половине 20 века еще до начала постмодернистской эры, поскольку, как представляется, именно В. Вулф в «Орландо» (1928) и В.В. Набоков в «Истинной жизни Себастьяна Найта» (1941) дали творческий импульс многочисленным трансформациям, которые претерпел биографический жанр, и обусловили тот мощный игровой потенциал, который характерен для многочисленных «биофикций» второй половины 20 — начала 21 века.

Вирджиния Вулф в своем эссе «The New Biography» (1927) заявляет о необходимости «революционизировать жанр биографии», что дает основание считать «Орландо» не только преобразованной биографией Виты Саквилл-Вест, но и вполне удачной попыткой создать «новую биографию», которая бы опиралась на истину и давала бы возможность реконструировать личность биографируемого [Pawlowsky, 2003; Castle, 2016]. Сравнивая истину с «гранитом» и личность с «радугой», В. Вулф говорит о своем стремлении соединить их («to marry granite to rainbow»), поскольку, в отличие от биографов викторианского периода, которые лишь создавали хронику событий прошлого, сухо излагая факты, современный биограф «больше не действует как слуга субъекта [биографии], но выступает как равный ему, как художник в своем праве» [Woolf, 1988, с. 155, цит. по Pawlowsky, 2003, р. xi]. Трансформируя жанр биографии, таким образом, В. Вулф играет с его конвенциями, иронизируя над попытками биографа остаться непредвзятым летописцем событий длиною в триста лет, в центре которых образ Орландо. *Рефлексивная*

игра как авторская прагматическая установка лежит в основе моделирования повествования в «Орландо», в котором творение фантастической реальности происходит прямо на глазах читателей и биограф-повествователь благодаря своим многочисленным комментариям трансформируется в «биографа-творца» как одну из ипостасей текстового механизма «авторской маски», реализуемого в повествовательной модели метапрозы [Чемодурова, 2017, с. 8–9]:

He – for there could be no doubt of his sex, though the fashion of the time did something to disguise it – was in the act of slicing at the head of a Moor which swung from the rafters [Woolf, 2003, р. 5].

Первое же предложение этой вымышленной биографии становится игровым сигналом, указывающим на активную роль биографа, творящего образ главного героя. Предложенное в парантетической конструкции, используемой сразу после личного местоимения в сильной инициальной позиции, подтверждение принадлежности персонажа к мужскому полу, хотя у читателя вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения на это счет, способствует возникновению иронической интонации, которая в дальнейшем все больше усиливается и становится доминантой модуса формулирования повествования [Чемодурова, 2016, с. 360]. Переходя к описанию биографируемого, которое в викторианских биографиях было призвано создать объективный и реалистический портрет героя, В. Вулф при помощи маски «биографа» создает иронический панегирик Орландо, пародируя конвенции классической биографии:

A more candid, sullen face it would be impossible to find. Happy the mother who bears, happier still the biographer who records the life of such a one! Never need she vex herself, nor he evoke the help of novelist or poet. From deed to deed, from glory to glory, from office to office he must go, his scribe following after, till they reach whatever seat it may be that is the height of their desire [Woolf, 2003, р. 6].

Неоднократно подчеркивая свою роль объективного летописца – «the biographer who records», «his scribe», а также описывая то, что ненавидит и игнорирует «хороший биограф» – «every good biographer detests» (6), «the aim of every good biographer to

ignore» (6), маска биографа-творца достигает обратного результата: выдвигения на первый план процесса построения биографического повествования, в который оказывается задействован и читатель:

For though those are not matters on which a biographer can profitably enlarge it is plain enough to those who have done a reader's part in making up from bare hints dropped here and there the whole boundary and circumference of a living person; can hear in what we only whisper a living voice; can see, often when we say nothing about it, exactly what he looked like; know without a word to guide them precisely what he thought – and it is for readers such as these that we write – it is plain then to such a reader that Orlando was strangely compounded of many humours – of melancholy, of indolence, of passion, of love of solitude, to say nothing of all those contortions and subtleties of temper, which were indicated on the first page, when he slashed at the dead nigger's head; cut it down; hung it chivalrously out of his reach again and then betook himself to the window-seat with a book [Woolf, 2003, p. 35; выделено мною — З. Ч.].

Благодаря многочисленным стилистическим приемам – лексическим повторам, использованию параллельных конструкций, инверсии, обособлениям, перечислению – В. Вулф удается вовлечь читателя в увлекательную языковую игру по моделированию образа Орlando и его мира, в котором наряду с вымышленными событиями, как, например, период Великого Оледенения, когда Темза замерзла на глубину многих футов, есть и подробное описание родового поместья Саквиллов, и реальных современников Виты (очевидного прототипа Орlando), и ее предков. Биографическое повествование, таким образом, преобразуется, по удачному выражению В. Руднева, в один из «видов языковой игры» [lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt].

Игровая модальность вымышленной биографии эксплицируется также при помощи стратегии создания поликодового повествования: Вулф включает в повествование несколько иллюстраций. На одной из них Орlando в подростковом возрасте (стр. 7) изображен как предок Виты достопочтимый Эдвард Саквилл, чей родовой портрет 16 века Вирджиния Вулф изучала в поместье Ноул [Pawlowsky, 2003, p. VII], на другой иллюстрации в

роли русской княжны в детстве читатели могут видеть племянницу самой В. Вулф (стр. 19) и, наконец, последней иллюстрацией в книге стал портрет Виты Саквилл-Вест (стр. 161), так, как она, возможно, выглядела в четверг, 11 октября 1928 года (дата эта стоит в сильной позиции окончания биографии), когда ей доставили копию «Орlando. Биография».

Создаваемый В. Вулф причудливый мир, в котором Орlando-Вита живет на протяжении нескольких веков, в игровой форме (что отличает этот роман-забаву [a lark], по выражению самой Вулф [Pawlowsky, 2003, p. V], от ее серьезных экспериментальных произведений) возвращает нас к теме Времени и к проблеме репрезентации исторических событий как к одной из самых глобальных философских проблем 20 века. В последней главе произведения биограф, творящий личность Орlando при помощи фактов и воображения, уже открыто полемизирует с традиционным подходом к написанию биографии, представленным в классическом издании, первым редактором которого был отец В. Вулф, сэр Лесли Стивен:

The true length of a person's life, whatever the Dictionary of National Biography may say, is always a matter of dispute. For it is a difficult business – this time-keeping; nothing more quickly disorders it than contact with any of the arts [Woolf, 2003, p. 151].

В.В. Набоков, чей интерес к проблеме Времени, отображения времени механизмами человеческой памяти и репрезентации воспоминаний в тексте выразился в его автобиографии «Память, говори» и практически во всех его художественных творениях, свое первое англоязычное произведение «The Real Life of Sebastian Night» создает как игровой монтаж биографического, автобиографического, детективного дискурсов, как сложный многоуровневый текст, в котором субъектно-объектные и хронологические отношения при всей их поверхностной простоте характеризуются неопределенностью и неоднозначностью. Роман содержит целый арсенал игровых приемов и механизмов, среди которых моделирование игрового пространства текста, игровое использование антропонимов и топонимов, использование приема *mise en abyme*, использование многочисленных масок, автобиографическая игра, – такое разнообразие приемов привело к существованию как минимум пяти возможных интерпретаций

произведения (о том, написал ли V. весь текст, или это мистификация его покойного брата Себастьяна, а также о других версиях см. [Волков, 2011]). Такая «игровая заданность» текста, то есть намеренно заложенная В.В. Набоковым возможность нескольких альтернативных интерпретаций произведения, говорит скорее о комбинаторной игре как установке на создание фикционального мира, характеризующегося неопределенностью и неоднозначностью [Чемодурова, 2017, с. 10]. Пародируя в «Истинной жизни Себастьяна Найта» биографию Себастьяна Найта, написанную его секретарем мистером Гудманом и представляющую собой “one of those ‘biographies romances’ which are by far the worst kind of literature yet invented” [Nabokov, 2012, p. 20], В.В. Набоков предлагает свой метод описания личности, который не сводится к изложению биографических фактов, а представляет собой попытку приобщиться к изменчивым состояниям человеческой души. Экзистенциальный по своей сути роман отражает также и чрезвычайно болезненную и сложную для Набокова тему перехода на английский, тему поиска своей культурной идентичности, в игровой форме преломляющуюся в образах русско-франкоязычного повествователя/ биографа V. (Vladimir?) и его русско-англоязычного сводного брата S. (Sirin?) Knight (Nabokov?), биография которого создается на наших глазах. Если трактовать роман как роман-поиск, поиск истины и знания человеческой природы через творчество и рефлекссию, то комбинаторная/рефлексивная игра Набокова, призванная связать воедино Авто/Биографию и Вымысел, фикцию, объясняет множество масок, создающих в фиктивной биографии развернутую шахматную метафору. Увлечение В.В. Набокова составлением шахматных задач, его неоднократное сравнение своеобразного состязания автора и читателей с борьбой между составителем шахматной задачи и ее гипотетическим разгадчиком выливаются в шахматную тему как одну из метатем набоковского творчества, раскрывающую воистину «миросозерцательный характер» шахматной игры [Бахтин, 1990, с. 259]. Наделяя своих персонажей шахматными именами (Knight, Bishop, Toorovetz), Набоков по мере развития повествования, в котором происходит игровое наложение детективного дискурса (поиск загадочной возлюбленной Найта, сломавшей ему жизнь) и биографического дискурса (попытка реконструкции жизни

Найта), вводит все большее количество маркеров шахматной темы:

The door at which I rang was opened by a lean, tall, shock-headed man in his shirtsleeves and with a brass stud at his collarless throat. He held a chessman – a black knight – at his hand. I greeted him in Russian.

“Come in, come in,” he said cheerfully, as if he had been expecting me.

“My name is so-and-so”, I said. “And mine,” he cried, “is Pahl Pahlich Rechnoy” – and he guffawed heartily as if it were a good joke. “If you please”, he said, pointing with the chessman to an open door. [...] A heavily built man was sitting sideways at a table on which an oilcloth chessboard was spread, with pieces too large for the squares [Nabokov, 2012, p. 163, выделено мною — З. Ч.]

Пал Палыч, описываемый как White, и его двоюродный брат Black как будто призваны напомнить нам, читателям, что в Средние века шахматные партии разыгрывались живыми людьми, шахматы отражали связь судьбы, времени, истории [Бахтин, 1990: 260]. Фигуры всех участников разыгрываемой Набоковым партии, включая и основных персонажей, действительно оказываются «слишком велики для своих шахматных клеток», так что на последней странице романа мы внезапно обнаруживаем парадоксальное заявление, представляющее собой кульминацию рефлексивной и комбинаторной игры В.В. Набокова и непосредственно указывающее на «режиссерскую» роль невидимого творца:

The end, the end. They all go back to their everyday life (and Clare goes back to her grave) – but the hero remains, for, try as I may, I cannot get out of my part: Sebastian’s mask cling to my face, the likeness will not be washed off. I am Sebastian, or Sebastian is I, or perhaps we both are someone whom neither of us knows [Nabokov, 2012, p. 238; выделено мною — З. Ч.]

Множество персонажных масок и неопределенность повествователя, изобилие примеров авто/биографической игры в семантическом поле «фикциональность/фактологичность» создает эксплицитную игровую модальность данной биографии [Чемодурова, 2017], во многом определяя дальнейшее развитие жанра «биофикции».

Таким образом, подводя итог этого краткого анализа игровых механизмов построения биографического повествования, предложенных В. Вулф и В. Набоковым, можно заключить следующее: рефлексивная игра как прагматическая установка позволяет автору вплетать исторические факты в канву вымышленного повествования, предлагая свои комментарии о механизмах создания биографии и ее восприятия читателями. Комбинаторная игра способствует экспликации игровой модальности повествования, подчеркивая вымышленный характер биографии, обеспечивая выдвигание конститутивного компонента «фикция» в текстах, относящихся к жанру биофигции.

Список литературы

Андреева В.А. Об одной из зон жанровой неопределенности (автобиография и автобиографический роман) // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica*. Вып.9. СПб, 2000. С. 143–150.

Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990 (1965).

Волков К.А. От текста к произведению: роман В. Набокова «Истинная жизнь Себастьяна Найта» и его интерпретации // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 30, № 5, 2011. С. 26–37.

Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 2003.

Чемодурова З.М. Прагматика и семантика игры в текстах англоязычной постмодернистской прозы XX-XXI веков. Диссертация... доктора филол. наук. СПб., 2016. 407 с.

Чемодурова З.М. Прагматика и семантика игры в текстах англоязычной постмодернистской прозы XX-XXI веков. Автореферат дис... доктора филол. наук. СПб., 2017. 40 с.

Hutcheon L. *Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox*. Waterloo, Ontario, 1980.

Lackey M. *Locating and Defining the Bio in Biofiction*// *a/b: Auto/ Biography Studies*, 31:1, 2016.

Nabokov V. *The Real life Of Sebastian Knight*. London: Penguin Classics, 2012.

Pawlowski M. *Introduction*//Woolf V. Orlando. London, 2003. P. V-XXII.

Woolf V. Orlando. London, 2003.

Ссылки на электронные источники

Castle Jacob C., “Virginia Woolf’s Fictional Biographies, Orlando and Flush, as Prefigures of Postmodernism” (2016). *Electronic Theses and Dissertations*. Paper 3158: [Электронный ресурс]. URL: <http://dc.etsu.edu/etd/3158> (дата обращения: 20.11.2017)

Chemodurova Zinaida Markovna (Saint-Petersburg, Russia)

LUDIC MECHANISMS OF FICTIONAL BIOGRAPHY CONSTRUCTION

The paper analyses the ludic mechanisms of biographical narrative construction, which were used by V. Woolf and V. Nabokov in their works and accounted to a great degree for the further developments of “biofiction” as a genre that became very popular in the second half of the 20th century. The paper focuses on reflexive and combinatory play employed by the authors of the fictional biographies.

Keywords: *biographical narrative, reflexive play, combinatory play, biofiction, ludic modality*

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ УЧЕНИЯ О СТИЛЕ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: HOFFMANN MICHAEL.
STIL UND TEXT. EINE EINFÜHRUNG.
NARR STUDIENBÜCHER TÜBINGEN: NARR FRANCKE
ATTEMPTO VERLAG, 2017. – 267 СТР.**

В 2017 году в Германии в серии „Narr Studienbücher“ вышла в свет книга профессора Михаэля Гофмана, одного из известных современных немецких исследователей стиля и текста. Название книги (в русском переводе «Стиль и текст») свидетельствует о том, что в ней рассматриваются проблемы взаимодействия стиля и текста, актуальные для общей стилистики, а также для лингвистики и стилистики текста.

Цель настоящей рецензии состоит в том, чтобы представить оригинальную и во многом новаторскую концепцию стиля М. Гофмана русским лингвистам, занимающимся вопросами лингвистики текста и стилистики, а также изучающим особенности протекания речевой коммуникации в разных областях деятельности человека, включая своеобразие лингвостилистической организации текстов, наиболее употребительных в этих коммуникативных сферах. Для специалистов, профессионально изучающих немецкий язык, эта книга интересна и тем, что в ней представлены очень разнообразный и современный языковой материал, а также его нетривиальные лингвостилистические интерпретации.

Центральным теоретическим положением в концепции М. Гофмана является трактовка стиля и текста как неразрывного целого. Мы солидарны с автором в том, что текст и стиль связаны между собой отношением не смежности или противоположности, а – интеграции: стиль является неотъемлемой компонентой текста, признаком текстuality. Порождая текст, мы создаем

одновременно с этим и стиль, который не «добавляется» к тексту, а «вырастает» из него. Исследователь отмечает: „es gibt streng genommen kein Nebeneinander von Text und Stil im Sinne einer Gegenüberstellung. Es gibt vielmehr nur ein Ineinander: Stil ist ein integraler Bestandteil von Texten – ein Textualitätsmerkmal. Wer Texte produziert stellt immer zugleich auch Stil her. Stil wird Texten nicht hinzugefügt“. (с. 9).

Названный выше главный тезис автора о единстве стиля и текста пронизывает все композиционные части книги. Их четыре и посвящены они, соответственно, (1) стилистическим аспектам коммуникации на основе текста (Stilistische Aspekte der Textkommunikation), (2) дефиниционным параметрам текстовой категории стиля (Definitionsmerkmale der Textkategorie Stil), (3) стилю как объекту восприятия и интерпретации (Wahrnehmungs- und Interpretationsperspektive auf Stil), (4) методическим основаниям стилистического анализа (Hinweise zur Methodik der Stilanalyse)¹.

В рассуждениях первой части книги ученый исходит из того, что стиль текста «вплетен» в осуществляемые посредством текстовых высказываний процессы коммуникации. Так же как и текст, стиль создается автором речевого произведения, а затем воспринимается и интерпретируется реципиентом. При этом, вступая в процесс общения, создатель текста и его адресат действуют на основе текстовых компетенций, под которыми понимаются «разнообразные знания, касающиеся опыта использования текстов, а также способность создавать и воспринимать тексты «с пользой для себя» (нем. „ertragsorientiert“»)» (с. 11). Коммуникативная «полезность», или ценность, текста для его автора и реципиента в значительной мере зависит от их готовности и способности осознать и понять также и его стиль (стилистические особенности). Она может быть разложена на несколько составляющих, которые коррелятивно соотнесены с определенными стилистическими характеристиками, получаемыми текстом в процессе формулирования.

В список этих составляющих М. Гофман включает: интеллектуальную, практическую, эмоционально-психическую, социальную пользу текста. Далее следует его прагматическая ценность, касающаяся знания разных форм выражения текстового содер-

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка на русский сделан автором рецензии.

жания и их персуазивного воздействия на адресатов, а также возможностей самовыражения автора. Завершает перечень значимых для автора и реципиента текстовых (и параллельно – стилистических) компетенций метакоммуникативное знание, то есть умение анализировать текст в аспекте его соответствия некой «стилистической норме» и затем использовать это умение в собственной коммуникативно-речевой практике.

Покажем, например, каким образом автор книги проецирует на стиль текста интеллектуальную и эмоционально-психическую текстовые компетенции. (1) Интеллектуальная текстовая компетенция свидетельствует о способности речевого субъекта с помощью текста (в том числе и стилистическими средствами) успешно передать и понять какое-то новое знание. Так, написание текстов учебников, всегда рассчитываемых авторами на точное и непротиворечивое понимание их содержания, непременно должно сопровождаться настройкой на соответствующий тип адресата. А это, в свою очередь, обязывает создателя текста учебника при его формулировании следовать таким стилистическим требованиям как ясность, композиционная расчлененность, понятность изложения.

(2) Текстовая компетенция, касающаяся эмоционально-психической составляющей текста, заключается в осознании и автором и реципиентом возможности выразить посредством текста некие эмоции (радости, печали, гордости и др.) и сообщить их другим. Прагматическая эффективность текста зависит в данном случае от совпадения эмоциональных состояний создателя текста и реципиента в соответствии с намерениями обоих. В определенных типах текстов (поздравление, торжественная речь, соболезнование) это реализуется с помощью совокупностей специальных стилистических средств, функционирующих как речевые сигналы эмоционального содержания текста.

«Стилистические компетенции», представляя собой существенный аспект «текстовых компетенций», также могут быть разделены на более частные. Первое место среди них М. Гофман отводит способности целесообразного речевого выстраивания текста, уместного в соответствующей коммуникативной ситуации (Formulierungskompetenz). На втором месте находится компетенция, помогающая сочетать необходимые для выражения

авторских идей вербальные средства со знаками других кодовых систем (Visualisierungskompetenz). Так, в случае устных текстов просодика, мимика, жестикация, шумы, музыка могут существенно влиять на характер передаваемой информации. В письменных текстах роль «равноправных» композиционно-смысловых элементов играют графические и типографские знаки, цвет, картинка и др. Следующая стилистическая компетенция свидетельствует о способности создателя текста к креативному обращению с известными ему языковыми средствами и текстовыми образцами, иными словами – к языковой и текстовой «игре» (Sprach- und Textspielkompetenz).

Вторая, наиболее объемная, часть книги (с. 21–144) целиком посвящена отдельным дефиниционным признакам стиля, которые, по мнению М. Гофмана, являются методологически обязательными координатами в его научной идентификации как текстовой категории. Автор подробно (на обширном теоретико-библиографическом фоне, а также на разнообразном текстовом материале) освещает восемь таких признаков стиля. К несомненным достоинствам рецензируемой книги следует отнести то, что исследователь не только следует «духу» хорошо выдержанной научной дискуссии в ходе непосредственного анализа отдельных параметров стиля. Подводя итог этому анализу, М. Гофман последовательно выделяет под рубрикой «Дискуссия» те вопросы анализа, которые, на его взгляд, могут стать предметом для дальнейшего обсуждения, и дает к ним собственный комментарий.

Какие же координаты должны непременно присутствовать, по мнению автора книги, в научном определении стиля? Первое место среди дефиниционных параметров стиля занимает «создание контуров текста, соответствующих некому текстовому образцу» (нем. Musterbasiertheit)¹. Этот категориальный признак стиля указывает на то, что при порождении текста и развертывании его темы автор не только соблюдает грамматические правила, но и обязательно учитывает коммуникативную ситуацию, следуя

¹ Автор рецензии отдает себе отчет в том, что отдельным специалистам – читателям самой книги и настоящей рецензии перевод некоторых немецких обозначений координат стиля на русский язык может показаться не единственно возможным. Отметим, что большинство из предлагаемых М. Гофманом формулировок не имеют строгих терминологических соответствий в русской стилистике и допускают исходя из этого определенную свободу толкования.

определенным, соответствующим ее характеру принципам формулирования. Так, например, одну и ту же тему можно представить в наглядно-объяснительной форме в тексте учебника или в теоретико-абстрактном виде – в научном сочинении. Названный параметр стиля имеет трехчастную структуру, в которую входят: 1) целевой компонент (принципы, или идеи, положенные в основу создания задуманных контуров текста); 2) процедурный компонент (способ/-ы формулирования); 3) инструментальный компонент (средства формулирования). Немецкие обозначения этих компонентов, соответственно: finale Komponente, prozedurale Komponente, instrumentale Komponente (с. 22–31).

Параметр «целостности» (нем. Ganzheitlichkeit) предполагает толкование стиля как «осознанно создаваемого целого, состоящего из частей, которые тесно связаны между собой, подходят друг к другу и взаимодействуют между собой, в результате чего рождается единая, особым образом организованная система формулирования (текста)» (с. 31).

Не менее важен и такой категориальный признак стиля как его «контекстуальная обусловленность» (Kontextbezogenheit), или «реляционность» (Relativität), если использовать термин, предложенный другой известной немецкой исследовательницей стиля, Б. Зандиг. М. Гофман называет четыре вида контекстуального отношения стиля, демонстрируя способы их актуализации в разных типах текстов:

- к стилю других типов текста, от которых он отличается;
- к «рамочным» принципам формулирования, действительным для типа или класса текстов, в которых он создается;
- к уровням текстовой композиции (текстовое событие, тема текста, архитектура текста), на которых происходит манифестация стиля;
- к ситуативным контекстам коммуникации (участники общения, осуществляемого посредством текста, их социальные и индивидуальные характеристики, сфера общения, канал общения и др.), для которых он типичен и целесообразен, либо к тем, на которые он «настраивается» или указывает на них.

«Мотивированность» (нем. Motiviertheit) как концептуальный параметр стиля указывает на тесную связь этой категории с общим целеполаганием текста (нем. Wie-Wozu-Relation) и, далее,

его более частными прагматическими установками, например, такими, как речевая актуализация социальной и/или коммуникативной роли коммуникантов, их коммуникативной близости или удаленности друг от друга и др.

Особого внимания заслуживает «эстетический» параметр стиля текста (нем. ästhetische Gestalthaftigkeit), который – как справедливо отмечает М. Гофман – свойственен не только художественным, но и другим, так называемым обиходным текстам, особенно текстам с явно выраженной прагматической интенцией «самовыражения». Солидаризуясь с взглядами Р. Якобсона и Е. Косериу на суть «эстетического», автор книги отмечает, что всякий раз, когда форма текста становится (особенно) «содержательной» и специально фокусирует внимание читателя на том, какими языковыми и речевыми средствами достигается выразительность текста, мы можем говорить об эстетической (поэтической) функции формулирования, или стиля.

Не менее интересны и рассуждения автора (подчеркнем еще раз, всякий раз подтверждаемые глубокой и многоаспектной лингвостилистической интерпретацией разных типов текстов) по поводу параметров «лингвокультурная реляционность стиля» (с. 112–122), «имманентная принадлежность стиля уровню текста» (с. 122–132) и «знаковость стиля» (с. 132–142).

В результате освещения вышеназванных параметров стиля, каждый из которых, так или иначе, доказывает центральную идею монографии о неотрывности феномена «текст» от его «стилистической оформленности», автор книги дает собственную, уточненную дефиницию текста как единицы коммуникации: «Текст представляет собой целостную, используемую в прагматических или поэтических целях, существующую в определенном ситуативном контексте стилистически оформленную структуру из языковых знаков, в которую могут включаться знаки иных кодовых систем. Текстовый прототип состоит из нескольких предложений». (нем. „Ein Text ist eine kohärente, pragmatisch oder poetisch funktionalisierte, situativ kontextualisierte, stilistisch geformte Struktur aus sprachlichen Zeichen, in die sich Zeichen anderer Medialität einfügen können. Ein prototypischer Text besteht aus mehreren Sätzen.“) (с. 130)

Феномен стиля в проекции на текст получает следующее определение: «Стиль является культурно и контекстуально обуслов-

ленным, прагматически и/или эстетически значимым целостным знаком текста, создаваемым вследствие использования определенных образцов речевых действий по построению текстовой структуры, интерпретация которого не может не включать в себя проекцию на принципы, идеи, мотивы и др. формулирования». (нем. „Stil ist ein kultur- und kontextbezogenes, ganzheitliches Zeichen im Text mit pragmatischen und / oder ästhetischen Bedeutungen, das durch den Vollzug von Gestaltungsakten musterbasiert hervorgebracht wird und interpretierbar ist im Hinblick auf gestalterische Prinzipien, Ideen, Motive u. a. m.“.) (с. 144)

Можно предположить, что не менее интересными для российских исследователей текста и стиля окажутся третья и четвертая части книги. В них описываются опорные для восприятия и интерпретации стиля текста процедурные моменты и инструментальные средства его фокусирования в текстовой структуре, а также даются методические указания к оптимальному анализу стиля как текстовой категории. В первую очередь рассматривается значимость для стиля текста тех его элементов, использование которых не соответствует какой-либо «норме» (языковому – лексико-семантическому и грамматико-синтаксическому – стандарту, коммуникативному стандарту), изоморфных лексем и конструкций, форм сопоставления и противопоставления, в совокупности принадлежащих к такой важной примете стиля текста как «фигуративность». В разделе, посвященном «стилевым чертам» текста, достаточно известные типологии их оппозиционных пар уточняются и развертываются в зависимости от конкретных функций соответствующей «стилевой черты» в прототипической модели определенного типа текста. Например, в классе рекламных текстов сопоставляются в качестве оппозиционных стилообразующих характеристик формальная «краткость» рекламного плаката и «развернутость» текста рекламного проспекта, в классе журналистских текстов «объективность» информационно-газетного текста в развернутом виде сравнивается с «субъективностью» сатирической заметки и т. д.

Вслед за этим приводится перечень релевантных для интерпретации текста «стилевых регистров», выбор которых говорящим зависит не только от понимания специфики коммуникативной ситуации, но и от психического состояния в данный момент. Так, например, даже самые простые речевые акты обращения, при-

ветствия или призыва к действию могут принадлежать к разным «стилевым регистрам» («почтительно», «доверительно», «фамильярно», «агрессивно» и т. д.), имея в своей структуре специальные маркеры, указывающие на это. Соответствующий «стилевой регистр» или их «смешение» в тексте часто служат и дополнительным сигналом конкретной авторской интенции, а также отношения речевого субъекта к теме текста или к партнеру/-ам по общению. Так же, как и все остальные сигналы стиля текста, «стилевые регистры» взаимодействуют между собой и с другими «качественно разнородными компонентами текста» (нем. «qualitativ verschiedene Textkomponenten», с. 187), участвуя в рождении определенных видов текстовой композиции, иными словами, формально-смысловой спаянности текстового целого.

И, наконец, автор не обходит вниманием проблемы типологии стилей и ее значения для понимания сущности стиля как текстовой категории, различая два понятия: «тип стиля» и «типизированный стиль». Квинтэссенция теоретической позиции М. Гофмана в этом отношении заключена в умозаключении: «типы стилей – это классы стилей, которые охватывают типизированные стили» (нем. „Stiltypen sind Stilklassen, die typisierte Stile umfassen“.) (с. 199). Типизированные стили представляют собой, с одной стороны, стили, которые могут быть репродуцированы, а с другой – те, которые уже (реально) воспроизведены. В этом смысле типизация стиля является результатом формулирования текстов и их интерпретации, а типологизация стилей – итогом классификации. Автор книги приводит сводную таблицу подобным образом трактуемых им типов стиля и типизированных стилей, где в перечень типов стиля входят: индивидуальный стиль, групповой стиль, стиль эпохи, функциональный стиль, функциональный «подстиль», «стиль типа текста» (с. 200). В каждый из названных «типов стиля» входит ряд «типизированных стилей». Так, примерами «типизированных стилей» для типа «индивидуальный стиль» могут служить «стиль Франца Кафки», «стиль Томаса Манна». Тип стиля «функциональный стиль» представлен «институционально-административным стилем», «журналистским стилем», «научным стилем». «Стиль типа текста» реализуется в «стиле комментария», «стиле сказки», «стиле погодной сводки» и т. д. Осознанное представление о совокупности

критериев типологизации стилей и последовательная опора на одну и ту же категорию типизации стилей (например, индивидуальность автора) составляют основу «аналитической компетенции», которой должен обладать каждый исследователь и интерпретатор стиля текста.

В заключение отмечу, что несомненная полезность книги определяется, помимо многих новых открываемых ее автором научных направлений в изучении стиля как неотъемлемой текстовой категории, и весьма обширным списком самой современной зарубежной научной литературы по проблемам теории речевой деятельности и коммуникации, лингвистики, стилистики и типологии текстов.

НАШИ АВТОРЫ

БЕРЕЗИНА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ВЫШЕНСКАЯ ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ГОНЧАРОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ГУЗЬ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ГУРОЧКИНА АЛЛА ГЕОРГИЕВНА – профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Почетный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ДОНДКОВ ДОРЖИ ДОНДКОВИЧ – ассистент кафедры восточных языков Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЕВСТИГНЕЕВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИСЛАВОВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КЛЕЙМЕНОВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – профессор кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института Северодвинского филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ПАШКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПИГИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СМОЛОНОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОКАРЕВА КСЕНИЯ ДМИТРИЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

ФИЛИППОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЧЕМОДУРОВА ЗИНАИДА МАРКОВНА – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ШИШКИНА ИННА ПАВЛОВНА – профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Почетный профессор РГПУ им. А.И. Герцена

ШАХОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ – главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского госу-

дарственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный доктор Волгоградского государственного социально-педагогического университета

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЭРМАН ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕСТВУЯ ФИЛОЛОГОВ: ЮБИЛЯРЫ ИНСТИТУТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Щирова И.А., Сергаева Ю.В.</i> Имя в науке: Ирина Владимировна Арнольд	3
<i>Эрман В.А.</i> Ученый. Учитель. Наставник: Инна Павловна Шишкина	7

110-летию со дня рождения ИРИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ АРНОЛЬД ПОСВЯЩАЕТСЯ

<i>ШАХОВСКИЙ В.И.</i> Коннотация: история, результаты, перспективы	9
--	---

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКА И ПОЗНАНИЯ

<i>БЕРЕЗИНА О.А.</i> Семантика и концептуальный субстрат прономинального субъекта безличной структуры	29
<i>ГУРОЧКИНА АГ.</i> Соотношение понятий когниция и познание.	38
<i>НИФАНОВА Т.С.</i> Сопоставительное изучение семантически осложненных образов.	45
<i>ТОЛОЧИН И.В.</i> PASSER-BY: фразовое существительное?	54
<i>ШИШКИНА И.П., СМОЛОНОГИНА Е.А.</i> Немецкая лексикография вчера, сегодня, завтра	62
<i>ЩИРОВА И.А.</i> Идея текста и интерпретации в общенаучном контексте: об интеграционных процессах в современной науке	76

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

<i>ДОНДАКОВ Д.Д.</i> Лексические особенности мужской и женской речи в современном китайском языке	86
<i>КЛЕЙМЕНОВА В.Ю.</i> Миф о русском хакере в медийном дискурсе.	93
<i>СЕРГАЕВА Ю.В.</i> «Я» и «Другой» в инокультурном имени: в поисках антропонимической идентичности	100
<i>ТОКАРЕВА К.Д.</i> К вопросу о соотношении категорий самости и чужести.	108

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>ВЫШЕНСКАЯ Ю.П.</i> Фонетическая составляющая художественного стиля средневекового английского аллитерационного текста	115
<i>ГУЗЬ М.Н., ПИГИНА Н.В.</i> Лингвостилистические особенности рекламной кампании фирмы IWC	122
<i>ЕВСТИГНЕЕВА Л.В.</i> «Программа интерпретации» в контексте теории лабиринтов (на материале рассказа Дж. Джойса “Eveline”)	138
<i>ПАШКОВ С.М.</i> Категория фазовости в контексте репрезентации динамики эмотивных смыслов в художественном тексте (на материале неоготического романа П. МакГрата «Spider»)	144
<i>ФИЛИППОВА С.Г.</i> Реализация авторских концептов в фантастическом рассказе Сары Холл «Миссис Фокс»	153
<i>ЧЕМОДУРОВА З.М.</i> Игровые механизмы создания фикциональной биографии	161

РЕЦЕНЗИИ

<i>ГОНЧАРОВА Е.А.</i> Новые тенденции в развитии учения о стиле. Рецензия на книгу: Hoffmann Michael. Stil Und Text. Eine Einführung. Narr Studienbücher Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2017. 267 стр.	170
<i>НАШИ АВТОРЫ</i>	179

STUDIA LINGUISTICA

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

XXVII

Подписано в печать 00.00.2018. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,6.
Тираж 200 экз. Заказ 6842.

Отпечатано в ООО «Политехника-принт».
Санкт-Петербург, Измайловский пр, 18-д.